

№ 1 (2023)

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3.

История.

Политика. Право.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

г. Калуга

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Казак Максим Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ректор КГУ им. К.Э. Циолковского (главный редактор)

Доможир Владимир Викторович, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор КГУ им. К.Э. Циолковского (заместитель главного редактора)

Аксенова Галина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Александров Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Белова Ирина Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права

Берговская Ирина Николаевна, кандидат философских наук, директор Института истории и права

Васильева Татьяна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Дроздов Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Иванов Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Ильяш Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Кархалев Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции КГУ (профессор кафедры гражданского права Башкирского государственного университета)

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Курков Владимир Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Старостенко Константин Викторович, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой общей и прикладной политологии Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

Степанов Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН

Тарасова Любовь Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права

Федоров Александр Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Штепа Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Гаврилюк Наталия Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, и.о. зав. кафедрой истории Института истории и права

Адрес редакции:

248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48, комн. 605

Тел.: + 7 961 124 45 15

E-mail: VKU3@tksu.ru**УЧРЕДИТЕЛЬ:**

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Белова И.Б., Мухина М.В. «КРЕСТЬЯНЕ УЖЕ ПОЛУЧИЛИ ВОЛЮ, ДЕЛО ОСТАЛОСЬ ЗА ЗЕМЛЕЙ»: ПИСЬМА К КРЕСТЬЯНАМ КАЛУЖСКОГО РЕСПУБЛИКАНЦА С.Е. ЛИОНА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ВЫБОРАМ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ	4
Белова И. Б., Дорохина М.Н. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА ФЁДОРОВНА И КАЛУЖСКИЙ КРАЙ	8
Гандера С.И. ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАЛУЖСКОМ РЕГИОНЕ В XIX ВЕКЕ (НА ПРИМЕРЕ- МЕЩОВСКОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА)	18
Евсеева Е.В. ОККУПАЦИЯ ГИТЛЕРОВЦАМИ ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОГО КРАЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ	26
Иванов В.А., Иванов С.В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ С БОЕВЫМИ ЧАСТЯ- МИ КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИА- ЛАМ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ 1942 – 1945 ГГ.)	30
В.М. Кукушкин ВОЙНА НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ ГЛАЗАМИ СОЛДАТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ВОССТАНИЕ ЧАСТЕЙ РУССКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА В ЛАГЕРЕ ЛЯ – КУР- ТИН	36
Кометчиков И.В. СПЛОШНОЕ РАЗМИНИРОВАНИЕ ОБЛАСТЕЙ ЗАПАДА РСФСР В СЕРЕДИНЕ – КОНЦЕ 1940–Х ГГ.	44
Панасюк В.В. ГРУППОВОЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКИХ АГРАРНЫХ ПРЕ- ОБРАЗОВАНИЙ 1907 – 1914 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)	49
Сорочан В.В., Мосина Э.С. ЦИФРОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАКТИКА СТАНДАРТИЗАЦИИ	54
Старцева Ю.С. СРАЖЕНИЯ НА РУБЕЖЕ ЕКАТЕРИНОВКА – МАЛЕЕВО – КРЕМЕНКИ В ХОДЕ БИТВЫ ЗА МОСКВУ (ОКТАБРЬ 1941 – ЯНВАРЬ 1942 Г.): ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВА- НИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ	60
Тарасова Л.В. ОБРАЗЫ ЛИВИИ В ПОЭЗИИ ОВИДИЯ	63

ПОЛИТИКА

- Аввакумова Е.Е., Карпенко А.А., Дерюгина Д.Ю.*
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ГРАЖДАН НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2018 ГОДУ И США В 2016 ГОДУ 70
- Андрянова В.А.*
КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА 77
- Вериго Д.Ю., Пашкова А.А.*
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ..... 81
- Куделинская А.Р.*
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ 88
- Меньшова А.О.*
РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПРОЦЕССЕ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ ... 93
- Моисеев А.*
РЕФОРМЫ В КЫРГЫЗСТАНЕ В ПЕРИОД 1991 – 2010 ГГ. 97
- Смирнова Е.О., Яценко Е.С.*
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 103
- Сорочан В.В., Ткач Д.А.*
РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ 108

ПРАВО

- Ильяш А.В., Голышева П.Д.*
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КЛЕВЕТУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ 114
- Магомедова Е.А., Муравель М.А.*
ЗАКРЕПЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 118
- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ** 124

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.3

И.Б. Белова, М.В. Мухина

«КРЕСТЬЯНЕ УЖЕ ПОЛУЧИЛИ ВОЛЮ, ДЕЛО ОСТАЛОСЬ ЗА ЗЕМЛЕЙ»: ПИСЬМА К КРЕСТЬЯНАМ КАЛУЖСКОГО РЕСПУБЛИКАНЦА С.Е. ЛИОНА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ВЫБОРАМ ВО ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

В статье рассмотрена просветительская деятельность в ходе подготовки выборов во Всероссийское Учредительное собрание в Калужской губернии редактора и издателя газеты «Калужский республиканец» Сергея Ефремовича Лиона. Не переходя к прямой агитации за партию социалистов-революционеров, к правому крылу которой он принадлежал, С.Е. Лион подробно и доступно разъяснял читателям аграрную программу этой партии.

Ключевые слова: Всероссийское Учредительное собрание, Калужская губерния, Сергей Ефремович Лион, газета «Калужский республиканец», крестьяне, партия социалистов-революционеров.

I.B. Belova, M.V. Mukhina

«THE PEASANTS HAVE ALREADY RECEIVED THEIR WILL, THE MATTER REMAINS FOR THE LAND»: LETTERS TO THE PEASANTS OF THE KALUGA REPUBLICAN S.E. LYON DURING THE PREPARATION FOR THE ELECTIONS TO THE ALLRUSSIAN CONSTITUENT ASSEMBLY

The article considers educational activities during the preparation of the elections to the All-Russian Constituent Assembly in the Kaluga province of the editor and publisher of the Kaluga Republican newspaper Sergey Yefremovich Lyon. Without moving on to direct agitation for the party of socialist revolutionaries, to the right wing of which he belonged, S.Y. Lyon explained in detail and accessible to readers the agrarian program of this party.

Key words: All-Russian Constituent Assembly, Kaluga Province, Sergey Yefremovich Lyon, Kaluga Republican newspaper, peasants, Party of Socialist Revolutionaries.

После установления в России власти Временного правительства весной 1917 г. начинается подготовка к выборам в Учредительное собрание, так как именно на этот орган возлагалось разрешение главных проблем, стоявших перед государством. Крестьяне рассчитывали на разрешение аграрного вопроса. Политические партии корректировали свои программы в связи с менявшейся политической ситуацией, но весной 1917 г. пункт, предполагавший борьбу за созыв Учредительного собрания, присутствовал во всех программах.

Немаловажной частью подготовки к всенародному голосованию являлась просветительская работа с населением, предполагавшая разъяснение целей выборов в Учредительное собрание, знакомство с процедурой голосования. Важным было ознакомить потенциальных избирателей с программами

политических партий. Представители политических партий проводили разъяснительные беседы с местным населением, где помимо агитации за ту или иную партию, подчеркивали особую важность будущих выборов и участия в них каждого жителя страны. Просветительская работа велась и на страницах периодических изданий.

С апреля по октябрь 1917 г. в Калуге выходила газета «Калужский республиканец», которая поддерживала калужское отделение партии социалистов-революционеров, политику Временного правительства, выступала за созыв Учредительного собрания. На страницах газеты, выходившей ежедневно, печатались сведения о положении дел на фронтах Первой мировой войны, материалы европейских газет, информация о внутриполитических делах. На страницах «Калужского республиканца» публиковались также от-

четы заседаний городской и Государственной думы, материалы собраний партии эсеров, исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Калуги, информация о проведении мероприятий по политическому просвещению граждан. Редакция газеты имела своих корреспондентов в уездах, которые сообщали о положении дел на местах, настроениях крестьянства.

Главным редактором и издателем газеты был Сергей Ефремович Лион – видный юрист, служивший в Калуге присяжным поверенным. В городе он развернул активную деятельность, принимал участие в крупных судебных тяжбах, из всех уездов к нему приходили письма от граждан с просьбами помочь в том или ином юридическом вопросе.

Стоит отметить, что в студенческие годы С.Е. Лион состоял в подпольной группе одесского революционного кружка лавристов¹. В Одессе Сергей Лион вел пропаганду среди рабочих, знакомил их с трудами Фердинанда Лассаля и Карла Маркса. Лион вспоминал, что ему удалось создать подпольную группу из 20-ти человек, некоторые из которых стали храбрыми революционными борцами. Родители и старший брат неоднократно призывали молодого человека бросить путь «утопических бредней», но С. Лион оставался на своей позиции. В 1878 г. он был задержан, только подпольное прозвище «Касьян» (настоящего имени Лиона рабочие не знали) спасло его от суда и виселицы. Затем последовала ссылка в Якутскую область, которая впоследствии была заменена на пять лет полицейского надзора [11, с. 15 – 36].

В первом номере газеты от 15 апреля была размещена колонка под названием «Письма к крестьянам». За весь период существования газеты было опубликовано шесть писем за подписью С.Е. Лиона. Каждое письмо начиналось с фразы «Граждане-крестьяне!». В первом письме редактор высказывал большие надежды по поводу смены власти, подчеркивая, что крестьяне уже получили волю, и осталось дело за землей. Учредительное собрание поможет крестьянам получить желаемое. Для этого крестьяне должны выбирать только тех людей, которые стоят за демократическую республику и за землю для крестьян (за землю и волю). Нет

земли без воли и нет воли без земли. Лион призывал не допускать никаких насилий и самоуправства, иначе это погубит дело. Редактор отмечал, что лучшие люди государства, долгое время занимавшиеся аграрным вопросом пришли к выводу, что безвозмездно могут быть отчуждены только кабинетские, удельные и монастырские земли. Крупные частные землевладельцы за потерянные земли непременно должны получить справедливое вознаграждение, размер которого будет определен местным земельным комитетом [5, с. 4].

В Письме № 2 от 16 апреля Лион объяснял, как будет формироваться Земельный фонд, призывал создавать на местах земельные комиссии из проверенных людей, которые после УС и займутся распределением земель. Сергей Ефремович подчеркивал, что частные лица, чьи земли превышают трудовой надел, обязательно должны получить вознаграждение за отчуждаемые у них земли. Призывал уважать право частной собственности. «Справедливое дело не должно прибегать к несправедливым средствам» - заключал Лион [6, с. 2].

В письме № 3 от 17 апреля «Калужским республиканцем» объясняются различия между терминами «социализация», «муниципализация» и «национализация» земли. В первом случае земельный надел может дробиться между потомками первого собственника, что может вновь вернуть проблему малоземелья, во втором случае земля будет передаваться в собственность волостей или уездов и может быть не совсем справедливо распределена. С.Е. Лион считал, что именно национализация земли, передача ее в собственность государству, может обеспечить справедливое и уравнивающее распределение земель [7, с. 2].

Письмо № 4 от 20 апреля посвящено разъяснению понятий «трудовая норма надела» и «потребительская норма надела». Трудовая норма надела предполагала такое количество земли, которое крестьянин может обработать совместно с членами своей семьи без привлечения наемных рабочих. По потребительской норме крестьянская семья должна была получить такое количество земли, которое обеспечит ее товарами первой необходимости. В письме подробно разъяснялись условия использования земельного надела, указывалось, что сдача земли в аренду запрещается, но в определенных ситуации-

¹ Лавристы – сторонники П.Л. Лаврова в народническом движении 1870-х гг. Лавристы считали, что революционным выступлениям должна предшествовать организованная пропаганда среди молодежи и рабочих.

ях возможна передача земли обществу по соглашению [8, с. 2] После публикации номера один из читателей обратился в редакцию с просьбой разъяснить условия передачи земли другим лицам.

В письме № 5 Лион выражает благодарность гражданину Гумилевскому, который просил разъяснить вопрос передачи земли, призывает читателей задавать волнующие вопросы, касающиеся земельного законодательства. Сергей Ефремович подчеркивал, что земля может быть передана на определенный срок в пользование обществу, но не частному лицу только в случае, если семья не имеет трудовой силы для ее обработки [9, с. 2].

В письме редактор обращается к крестьянам с призывом поддержать Временное правительство в борьбе за свободу и противостоянии с Германией. Указывает на необходимость бороться с дезертирами доступными крестьянам методами, используя общественное осуждение, призывает подписываться на Заем свободы для успешного ведения военных действий. Отметим, что тема дезертирства с февраля 1917 г. становится крайне актуальной. Если с начала Первой мировой войны до Февральских событий общее число дезертировавших из армии составило 195 130 чел. (всего 1,2 %), т.е. по 6 346 чел. в среднем ежемесячно бежали из армии [13, с. 26], то после февраля 1917 г. в тыловые губернии хлынул настоящий поток дезертиров. Сочувствие населения дезертирам, пособничество и укрывательство их стали настолько массовым явлением, что искоренение дезертирства сделалось невозможным вплоть до окончания уже Гражданской войны [1, с. 24 – 40].

В последнем обращении к крестьянам от 6 мая С.Е. Лион в очередной раз затрагивает проблему частновладельческих земель. Несколькими днями ранее в Москве проходил Съезд крестьянских депутатов Московской губернии, который вынес постановление бороться за полную отмену частной собственности и передачу всех земель государству. Это обстоятельство очень возмутило Сергея Ефремовича, который считал, что отчуждение земель у мелких владельцев может возбудить их против республики. «Надо желать в меру, добиваться полностью того, что возможно, но не сверх этого. Те, кто советуют добиваться не хорошего, а лучшего желают вам не добра, а зла. Они могут погубить

все крестьянское дело и ввергнуть вас в новое рабство. И не по злой воле, а по недомыслию. Лучше синица в руках, чем журавль в небе, особенно, когда журавль такой жирный, а синица состоит из неисполнимых обещаний» - отмечал редактор [10, с. 2]. Позднее в последнем номере газеты от 15 октября появилось объявление о продаже брошюры С.Е. Лиона «Как делить землю (письма к крестьянам)».

Следует отметить, что в своих обращениях к крестьянам С.Е. Лион никогда не переходил к прямой агитации за партию социалистов-революционеров, но отмечал, что в интересах крестьян отдать свои голоса за партию, которая отстаивает демократическую республику, национализацию земли и выражает поддержку Временному правительству, что совпадало с программой партии эсеров. В Калужской губернии партия эсеров шла на выборы в Учредительное собрание вместе с губернским Советом крестьянских депутатов, стоявшим на эсеровских позициях, у них был общий список кандидатов под номером «2». Через свой местный печатный орган «Свободный пахарь» крестьянский Совет агитировал голосовать за кандидатов списка номер «2» [2, с. 10].

Итак, в своих материалах С.Е. Лион освещал важнейшие проблемы жизни общества того периода и агитировал жителей губернии, прежде всего крестьян, принять участие в выборах, оказав поддержку Учредительному собранию, с которым связывал надежды на успешное завершение Первой мировой войны и долгожданное возвращение к мирной жизни в демократической республике с последующим максимально справедливым решением земельного вопроса. Остается только сожалеть, что усилия С.Е. Лиона по просвещению «граждан-крестьян» остались тщетными, и партия социалистов-революционеров получила на выборах во Всероссийское Учредительное собрание по Калужской губернии около 33% голосов избирателей (большевики – около 58%). Итоги выборов в Учредительное собрание по Калужскому избирательному округу официально были объявлены 7 декабря 1917 г. Левые эсеры И.П. Бородачев, Б.С. Елисеев и Н.И. Пароль были избраны членами Учредительного собрания, однако в целом по Калужской губернии эсеры заняли лишь второе место после большевиков [12, с. 410].

Уже на I Губернском съезде Советов, состоявшемся в январе 1918 г., правых эсеров лишают представительства на съезде [4]. Из материалов, хранящихся в Государственном архиве Калужской области, известно, что Калужская Чрезвычайная комиссия завела дело на С.Е. Лиона по обвинению в том, что он являлся редактором правоэсеровских газет «Красное знамя» и «Калужский республиканец», был арестован его сын Борис [3]. Однако впоследствии при советской власти Сергей Ефимович жил неплохо по мер-

кам того времени. Как персональный пенсионер республиканского значения он состоял в Обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Опубликовал несколько книг по революционному движению конца XIX в., непосредственным участником которого являлся сам. Последние годы жизни он посвятил сбору сведений для составления словаря общественно-политических деятелей, издававшегося в 1920 – 1930-х гг. [14, с. 31].

Список литературы:

1. Белова, И.Б. Дезертирство в Советской России в 1918 – первой половине 1920-х гг. (по материалам Калужской губернии) / И.Б. Белова // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2016. – № 2. – С. 24–40.
2. Белова, И.Б., Нечаева, Е.С. Деятельность левых социалистов-революционеров в Калужской губернии, октябрь 1917 г. – февраль 1919 г. / И.Б. Белова, Е.С. Нечаева // Вестник Брянского государственного университета. – 2022. – № 1 (51). – С. 7–18.
3. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-1498. Оп. 4. Д. 44. Л. 27.
4. Калужская правда. – 1918. – № 12. – 18 января.
5. Калужский республиканец. – 1917. – № 1. – 15 апреля.
6. Калужский республиканец. – 1917. – № 2. – 16 апреля.
7. Калужский республиканец. – 1917. – № 3. – 17 апреля.
8. Калужский республиканец. – 1917. – № 5. – 20 апреля.
9. Калужский республиканец. – 1917. – № 16. – 3 мая.
10. Калужский республиканец. – 1917. – № 19. – 6 мая.
11. Лион, С.Е. От пропаганды к террору / С.Е. Лион. – М.: Новая Москва, 1925. – 64 с.
12. Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году / сост. И. В. Зайцев, В. В. Луговой. – Калуга. – 1999. – 432 с.
13. Россия в мировой войне 1914 – 1918 гг. (В цифрах). – М.: Тип. МКХ им. Ф.Я. Лаврова, 1925. – 103 с.
14. Урусов А. Адвокат из Покровского переулкa // Калужские губернские ведомости. – 2020. – № 43. – 23 октября.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94/47 + 929.2 Романовы + 908(470)

*И.Б. Белова, М.Н. Дорохина***ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА ФЁДОРОВНА И КАЛУЖСКИЙ КРАЙ**

Каждый приезд в Калугу членов российского Императорского Дома являлся неординарным событием для калужан, тем более что это случалось не так уж и часто. Например, император Николай II приезжал в Калугу 7 мая 1904 г. Её Императорское Высочество Великая княгиня Елизавета Фёдоровна – сестра последней русской императрицы Александры Фёдоровны, посещала Калужскую землю трижды – в 1911, 1914 и 1915 гг. Каждое её посещение являлось праздником и значимым событием для жителей губернии, ведь ещё при жизни Великую княгиню стали называть «Белым Ангелом» за её доброту и благотворительную деятельность в пользу пострадавших военных, а также их детей и детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, в годы русско-японской и Первой мировой войн.

Ключевые слова: Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, Сергиев скит, Оптиная пустынь, Лаврентьев монастырь, Калужская губерния, Елизаветинский комитет, Императорское Православное Палестинское Общество.

*I.B. Belova, M.N. Dorokhina***GRAND DUCHESS ELIZAVETA FEDOROVNA AND KALUGA TERRITORY**

Each visit of members of the Russian Imperial House to Kaluga was an extraordinary event for the people of Kaluga, especially since it did not happen so often. For example, Emperor Nicholas II came to Kaluga on May 7, 1904. Her Imperial Highness Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, the sister of the last Russian Empress Alexandra Feodorovna, visited the Kaluga land three times - in 1911, 1914 and 1915. as well as their children and orphans left without parental care during the Russo-Japanese and First World Wars.

Key words: Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, Sergiev Skete, Optina Pustyn, Lavrentiev Monastery, Kaluga Province, Elizabethan Committee, Imperial Orthodox Palestine Society.

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна приходилась не только родной сестрой последней русской императрице и внучкой английской королеве Виктории. Она была женой Великого князя Сергея Александровича, занимавшего пост генерал-губернатора Москвы и Московской губернии. Великий князь был убит террористами на территории Кремля. Эта трагедия произошла 4 февраля 1905 г. (здесь и далее все даты даны по старому стилю) в районе 3 часов дня, когда Сергей Александрович отъехал в карете от Николаевского дворца в Кремле. На подъезде к Никольской башне он был убит от разрыва бомбы, брошенной Иваном Каляевым¹. К большому сожалению, приходится констатировать что, до сих пор в честь него названы улицы в десятках городах России [8, с. 2]. Во

время теракта карету мгновенно разнесло. Великий князь погиб сразу же на месте, а его смертельно раненного кучера отвезли в Яузскую больницу, где он вскоре скончался. Как было написано в газете «Правительственный Вестник»: «Прах Великого князя перенесен генералами и офицерами в Чудов монастырь и тотчас же в 4 часа дня была отслужена первая панихида в присутствии её Императорского Высочества Великой княгини (далее – ЕИВ ВК) Елизаветы Фёдоровны, их Императорских Высочеств Великих князей Дмитрия Павловича², Великой княжны Марии Павловны³, властей города и Свиты. В 8 часов

¹ Каляев Иван Платонович (06.07.1877 – 27.05.1905) – российский революционер, эсер, поэт. Наиболее известен как участник боевой организации эсеров и убийца Великого князя Сергея Александровича, был осуждён и казнён через повешение.

² Его Императорское Высочество Великий князь Дмитрий Павлович являлся сыном Великого князя Павла Александровича и внуком императора Александра II. Дмитрий Павлович приходился Сергею Александровичу родным племянником по отцу и после смерти матери, когда отец женился во второй раз, был взят дядей Сергеем Александровичем и его женой Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной вместе с сестрой княжной Марией Павловной на воспитание.

³ Великая княжна Мария Павловна – родная сестра Дмитрия Павловича.

вечера совершена вторая панихида в присутствии Их высочеств, Свиты и всех властей города» [12, с. 4].

6 и 7 февраля продолжали служить панихиды по убиенному князю. На всех панихидах присутствовала его вдова ЕИВ ВК Елизавета Фёдоровна, не отходившая от гроба своего покойного супруга. Как упоминается уже в другом номере «Правительственного Вестника», к 8 февраля на похороны и отпевание прибыли представители из разных губерний Российской империи, в том числе из Калуги прибыла депутация местного гарнизона для возложения венка на гроб почившего Великого князя Сергея Александровича [13, с. 3].

Рисунок 1. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна в трауре по мужу. Фото 1908 г.

В том же 1905 г., после убийства своего супруга, Великая княгиня сменила его на посту председателя Императорского Православного Палестинского Общества (далее – ИППО)¹ [8, с. 2].

Идея об увековечивании памяти первого председателя и руководителя ИППО Великого князя Сергея Александровича была предложена Калужским губернатором А. А.

Офросимовым², являвшимся на тот момент заместителем председателя Калужского отдела ИППО [9, с. 22]. Ровно через год 4 февраля 1906 г. состоялось заседание Калужского отдела ИППО, на котором А. А. Офросимов призвал присутствующих откликнуться и оказать помощь «в благом деле увековечивания памяти Великого князя». Один из пожизненных членов Калужского отделения ИППО уездный исправник Н. Э. Мантейфель³ принёс в дар обществу 63 десятины 2 079 саженой земли неподалеку от д. Мстихино Калужского уезда. Жалованная в дар земля находилась в 2 верстах от разъезда № 19 Московско-Киево-Воронежской железной дороги, в 2 верстах от д. Мстихино и 6 верстах от монастыря Тихонова пустынь.

«Калужские епархиальные ведомости» сообщали о том, что, отдав в собственность данный участок земли, благотворители и участники Калужского отделения ИППО выдвинули требования: 1) Установить храм в честь преподобного Сергия Радонежского, где бы непрерывно и каждый день совершались божественная литургия и «неусыпаемая псалтирь» по традиции монастырей: российских и православного Востока. На каждом богослужении и вовремя прочтения псалтири поминать погибших от рук террористов Императора Александра II и Великого князя Сергея Александровича, а также всех почивших членов ИППО; 2) Учредить церковно-приходскую школу для учащихся из д. Мстихино, т. к. там нет собственной школы при населении в 350 человек; 3) Основать странноприимный дом для богомольцев и богадельню для раненых воинов зрелого возраста на 12 мест. Назвать это место меценаты предоставляли Калужскому отделу ИППО, но только по благословению епископа Калужского и Боровского, который являлся его председателем. Также было поставлено условие, чтобы название обители было непрерывно связано с именем «Сергий». Все благотворительные учреждения должны содержаться только за счет собственных денежных средств.

¹ Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) было создано волей императора Александра III и общественной инициативой выдающихся русских людей того времени в 1882 г. Первым Председателем Общества был избран Великий князь Сергей Александрович, российский государственный и общественный деятель, генерал-губернатор Москвы в 1891–1905 гг. За несколько лет интенсивной и продуктивной деятельности Общество успешно реализовало ряд важных научных, паломнических и строительных проектов. С 1889 г. по указу императора Александра III Общество получило почётное наименование «Императорское».

² Офросимов Александр Александрович (26.01.1852, Орловская губерния – 28.02.1933) – государственный деятель Российской империи, калужский губернатор (1897–1909), сенатор (1909–1917).

³ Мантейфель Николай Эрнестович (1855 – 07.09.1918) – российский государственный служащий, уездный исправник города Козельска Калужской губернии, благотворитель.

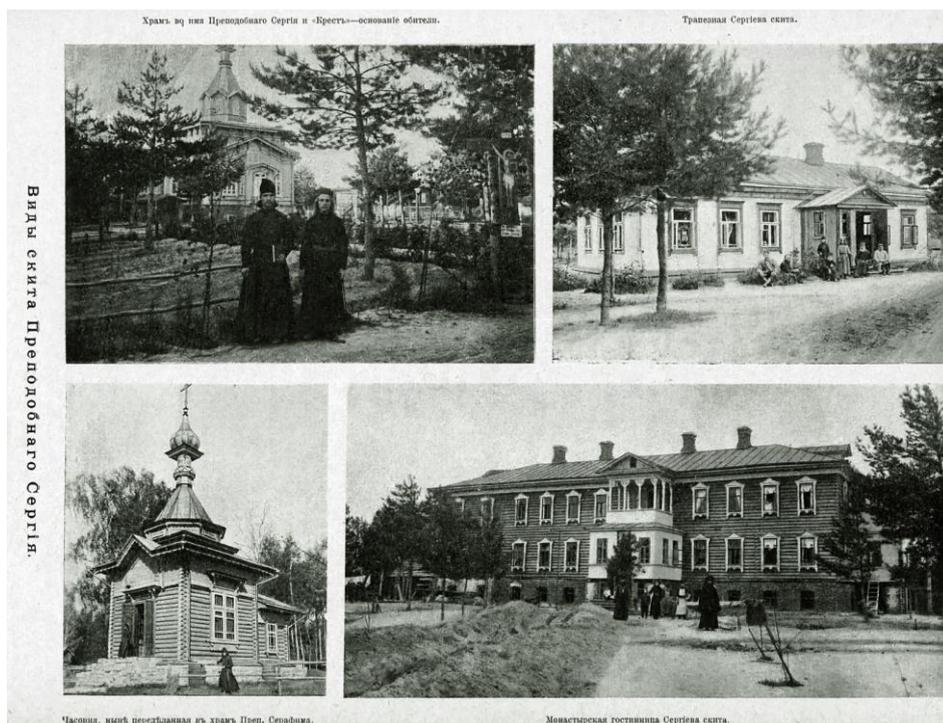

Рисунок 2. Виды скита Преподобного Сергия. Начало XX в.

5 июля, в день тезоименитства покойного князя Сергея Александровича, в Сергиевом скиту состоялась закладка главного храма в честь преподобного Сергия Радонежского, всея России чудотворца. Закладка была совершена епископом Калужским и Боровским Вениамином [7, с. 513 – 521]. На отправленную губернатором в тот же день Великой княгине Елизавете Фёдоровне телеграмму от неё последовал по телеграфу следующий ответ: «Калуга. Губернатору Офросимову. Благодарю от всего сердца вас, членов Калужского отдела Палестинского Общества и генерал-адъютанта Орлова с войском за молитвы. Елисавета» [7, с. 521].

Сергиев скит стал удивительной святыней, связанной с именем Елизаветы Фёдоровны, и очень дорогим и значимым для неё местом. В течение нескольких лет братья Сергиева скита приглашали Великую княгиню посетить их обитель. И вот 18 октября 1911 г. в полночь Елизавета Фёдоровна вместе с игуменьей Покровской общины Красного Креста Ювеналией (Марждановой)¹ вы-

¹ Ювеналия (Маржданова) – преподобноисповедница, святая Русской и Грузинской православных церквей. Сестра актёра Константина Марджаншвили. После кончины родителей она приняла постриг в монастыре святой равноапостольной Нины в Бодби с именем Ювеналия. В 1905 г. указом Святейшего Синода она была назначена настоятельницей Покровской женской обители в Москве. В 1910 г. основала Серафимо-Знаменский скит под Москвой, в 1915 г. была пострижена в скиту в великую схиму с именем Фамарь. Будучи настоятельницей Покровской общины, Фамарь очень сблизилась с

ехала из Москвы на поезде № 9 по Брянской железной дороге и проследовала до разъезда № 19. Данный разъезд являлся частью Московско-Киево-Воронежской железной дороги и был переименован в станцию «Сергиев скит», после возведения самого скита [1, с. 4]. Со станции на лошадях уже утром 19 октября Великая княгиня отправилась в Сергиев скит Калужского отдела ИППО куда прибыла, проехав 5,5 км, в 9 часов утра. На месте Великую княгиню приветствовал настоятель скита иеромонах Герасим (Гаврилов).

После этого была отслужена обедня, которую совершал сам о. Герасим. Затем была совершена панихида по убиенному князю Сергею Александровичу и другим умершим членам Царственного Дома Романовых, а по окончании панихиды – благодарственный молебен. Примерно в 4 часа дня ЕИВ ВК нанесла визит настоятелю и посетила местную больницу, где с большим вниманием выслушала все просьбы пациентов, нашедших приют под покровом скита. Затем Её Высочество отобедала в трапезной, после чего посетила иконную лавку, где ею были приобретены несколько икон и нательных крестиков. Вечером, с 6 до 11 часов, Её Высочество присутствовала на всенощной.

Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, создавшей Марфо-Мариинскую общину.

Рисунок 3. А. И. Игнатова, 2011 г. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна и игуменья Ювеналия во время посещения Сергиева скита.

20 октября в 5 часов утра Елизавета Фёдоровна отправилась на лошадях в Тихонову пустынь, где с 6 часов утра присутствовала на раннем утреннем богослужении, затем были совершены молебен и панихида. После чего она посетила святой источник обители и дуб, в котором проводил земную жизнь Тихон, Калужский чудотворец. Испулавшись в дамской купели источника, Великая княгиня вернулась в Тихонову пустынь¹, где внимательно осмотрела всю территорию обители вместе с настоятелем архимандритом Лаврентием. Затем, возвратившись в Сергиев скит и отстояв полностью вечернее богослужение, ЕИВ ВК отправилась на лошадях к разъезду № 19 Брянской железной дороги, откуда на поезде № 10 выехала на Москву, прибыв на следующий день в 8 часов 20 минут утра и сразу же отправившись в Марфо-Мариинскую обитель² [11, с. 60 – 63; 5, с. 167 – 168].

Таким образом, первый приезд в 1911 г. Елизаветы Фёдоровны на Калужскую землю был связан с Сергиевым скитом, который был основан в память о её покойном муже великом князе Сергее Александровиче. Глав-

ный храм в скиту был освящен в честь преподобного Сергия Радонежского, который являлся небесным покровителем покойного князя.

Во второй раз Великая княгиня Елизавета Фёдоровна посетила Калужскую землю в 1914 г., ещё до начала Первой мировой войны. Великая княгиня всегда серьезно готовилась и с особым благоговением относилась к каждой своей паломнической поездке, а особенно в такую уникальную обитель, как Оптиная Пустынь. Следует отметить, что посещение Оптиной Пустыни подробно описано в журнале «Русский паломник» (№ 29 за 1914 г.) и дословно перепечатано в ежемесячном патриотическом издании «Голос долга»: «И вот, наконец, ЕИВ ВК прибыла на ст. Козельск утром 27 мая, затем сев в открытый, уже приготовленный для неё специальный экипаж, проследовала в монастырь к началу утреннего богослужения. Когда экипаж Великой княгини приближался к монастырю, то раздался колокольный звон на весь монастырь.

При встрече Великой княгини вся братия обители расположилась по обе стороны у Северных ворот.

¹ Свято-Тихоновская пустынь, основана Тихоном Калужским в XV в. на правом берегу р. Вепрейки. В Смутное время разгромлена, прислана к Донскому монастырю. В 1764 г. получила самостоятельность. После революции 1917 г. закрыта. Вновь открыта в 1993 г.

² Марфо-Мариинская обитель милосердия – ставропигиальный женский монастырь Русской православной церкви в районе Якиманка г. Москвы. Отличается особым укладом жизни. Обитель основана в 1909 г. Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной. Была закрыта в 1928, в 1992 г. возвращена Московской патриархии.

Рисунок 4. Оптина пустынь в 1909 г.

Рисунок 5. Оптина Пустынь. Епископ Михай (Алексеев) с гостями и братья монастыря на лестнице Введенского собора

При входе в собор ЕИВ ВК была встречена настоятелем монастыря архимандритом Ксенофонтом¹ и епископом Уфимским Михеем², проживающим на покое в святой обители. Затем Владыка сказал приветственное слово Её Высочеству, добавив при этом, что имеет счастье и почитает за честь от лица настоятеля, оптинских старцев и братии приветствовать Великую княгиню. В конце приветствия епископ Михай обратился к Великой княгине такими братскими словами как: «Спаси Вас Господи». После этого были совершены божественная литургия и молебен. По окончании молебна, подойдя к ракам с мощами всех почивших оптинских старцев: о. Амвросию³, Иосифу⁴, Варсонофию⁵, по-

гребённым с восточной стороны собора, Елизавета Фёдоровна проследовала в помещение, специально отведённое и приготовленное к её приезду, где она пребывала все время до отъезда и куда был подан чай.

Нужно отметить, что ЕИВ ВК всегда старалась готовиться с особым усердием ко св. таинству причащения, как христианка, а именно: мало ела, и притом только растительную пищу, посещала все службы во время пребывания в монастыре, молилась с особым проникновением, кладя низкие поклоны во время проведения службы. Поистине, Елизавета Фёдоровна представляла собой многим людям пример истинно-христианской духовной, строго подвижнической жизни.

В среду 28 мая, с особой торжественностью было совершено всенощное бдение с литией и величанием, на котором присутствовал сам епископ Михай. Это вечернее богослужение, длящееся с 6 часов вечера до половины двенадцатого ночи, оставило глубокий след и память в сердцах православных христиан, огромное количество которых составляли богомольцы.

¹ Схиархимандрит Ксенофонт (в миру Василий Иванович Клюкин; 1845 – 30 августа (12 сентября) 1914) — архимандрит Русской православной церкви, настоятель Оптиной пустыни. В 1869 г. определён в число братии Оптиной пустыни, нёс послушание при ружьях.

² Епископ Михай (в миру Михаил Фёдорович Алексеев; 23 января 1851, Санкт-Петербург – 16 февраля 1931, Козельск) – епископ Русской православной церкви, епископ Козельский, викарий Калужской епархии

³ Иеросхимонах Амвросий (Гренков) (1812 – 1891) будучи сыном церковнослужителя получил образование в Тамбовской духовной семинарии, преподавал греческий язык, но в 1839 г. поселился в Оптиной пустыни под началом Льва Оптинского. Много болел, но получил чудесное ослабление недугов от принесенной в 1868 г. в обитель Калужской иконы Божьей матери.

⁴ Иеросхимонах Иосиф (Литовкин) (1837 – 1911) первоначально работал в трактире, но во время паломничества в Киев по совету сестры отправился в Оптину пустынь, где и пребывал с 1861 г. В обители служил поваром, но потом прошел путь от рясофора до скитона начальника.

⁵ Схиархимандрит Варсонофий (Плиханков) (1845 – 1913) – окончил Оренбургское военное училище и дослужился до пол-

ковника, но в 1891 г. приехал в Оптину пустынь. Во время русско-японской войны был призван на фронт в качестве полкового священника при лазарете. В 1907 г. стал игуменом Оптиной пустыни. Незадолго до смерти был назначен архимандритом в подмосковную Свято-Голутвенную обитель.

Все они прибыли в обитель из разных уголков Российской империи. Многие пришли из города Козельска, соседних сёл и деревень, узнав о пребывании Её Высочества в Оптиной пустыни. Елизавета Фёдоровна усердно молилась всю службу стоя – от самого начала и до конца.

В четверг 29 мая было совершено утреннее богослужение. Службу возглавлял Владыка Михей с духовенством монастыря. Во время Божественной литургии участвовал сам старец Анатолий, у которого Её Высочество исповедовалась. Затем Владыка вышел на амвон и произнёс проповедь, после этого началось причастие, на котором Елизавета Фёдоровна приобщилась Св. Таинств. Благодарственные молитвы по причащении прочитал епископ Михей, приветствовавший Её Высочество. После чего Владыка преподнёс в дар ей просфору. Затем Елизавета Фёдоровна посетила кельи самого Владыки и о. Анатолия, затем направилась в больницу, где долго и внимательно выслушивала больных, заглянула в иконную лавку, осмотрела библиотеку и ризницу, находящиеся на территории обители. Примерно в 5 часов вечера ЕИВ ВК посетила Иоанно-Предтеченский скит, расположенный недалеко от монастыря.

Её Высочество была встречена настоятелем скита иеромонахом Феодосием на пороге храма. В своей приветственной речи он отметил и подчеркнул, что для скита это особое счастье приветствовать ЕИВ ВК в своих святых стенах, и что Господь благословит и покроет её своею благодатью. По окончании молебна пропели многолетие о здравии всех членов Царствующего Дома Романовых. Затем настоятель преподнёс в дар Великой княгине икону праведного Иоанна Предтечи, украшенную богатым и дорогим окладом, сказав, что св. Иоанна Предтечи будет теперь не только покровителем скита, но и станет покровителем Её Высочества на жизненном пути. После чего сразу же началась вечерняя служба, по окончании которой Елизавета Фёдоровна осмотрела летний храм, древние рукописи и всю библиотеку при храме, а затем посетила скитское кладбище, где находилась часовня для прочтения молитв, на которые в особые часы, по уставу скита собирается вся братия, проживающая на территории скита. В конце дня Великая княгиня по-

сетила монаха о. Иова, старцев Феодосия и Нектария¹ и долго с ними беседовала.

В пятницу 30 мая ЕИВ ВК присутствовала на утреннем богослужении, которое началось примерно в половине второго ночи. По окончании службы в 7 часов 30 минут утра Её Высочество отбыла из обители в Казанскую женскую обитель, основанную Амвросием оптинским. Монастырь находился неподалёку от Оптиной – всего в 12 верстах. Здесь Елизавету Фёдоровну встречали все сестры обители во главе с игуменьей Валентиной и священнослужителями. Её Высочеством была встречена радушным словом, которое сказал настоятель храма о. Николай. После молебна началась Божественная литургия, которую возглавил сам настоятель храма вместе с казначеем Оптиной пустыни о. Пантелеймоном и другими священнослужителями.

После службы ЕИВ ВК удостоила своим визитом Анну Яковлевну Перлову (проживавшую на территории монастыря в собственном доме), которая была супругой Сергея Васильевича Перлова, построившего храм и являвшимся главным меценатом данного монастыря. Затем Елизавета Фёдоровна посетила все мастерские: позолотную, иконописную, типографскую, вышивальную. Великая княгиня также осмотрела усыпальницу пустыни, трапезную, богадельню, детский приют и келью, где последний год своей жизни пребывал и умер старец Амвросий. Дом этот сохранил свой прежний вид, какой был при жизни самого старца. С.В. Перлов обнёс его «каменным футляром». После трапезы в покоях у настоятельницы Её Высочество снова отбыла в Оптину пустынь. На прощание сёстры монастыря пропели матушке Елизавете многолетие. Когда экипаж подъезжал к Оптиной, раздался колокольный звон, и все духовенство обители во главе с епископом Михеем вышло встречать Её Высочество. Погода была солнечной и прекрасной. Елизавета Фёдоровна, прибыв сразу в покои, имела продолжительную беседу с о. Анатолием, а после второй раз посетила о. Нектария.

После вечерни епископом Михеем на прощание были произнесены напутственные

¹ Иеросхимонах Нектарий (Тихонов) (1853 – 1928) в 1873 г. прибыл в Оптину пустынь и подвизался под началом старца Анатолия. В 1894 г. стал иеродиаконом, а в 1898 – иеромонахом. После закрытия Оптиной пустыни в 1923 г. жил в крестьянской семье в с. Холмищи, где и умер

слова, в которых была выражена искренняя благодарность Великой княгине не только за посещение, но и за доброту и ласку, которую она всем оказала. Владыка при этих словах поклонился до земли с братией обители и молящимися, присутствовавшими в храме. Это был до глубины души трогательный момент. Её Высочество в ответ также поклонилась до земли, после чего в сопровождении всей братии обители и «моря» прихожан направилась к парому, где для неё уже был готов экипаж. Вся тропа, ведущая к парому, была осыпана «морем» цветов и зелени. Взойдя на паром вместе с епископом Михеем и с высшим духовенством, Великая княгиня отплыла от монастыря на другой берег. После этого, отдав земной поклон о. Ксенофону и всему духовенству, Елизавета Фёдоровна села в экипаж и отбыла до станции Козельск [14, с. 758 – 763].

Таким образом, второй приезд Великой княгини в 1914 г. в Калужскую губернию был связан с посещением Оптиной пустыни и девичьим монастырем в с. Шамордино. Она пробыла на Калужской земле с 27 по 30 мая. Эти дни были чрезвычайно насыщены. Помимо того, что Елизавета Фёдоровна посетила все богослужения, проходившие в эти дни в монастырях, в ходе визита она также встретила более чем с 20 духовными лицами, с некоторыми из них имела продолжительные беседы, как например, со старцами Анатолием (Потаповым) и Нектарием. Данное посещение двух монастырей в 1914 г. оставил глубокий след в душе Елизаветы Фёдоровны.

Третий приезд Великой княгини Елизаветы Фёдоровны в Калужскую губернию состоялся в 1915 г. Следует отметить, что еще в самом начале русско-японской войны Великая княгиня учредила Особый комитет помощи воинам. В большом дворце Кремля находился склад, организованный комитетом. Здесь занимались сбором посылок, изготовлением бинтов, шитьем одежды, а также создавали походные церкви.

С началом Первой мировой войны, которую современники называли Второй Отечественной, ЕИВ ВК проявляла активную заботу и помогала русской армии, в том числе получившим в боях ранения воинам, находившимся на лечении в госпиталях и лазаретах. Её Высочество уделяла особое внимание офицерам и простым солдатам, которые стали инвалидами. Благодаря Елизавете Фёдо-

ровне уже в начале 1915 г. было налажено производство и организована мастерская по сборке протезов из готовых частей, которые в основном доставляли из Петрограда с завода военно-врачебных изготовлений, имеющего собственный и налаженный протезный цех. До начала Первой мировой войны в нашей стране эта отрасль не была хорошо развита в промышленном отношении. В ходе военных действий с ростом числа воинов, ставших инвалидами, возникла необходимость в большом количестве искусственных конечностей. При активной поддержке и содействии Её Высочества, в 1916 г. в Москве начали проектировать строительство первого в стране протезного завода, занимающего и по сей день выпуск комплектовующих частей к протезам.

В период Первой мировой войны Великая княгиня организовала и возглавила *Всероссийский комитет ЕИВ ВК Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну* (сокращенно он назывался Елизаветинский комитет). Посещая Калужскую губернию в 1915 г., Великая княгиня присутствовала на открытии приюта, организованного калужским отделением Елизаветинского комитета для детей фронтовиков в Калуге в августе 1915 г. Приезд Елизаветы Фёдоровны был также приурочен к мероприятиям по увековечиванию памяти Святого праведного Лаврентия Калужского в связи с 400-летием со дня его мученической кончины, которую Русская Православная церковь отмечает 10 августа.

В Государственном архиве Калужской области (ГАКО) хранится архивное дело, в котором подробно описана подготовка к приезду Елизаветы Фёдоровны на Калужскую землю. Из документов видно, что заранее, вплоть до мелочей, был расписан путь, по которому должен был проследовать экипаж с Её Высочеством. Кроме того, в этом документе было четко прописано, в каких местах должна побывать и на каких торжественных мероприятиях по случаю своего приезда Великая княгиня должна будет принять участие. Помимо этого, в деле содержится переписка калужских губернатора и полицмейстера, а также городского головы, где указаны все пункты «по усилению местной полиции на время торжеств, например: «1. Наряду полиции следить, чтобы публика, которая соберется к приезду Её Высочества, стояла

позади учащихся всех учебных заведений; 2. Чтобы никто из публики к экипажу не подходил и с прошениями устными или письменными не обращался; 3. Чтобы приветствие ЕИВ ВК народом было выражено только снятием головных уборов и наклонением головы, без криков ура!» [4, лл. 242 – 248].

В «Московских ведомостях» было написано, что еще накануне 9 августа ЕИВ ВК прибыла в Калужскую губернию на торжество по случаю 400-летия кончины Св. праведного Лаврентия Калужского [10, с. 4]. Но в этот день она отправилась в другие святыни Калужской земли – это Сергиев скит и Тихонову пустынь, которые посещала уже в 1911 г.

На следующий день, 10 августа митрополит Московский Макарий совершил утреннюю божественную литургию в сослужении епископов Георгия и Ювеналия. На литургию собралось более 5 тысяч христиан. Её Высочеству вручили в дар икону святых Лаврентия и Тихона Калужских. По окончании утреннего богослужения Елизавета Фёдоровна посетила Калугу. В самом городе Её Высочество осмотрела и посетила монастыри, три лазарета для раненых солдат, а также сестёр двух женских монастырей Холмской епархии, эвакуированных с места военных действий вместе с детскими приютами, приют для детей воинов, призванных на войну, открытие которого состоялось в этот день в

присутствии самой Великой княгини. Приютом, где находились 30 детей фронтовиков (от 2 до 9 лет), заведовала супруга калужского губернатора Надежда Михайловна Ченыкаева. Приют, как уже отмечалось выше, был организован силами Калужского губернского отделения Елизаветинского комитета. Аналогичные приюты были организованы в Медыни и Боровске [2, с. 97 – 98].

Великая княгиня посчитала своим долгом лично посмотреть условия размещения монастырей, которые были эвакуированы в Калугу в связи с военными действиями и захватом неприятелем ряда западных территорий России. При посещении Туровицкого монастыря Холмской епархии, который размещался в духовном училище (ныне там находятся женское духовное училище и Православная гимназия; современный адрес: г. Калуга, ул. Дарвина 13/33), Её Высочество беседовала с игуменьей этого монастыря Магдалиной, а затем посетила Радочницкий монастырь (также принадлежал Холмской епархии), разместившийся в здании семинарии. В Казанском девичьем монастыре Елизавета Фёдоровна была встречена священником Иоанном Протопоповым и игуменьей Ангиной (Яновской). Её Высочество осмотрела монастырь, беседовала с настоятельницей в её покоях [6, с. 117 – 121].

Рисунок 6. Мемориальная доска в Казанском девичьем монастыре, посвященная Великой княгине Елизавете Фёдоровне в честь её пребывания на Калужской земле 10 августа 1915 г.

В военный период в благотворительной деятельности участвовали тысячи неравнодушных граждан России, включая калужан. Они занимались организацией и принимали активное участие в благотворительных концертах, киносеансах, а также занимались

сбором вещей и денежных средств на нужды фронта и пострадавших от военных бедствий [3, с. 211]. На заседании комитета Калужского отделения Елизавета Фёдоровна обсуждала с его членами ряд важнейших вопросов и проблем, особенно которые касались помощи

семьям воинов, призванных на военную службу. Вечером Елизавета Фёдоровна отбыла в Москву на поезде из Калуги [15, с. 17 – 20].

В том же году (25 – 27 августа) Елизавета Фёдоровна вновь посетила Оптину пустынь, но уже как частное лицо, приехав к старцам, чтобы испросить совета и поговорить о Боге и духовной жизни, постоять на службах и помолиться за русских воинов, живых и павших на полях сражений Великой войны. 25 августа 1915 г. вечером в 9 часов 25 минут Великая Княгиня была доставлена на Брянский вокзал на собственной машине. После чего в 9 часов 30 минут вечера, сев на поезд № 9, Елизавета Фёдоровна проследовала до станции Сухиничи в салон-вагоне. Утром 26 августа вагон с Её Высочеством был переведен на линию Рязанско-Уральской железной дороги и прицеплен к поезду, который отходил в 8 часов утра. Прибыв на станцию Козельск, затем сев, в уже заранее подготовленный экипаж с лошадьми, ЕИВ ВК отправились в Оптину пустынь, присутствуя весь день на утреннем и вечернем богослужениях. На следующий день, 27 августа в 7 часов вечера Елизавета Фёдоровна отправилась в обратный путь на лошадях до станции Козельск. Затем на поезде, отходящем около 9 часов вечера, отбыла до станции Сухиничи. Переночевав в салон-вагоне, 28 августа Великая княгиня отбыла до станции Хутор Михайловский [5, с. 195 – 196].

Таким образом, ЕИВ ВК Елизавета Фёдоровна совершала паломнические поездки не только с целью официального посещения как представитель императорского Дома. Во-первых, она приезжала в святые места для своего духовного обогащения и наполнения души духом православного умиротворения, которое можно найти, только при посещении православных святынь, особенно монастырей, например, Оптиной пустыни, находя-

щейся в Калужской губернии. Во-вторых, после убийства супруга Великая княгиня решила отдалиться от светских мероприятий и посвятить всю свою отставшую жизнь благотворительной деятельности и помощи больным и раненым, основав Елизаветинский комитет и Марфо-Мариинскую больницу, где наравне с сёстрами милосердия ухаживала за ранеными солдатами, помогала детям-сиротам, больным женщинам и вдовам.

Первый приезд в 1911 г. Елизаветы Фёдоровны на Калужскую землю был связан с Сергиевым скитом. Это было неспроста, так как Сергиев скит был основан в память о её покойном супруге Великом князе Сергее Александровиче, а центральный храм в скиту был освящен в честь преподобного Сергия Радонежского, который являлся небесным покровителем покойного князя. Второй приезд Великой княгини в 1914 г. в Калужскую губернию был связан с посещением ею Оптиной пустыни и Казанского Амвросиевского женского монастыря в с. Шамордино. Третий приезд Елизаветы Фёдоровны в Калужскую губернию в 1915 г. пришелся на период Первой мировой войны и был связан отнюдь не только с увековечиванием памяти Св. праведного Лаврентия Калужского и с 400-летием со дня его мученической кончины, но и с инспекцией госпиталей, лазаретов и столовых Калужского отделения комитета, названного её именем, посещением эвакуированных их западных губерний Российской империи, занятых неприятелем, православных монастырей и их обитателей. Ещё при жизни Елизавету Фёдоровну стали считать праведной и святой, называя её «Белым Ангелом» за своей милосердие, добрые дела и поступки. Великая княгиня также переживала всем сердцем и душой за свою страну и будущее поколение, на долю которого выпали серьезные испытания.

Список литературы:

1. Белкина, Ю. Станцию «Сергиев скит» знали все / Белкина Ю. // Калужский Благовест. – 2010. – № 4 (73). – 9 октября.
2. Белова, И. Б. Благотворительность в Российской провинции в период Первой мировой войны: региональный аспект / И. Б. Белова // У истоков российской государственности (Роль женщин в истории династии Романовых). Исследования. Материалы. – СПб: Юридический центр – Пресс, 2012. – С. 86–101.
3. Белова, И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / И.Б. Белова, – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с.
4. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 783. Оп. 1. Д. 1229. 1915 г.

5. Додонов, Б. Ф., Копылова, О. Ф., Крачкова, Л. В. Новые документы о духовной и общественной деятельности великой княгини Елизаветы Фёдоровны: По материалам Московского охранного отделения (1909–1917 гг.) / Б. Ф. Додонов, О. Ф. Копылова, Л. В. Крачкова // Вестник церковной истории. – 2015. № 3/4 (39/40). – С. 148–204.
6. Анастасия (Мордмиллович), игуменья. Паломническая программа по местам памяти Романовых на Калужской земле // Маршрут памяти императорской семьи. (Опыт построения мемориального маршрута. По материалам Международного межрегионального общественного форума «Елисаветинское наследие сегодня Москва – Урал – Сибирь. 2016.») – М., 2017.
7. Калужские Епархиальные Ведомости. – 1906. – № 14. – неоф. ч.
8. Лебедь, Ф. Русский дух далекой Палестины / Ф. Лебедь // Русский Вестник. – 2023. – № 2 (1124).
9. Легостаев В. Сергиев скит Калужского отдела Императорского Православного Палестинского Общества, в память Бозе почившего Великого князя Сергея Александровича. – Калуга: Берлюковский изд. дом, – 2010. – 80 с.
10. Московские ведомости. – 1915. – № 184.
11. Паломничество Великой княгини Елисаветы Фёдоровны в Орловскую и Калужскую губернии в 1899 – 1916 гг.: [очерки]. – Нижний Новгород: Изд. отдел Нижегородской епархии при Вознесенском Печерском монастыре, 2012. – 244 с.
12. Правительственный вестник. – 1905. – № 28.
13. Правительственный вестник. – 1905. – № 31.
14. Пребывание Её Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Фёдоровны в Оптиной пустыни // Голос долга (Пермь). – 1914. – № 12.
15. Фридгельм, В. Н. О приезде Великой княгини Елизаветы Федоровны в Калугу, в Лаврентьев монастырь в 1915 году / В. Н. Фридгельм // Первые Свято-Лаврентьевские чтения. – Калуга: Изд-во «Фридгельм», 2015. – С. 17–20.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 908

*С.И. Гандера**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.В. Штепа***ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КАЛУЖСКОМ РЕГИОНЕ В XIX ВЕКЕ
(НА ПРИМЕРЕ МЕЩОВСКОГО ДУХОВНОГО УЧИЛИЩА)**

В статье рассматриваются изменения, которые происходили в сфере духовного образования в результате образовательной реформы 1808 – 1814 г. и реформы среднего духовного образования в 60-е гг. XIX века на примере Мещовского духовного училища. Основное внимание уделяется анализу учебной и воспитательной части образовательного процесса в Мещовском духовном училище.

Ключевые слова: духовное образование, реформа, Калужский регион, Мещовское духовное училище, учебная часть, воспитательная (религиозно-нравственная) часть.

*S.I. Gander**Supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa***SPIRITUAL EDUCATION IN THE KALUGA REGION IN THE XIX CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF MESHCHOVSKY SPIRITUAL SCHOOL)**

The article deals with the changes that took place in the sphere of spiritual education as a result of the educational reform of 1808 – 1814 and the reform of secondary spiritual education in the 60s of the XIX century on the example of Meshchovsky spiritual school. The main attention is paid to the analysis of educational and educational part of the educational process in Meshchovsky clerical school.

Key words: spiritual education, reform, Kaluga region, Meshchovsky spiritual school, educational part, religious and moral part.

Церковь всегда уделяла особое внимание духовному образованию. Духовные школы – это своего рода центры, в которых воспитывается будущее поколение: церковнослужители, священнослужители, иерархи. На совещании ректоров духовных учебных заведений в 2009 г. святейший патриарх Кирилл сказал следующее: «Духовное образование имеет самое непосредственное отношение к сокровенным глубинам бытия Церкви – это одна из важнейших задач. Это не вторичное дело; богословское образование – в самой сердцевине церковной жизни» [2]. На наш взгляд, опыт в вопросах обучения и, особенно, воспитания, который созидался в стенах духовных школ на протяжении веков – это бесценный дар, которым может и должно пользоваться нынешнее поколение, в том числе и в светских учебных заведениях. Особенно актуальным этот опыт становится в настоящее время, когда духовной составляющей в процессе обучения уделяется все меньше внимания. Образовательная сфера постоянно проходит процесс реформирования с целью улучшения образовательного уровня и устранения тех проблем, которые

возникают в ней по различным причинам. Для комплексного подхода к рассмотрению проблем, стоящих перед светской системой образования, на наш взгляд, необходимо изучать ход исторических процессов, находившихся в основе становления в том числе и богословской науки. Эта задача обусловлена, в первую очередь тем, что именно в сфере духовного образования возможно почерпнуть опыт организации воспитательного процесса, что, как уже было нами отмечено, представляется особо актуальным и для светского образования сегодня.

Таким образом, проблематика нашего исследования заключается в изучении процессов реформирования духовного образования в XIX веке на примере Мещовского духовного училища с целью выявления особенностей учебного и в особенности воспитательного процессов.

Реформа духовного образования 1808 – 1814 годов

Начало XIX в. ознаменовала реформа духовного образования 1808–1814 гг., которая проводилась в контексте преобразований Александра I. Одна из задач состояла в объ-

единении и упорядочении духовных школ в стройную единообразную систему. Необходимо отметить, что инициатива в преобразовании исходила от государственной власти, в частности от обер-прокурора. Св. Синод только проводил и реализовывал намеченные реформы. Данный факт является свидетельством того, что инициаторы реформ руководствовались, прежде всего, политическими соображениями, но никак не стремлением улучшить качество духовного образования [10, с. 418 – 419]. Следовательно, результат реформы далеко не всегда был положительным.

В ноябре 1807 г. императором был утвержден особый Комитет для преобразования духовных училищ, состоявший под председательством митрополита Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова) в состав которого вошел и Калужский епископ Феофилакт (Русанов). Уже в июне следующего года Комитет представил к утверждению особый «доклад» и «начертание правил», об образовании духовных училищ и содержании духовенства [1, с. 37]. Данный доклад был утвержден Св. Синодом 26 июня 1808 г. Недостатки, которые стали причиной реформы указываются в самом начале доклада, среди них: 1) отсутствие общего надзора и единообразного порядка, относительно последнего, указывается на отсутствие в училищах: систематического образования, полного устава, а также, связи с академиями в сфере управления; 2) в этом пункте указывалось на особое преобладание латинского языка и падение уровня знаний в изучении славянского и греческого; 3) недостаток в учебной сфере, в частности, расположении курсов; 4) нехватка средств на содержание [9, с. 38]. Определив в качестве назначения духовных училищ подготовку юношей к духовному служению, Комитет исходя из назначения, отводил ключевую роль предметам, имеющим непосредственное отношение к поставленной цели. «А именно богословским, философским и историческим, изучению греческого языка и лучших образцов духовной словесности» [9, с. 38]. Училища разделили на четыре разряда, в которых низшие подчинялись высшим. В этом делении уездные училища предназначались для низшего образования, и, собственно, для определенной подготовки к семинарскому курсу. Таким образом, в качестве одной из основных целей реформы можно выделить

отделение от семинарий низшей ступени образования. Во исполнение данного решения в Калужской епархии были созданы три училища: Калужское, Боровское и Мещовское.

Комитет являлся временным органом, на смену ему пришел постоянный орган, учрежденный при Св. Синоде, который именовался – Комиссия духовных училищ. В состав данной комиссии вошли те же члены, которые были в Комитете [1, с. 39]. Именно Комиссия занялась вопросом реализации всех проектов, намеченных Комитетом, и уже к началу 1809 г. были составлены проекты уставов, в том числе и уездных училищ.

Учреждение Мещовского уездного духовного училища в Калужской епархии

Начало организации уездных духовных училищ в Калужской епархии приходится на 1810 г., на время, когда епархией правил епископ Евлампий (Введенский). Предполагалось открыть три училища и разместить их в монастырях, поскольку именно монастыри могли предложить надлежащее помещение, что избавило бы от расходов на покупку или аренду. В феврале того же года семинарское начальство постановило отправить, с целью оценить готовность помещений, избранных для духовных училищ трех лиц. В Мещовский монастырь был отправлен Кириллов [14, с. 402]. Ожидая неоднозначную реакцию со стороны настоятелей, преосвященный Евлампий наложил следующую резолюцию на этом докладе: «исполнить по сему, да внушить настоятелям, что воля на то есть и монаршая и что училища неминуемо должно завести в их монастырях, что послужит к пользе и чести обитателей» [14, с. 402]. Из донесения стало известно, что в Лихвинском и Мещовском монастырях нет подходящих помещений, а в тех помещениях, которые имеются, требуется капитальная реконструкция. Только в Боровском монастыре нашлось помещение, которое, было практически готово для размещения в нем училища.

Поскольку попытки разместить училище в Козельске не увенчались успехом по ряду причин [14, с. 407 – 409], было решено разместить училище в Мещовском монастыре. Срочность дела была обусловлена предписанием московского академического правления от 4 ноября 1814 г. в котором, указывалось о необходимости срочного открытия двух училищ в Калуге и Козельске [14, с. 406]. 14 декабря 1814 г. в Георгиевский Мещовский монастырь с целью освидетельство-

вания каменного корпуса, предназначенного для размещения училища, отправился ректор семинарии архимандрит Феофилакт вместе с губернским архитектором. В следующем году 17 февраля было получено одобрение со стороны академического правления на открытие училища в Мещовском монастыре. В том же 1815 г. в июле была создана особая комиссия для устройства Мещовского училища. В отчете данной комиссии указывается, что здание, определенное для размещения училища, требует капитального ремонта, что делало невозможным ближайшее открытие учебного заведения. В сложившейся ситуации было принято решение о временном размещении учеников и преподавателей Мещовского училища в семинарском корпусе в Калуге. Только в сентябре 1816 г. были завершены строительные работы и здание было полностью подготовлено к занятиям. На эти работы ушла практически вся сумма в размере 20 896 руб. 25 коп., выделенная калужской казенной палатой на устройство училища. К этой сумме в октябре были еще добавлены 5 руб. для устройства покоев в Мещовском училище. В связи с этим от семинарского правления последовало определение, в котором указывается, что смотрителем училища назначается строитель Георгиевского монастыря иеромонах Михаил. Его кандидатуру утвердило и академическое правление [14, с. 411]. 24 сентября иеромонах Михаил отправил донесение о том, что вступил в должность смотрителя, таким образом Мещовское училище окончательно утвердилось на месте Георгиевского монастыря. Известно, что «в состав этого училища вошли 6 учителей, из которых старший, именно Иван Соколов, вместе с учительскою должностию, совмещал и должность инспектора; 159 учеников, из которых 111 состояли в уездном и 48 в приходском училище» [14, с. 411 – 412].

Реформа среднего духовного образования в 60-х гг. XIX века

После вступления на престол Александр II стал уделять особое внимание образованию, в том числе и духовному. Уже в самые первые годы царствования высказывались следующие мысли: «заняться пересмотром системы воспитания и образования нашего духовного юношества, сообразно с современными потребностями» [9, с. 143 – 144]. В 1858 г. император посетил ряд семинарий и в итоге у него сложилось неблагоприятное впечатление от учебно-

воспитательного процесса [11, с. 115]. В 60-х гг. XIX века уставы духовных учебных заведений были признаны устаревшими и вопрос реформирования духовного образования вновь становится актуальным. Особую роль здесь сыграла светская и духовная печать, в которой отображалось состояние системы духовного образования и выражались пожелания по ее реформированию [5, с. 107]. Основной причиной реформы стала существенная недостаточность финансового содержания духовных школ. «Несмотря на то, что государство несколько раз повышало материальное содержание ввиду того, что училища вынуждены были принимать огромное количество учащихся из среды бедного духовенства, средств катастрофически не хватало» [15, с. 79].

Импульс, запустивший процесс обсуждения реформы духовного образования, поступил от обер-прокурора Св. Синода А. П. Толстого, обратившегося с предложениями по реформированию к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Григорию (Постникову). В 1859 г. последовало требование к ректорам духовных школ о предоставлении соображений относительно необходимых улучшений по таким сферам, как учебная, нравственная и хозяйственная. Обсуждалась реформа на протяжении шести лет с 1860 по 1866 гг. Уже в 1860 г. был сформирован Комитет о преобразовании духовно-учебной части под председательством архиепископа Дмитрия (Муретова). Целью данного Комитета было рассмотрение воспитательной и учебной части для их дальнейшего преобразования [15, с. 79].

В 1865 г. когда обер-прокурором стал граф Д.А. Толстой, а в 1866 г. его назначили еще и министром народного просвещения. Именно тогда процесс подготовки реформы был выведен на завершающий этап. Основной целью, которую ставил обер-прокурор, было создание органа, имеющего самостоятельность в обсуждении учебных вопросов. Более того новый орган должен был заниматься этим вопросом на постоянной основе, и только результаты своей деятельности выносить на утверждение Синода.

В марте 1866 г., с целью окончательно обсуждения, был образован новый Комитет уже под председательством митрополита Киевского Арсения (Москвитина). Однако, реальное руководство работой комитета, как замечает Н.Ю. Сухова, принадлежало по-

мощнику председателя – епископу Нижегородскому Нектарию (Надеждину) [12, с. 128]. Основная деятельность данного Комитета заключалась в изучении проектов уставов 1808 г. а также анализа материалов работы Комитета 1860 – 1862 гг. Были также учтены и отзывы епархиальных архиереев. Работа над составлением новых уставов была завершена к декабрю 1866 г., и перед окончательным утверждением была отправлена на рецензию митрополиту Московскому Филарету [13, с. 850 – 862], и митрополиту Киевскому Арсению. Только после этого в марте 1867 г. проекты уставов были направлены в Синод для одобрения [4, с. 60 – 61]. 14 мая 1867 г. последовало окончательное Высочайшее утверждение. Духовно-учебное управление было заменено новым органом при Св. Синоде, который именовался Учебный Комитет [8]. «Новый центральный духовно-учебный орган должен был сосредоточиться на делах образования и воспитания, но в этих вопросах его права и компетенция была выше, чему у Духовно-учебного управления» [11, с. 174]. Начало преобразования духовных семинарий и училищ по новым штатам последовало в августе 1867 г.

Сущность данной реформы состояла прежде всего в том, что в административном отношении как духовные семинарии, так и духовные училища передавались под непосредственное подчинение правящих архиереев. В плане управления также последовали следующие изменения: установлена выборность должности ректоров семинарий, учреждено собственное правление в семинариях и училищах. Относительно последнего стоит добавить, что установленное правление имело довольно большие компетенции, в числе которых право избрания преподавателей. Необходимо отметить, что реформа привела к значительному улучшению содержания воспитанников и учителей. Что касается училищ, то они перешли практически на полное содержание от епархиальных средств, исключением является только зарплата для преподавателей и администрации, которая начислялась из казны. «В учебном отношении курсы и классы всюду сделаны годичными: в академии 4 курса, в училище 4 класса, в семинарии – 6 классов» [9, с. 146]. Именно богословское образование выделяется из общего и отводится на два последних курса. Практически на каждый предмет был назначен преподаватель. По каждой из дис-

циплин вырабатывалась определенная программа и принимались учебники. Из курса духовных училищ исключили гражданскую историю.

На основании отчета по учебной и нравственной частям Мещовского духовного училища, за 1869 – 1870 учебный год, опубликованного в «Калужских епархиальных ведомостях» представляется возможным оценить указанные стороны с целью знакомства с реформой 1867 г. на примере конкретного учебного заведения. Здесь необходимо отметить, что преобразования, вызванные реформой, далеко не сразу были реализованы в жизни. Указом Святейшего Синода от 27 мая 1867 г. было определено проводить преобразования за пять лет. Однако, независимо от введения новых уставов с августа 1867 г., в училищах наряду с семинариями предпринималось ввести некоторые изменения [15, с. 82]. Следовательно, анализируемый нами отчет (за 1869 – 1870 уч. гг.) может отобразить только некоторые изменения в силу того: во-первых, что в обозначенный временной промежуток не все изменения вступили в силу; во-вторых, сам отчет дает ограниченные сведения по причине формы, в ходе которой он составлен и которая имеет определенные рамки.

Учебная часть

Общее состояние училища составителями отчета характеризуется как удовлетворительное: «Учителя соответствуют, по своим способностям и познаниям, своему прямому назначению, и в кругу своих обязанностей каждый из них оказывает посильное педагогическое содействие общему успеху обучения» [6, с. 57]. Однако, при таком состоянии результаты в учебном деле ожидалось лучшие. И причины, которые являлись «постоянными и неотвратимыми препятствиями» следующие: «1) несостоятельное учебное направление в системе обучения, преобладавшее во всей своей силе в Мещовском духовном училище до 1869 – 1870 г. ... усмотренное *ректором Калужской семинарии* (курсив наш – Авт.) на приемных испытаниях в ответах учеников... поступавших в классы семинарии в 1868 г.»; 2) причина заключалась в неудовлетворительных условиях проживания учеников на квартирах. Относительно первого пункта были усмотрены явные улучшения, которые выразились в том, что ученики в своем училищном обуче-

нии видят дело серьезное, полезное и интересное их» [6, с. 57].

Относительно исполнения преподавателями своих должностных обязанностей, а именно посещение уроков и соблюдение расписания, в отчете указывается об отсутствии замечаний по данным вопросам к кому-либо из учителей.

Следом в отчете идет информация о состоянии обучения по каждому из предметов. В рамках данной работы у нас нет возможности подробно рассматривать такие вопросы, поэтому мы укажем отличительные моменты по основным дисциплинам училищного курса.

Священная история Ветхого и Нового Заветов преподавались в 1-м и 2-м классах училища. По сведениям, содержащимся в отчете, эти предметы «были пройдены вполне, усвоены учениками 1-го класса очень хорошо, а 2-го хорошо». Как замечают составители отчета, «...успешное освоение данных дисциплин характеризуется тем, что большинство учащихся, не опираясь на буквальный текст учебника, свободно излагают события Священной истории и имеют «правильное понятие о их высоком божественном содержании» [6, с. 58]. Это значит, что учащиеся могут беспрепятственно переходить к изучению дисциплин старших классов, в данном случае Закона Божия. Учащиеся 2-го класса показали более низкий уровень освоения Священной истории Нового Завета, причиной этому стало плохое усвоение Ветхозаветной истории в 1-м классе. Такая ситуация, очевидно, свидетельствует о том, что усвоение дисциплин в старших классах будет на очень низком уровне. В отчете указывается следующее: «как показал опыт, ученики 3-го класса, назначенные к переводу в 4-й класс, и ученики 4-го класса, окончившие училищный курс в июне текущего года, имеют познания настолько недостаточные в этом предмете, как будто они его вовсе не изучали...» [6, с. 59].

Что касается Катехизиса – этот предмет преподавался в 3-м и 4-м классах. Соответственно в 3-м классе 1-я часть, а в 4-м классе 2 и 3-я части. Успехи в освоении данной дисциплины отмечаются для 3-го класса как «хорошими», а для 4-го «достаточными». В качестве причин, послуживших препятствием к хорошему усвоению этого предмета, составители отчета указывают на незнание учеников в области Священной истории.

Второй причиной является отсутствие интереса к усвоению вероучительных истин, что, в свою очередь, обусловлено методом прежнего усвоения дисциплины. Прежний метод заключался в заучивании вопросов и ответов по книге. Приобретенные таким способом «сведения выражались в однообразном и бесчувственным повторением книжного чтения» [6, с. 59]. Составители отчета отмечают, что, несмотря на изменение способа обучения, с ним постоянно приходилось сталкиваться на практике. Следовательно, новый подход не мог принести желаемых результатов в силу обозначенных причин. Но, несмотря на это, можно констатировать определенный сдвиг в данном направлении. К примеру, учащиеся 3-го класса могли передать смысл Катехизического учения и привести подтверждающие примеры из Священной истории и Священного Писания.

Таким образом, как в случае с предметом Священная история, так и в случае с Катехизисом приводятся две основные причины, препятствующие хорошему усвоению материала. Во-первых, формальный подход, который предполагает сухое заучивание материала; во-вторых, это плохой уровень знаний по дисциплинам предыдущих классов. Вторая причина, на наш взгляд, отчасти, является следствием первой.

Изучение Церковного устава и богослужения проходило в 4-м классе. Эту дисциплину вел Смотритель, и в отчете указывается хороший уровень освоения этого предмета. Но также отмечается, что уровень мог быть и выше, если бы изучение устава сопровождалось практикой использования богослужебных книг. Реализовать это не представлялось возможным в силу отсутствия в библиотеке училища богослужебной литературы [6, с. 60].

Русский и церковнославянский языки преподавались на протяжении четырех лет обучения. Успехи по изучению русского языка в первых двух классах были «очень хорошими», а уже в 3-м классе хорошие, а в 4-м «очень достаточные». Что касается церковнославянского языка, то здесь в первых трех классах указываются очень хорошие результаты. По-другому обстояло дело с 4-м классом, в котором уровень освоения определялся «ниже посредственного». Плохая успеваемость учащихся 4-го класса, как по русскому, так и церковнославянскому языкам, заключается, по мнению авторов отчета,

в следующих причинах: 1) введение нового учебника по данным дисциплинам, обучение по которому было довольно затруднительно с теми мизерными знаниями, которые «у них остались от выученной ими учебной грамматики Востока, имеющей мало общего по своему содержанию с введенной в настоящее время практической грамматикой Перевлеского» [6, с. 60 – 61]; 2) недостаточность учебного времени, которое Училищный устав определял для данных дисциплин.

Что касается остальных предметов (латинского и греческого языков, арифметики, географии, чистописания и др.) здесь можно выделить как динамику к улучшению, так и причины, тормозившие процесс успешного усвоения знаний по дисциплинам [6, с. 61 – 63], как это было показано на предыдущих примерах.

Отдельно стоит упомянуть об открытии при училище 26 сентября 1869 г. «приготовительного» (подготовительного – Авт.) класса с целью подготовки детей духовенства к поступлению в 1-й класс духовного училища [6, с. 63 – 64]. Программа, по которой велось обучение в «приготовительном» классе была утверждена Его Высокопреосвященством 4 октября 1869 г. Данная программа предполагала следующее: чтение по русской и славянской печати, изучение общеупотребительных молитв с объяснением их смысла, основы христианского учения, чистописание, арифметика и начало церковного пения. В качестве учителя для проведения уроков в подготовительном классе правящим архиереем был утвержден студент семинарии Тихомиров [6, с. 64].

Воспитательная (религиозно-нравственная) часть

Общие сведения относительно религиозно-нравственного воспитания, которые содержатся в рассматриваемом нами отчете, дают следующее представление. В первую очередь, необходимо подчеркнуть, что «все воспитательные соображения утверждались на религии. Богобоязненность, набожность были прививаемы к ученикам на всех ступенях их умственного развития» [7, с. 112]. В самом начале отчета, в той части, которая посвящена религиозно-нравственному воспитанию, составители дают высокую оценку Мещовскому училищу. Отмечается, что положение религиозно-нравственной стороны в училище должно характеризоваться «похвальными чертами». Учителя прилагали

большие усилия с целью добиться в этом вопросе самых высоких результатов. Эта цель, по сути, была ими достигнута, поскольку на протяжении учебного года со стороны учащихся не было ни одного случая, «которым бы преступно и злоумышленно были нарушаемы правила надзора и наблюдения» [4, с. 112].

Относительно мер, принимаемых училищным начальством для утверждения нравственности среди учеников, на первом месте стоит богослужбная жизнь. Предусматривалось обязательное присутствие учеников на богослужении в Воскресные и праздничные дни. Ученики принимали непосредственное участие в исправлении богослужения, под наблюдением учителя по пению они пели и читали на клиросе. А такие песнопения, как «Взбранной Воеводе» и «Свете тихий» пели все ученики, которые присутствовали на богослужении. Что касается минусов то, в первую очередь, необходимо отметить квартирный вопрос, то есть места проживания учеников. Очень часто неудобство расположения препятствовало учащимся исправно посещать богослужения. Неприспособленность квартир лишала учеников тех единственных развлечений, которые они могли себе позволить. Последнее становилось особенно актуальным в осеннее и зимнее время. И как отмечается в отчете, «...ученики прежнего времени в эту именно пору года приобретали навык курения табака и игре в карты, кулачки и др.» [7, с. 113 – 115]. В 1869 – 1870 учебном году такое «порочное» времяпровождения было прекращено. Руководством училища неоднократно предпринимались попытки улучшить квартирные условия. Такое усердие со стороны училищного начальства обусловлено тем, что квартирный вопрос заключался не только во внешней непригодности жилища, но также во вредном «нравственном влиянии на привычки, характер и нравы учеников. На глазах их, в продолжение 9 месяцев учебного года, постоянно совершаются сцены грубого быта» [7, с. 115]. Это обстоятельство еще раз подчеркивает, насколько училищное начальство переживало за нравственное состояние своих воспитанников.

В Таблице 1 отображены баллы за поведение учеников в каждом классе в том числе и подготовительном [7, с. 117].

Таблица 1

Классы	Число учеников училища, имеющих балы поведения за 1869-1870 учебный год		
	Баллы		
	«5»	«4»	«3»
I.	15	25	-
II.	12	26	-
III.	6	13	2
IV.	8	4	-
Приготовительный	20	2	-
Итого в целом училище	61	84	2

Баллы за поведение, как отмечается в отчете, выставлялись ученикам ежемесячно в отдельную ведомость и объяснялись им. Критерии оценки были следующие: ««5» в поведении получал тот ученик, который в продолжение месяца отличался ревностным отношением к своим учебным занятиям, добропорядочным держанием себя в училище, в классе и в квартире, и кроме сего в каком-либо отношении своими нравственными качествами (сострадание, уживчивость, бережливость и т. п.) обратил на себя особое внимание. Балл «4» выставлялся тем ученикам, которые держали себя хорошо, но в действиях которых иногда прорывались неодобрительные качества (леность, увлечение к забавам и т. п.). Баллом «3» оценивалось поведение учеников ленивых, безуспешных, небрежных, сварливых, – словом таких, об образе жизни которых нужно было сообщать их родителям, или родным, чтобы они приняли и свои меры к улучшению нравственного состояния этих учеников, в отношении которых дисциплинарные меры, принятые училищем, оказались недействительными» [7, с. 118]. Данная статистика очень наглядно показывает высокий уровень воспитательного процесса в училище. За весь учебный год всего 2 человека получили низшую оценку за поведение. В отчете помимо указанных нами сведений приводятся примеры проступков, совершаемых учениками, а также указываются меры взыскания, которые применяло училищное руководство. Также в отчете приводятся способы надзора за поведением учеников, находящихся в общежитии, и приводятся сведения о посещении смотрителем ученических квартир и другие сведения, касающиеся воспитательного процесса [7, с. 118 – 121]. Но все моменты не могут быть рассмотрены нами в рамках настоящей работы, мы указали только самые основные моменты, которые дают представление о воспи-

тательном процессе и религиозно-нравственном состоянии учащихся.

В данной работе мы охарактеризовали реформу духовного образования, прошедшую в самом начале XIX века. Анализ этой реформы был обусловлен тем, что именно на ней было принято решение отделить от семинарий низшую ступень образования, что привело к учреждению духовных училищ, в том числе, Мещовского духовного училища, которому посвящено наше исследование. В работе также рассматривается реформа среднего духовного образования в 60-х гг. XIX века и указываются ее характерные особенности. Влияние реформы на образовательный процесс в духовных школах мы рассмотрели на примере анализа отчета по учебной и нравственной частям Мещовского духовного училища, за 1869 – 1870 учебный год. Стоит отметить, что изменения, предписываемые реформой в обозначенный период, согласно данным отчета, были реализованы не полностью. Однако о полноценном анализе изменений, предусмотренных реформой говорить не приходится еще по той причине, что сам отчет, который мы анализировали, безусловно, составлен по определенной форме, а следовательно, не может дать полноценной картины учебного и воспитательного процессов обозначенного училища. Поэтому, в следующей статье мы намерены представить анализ учебной и воспитательной частей Мещовского духовного училища не только на основании материала, содержащегося в «Калужских епархиальных ведомостях», но также использовать в качестве источника материалы из фондов Государственного архива Калужской области.

Список литературы:

1. Белявский, Ф. Н. О реформе духовной школы / Ф. Н. Белявский. – Ч. 1. – СПб: Синодальная типография, 1907. – 248 с.
2. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на совещании ректоров духовных учебных заведений Русской Православной Церкви // Патриархия.ру. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/934945.html> (дата обращения: 03.05.23).
3. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1841 г. – СПб.: Синодальная типография, 1842. – 185 с.
4. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1866 г. СПб.: Синодальная типография, 1867. – 279 с.
5. Кедров, Н. И. Московская духовная семинария 1814–1889: краткий исторический очерк / Н. И. Кедров. – М. Типо-литография т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1889. – 156 с.
6. Отчет по учебной и нравственной частям Мещовского духовного училища, за 1869 – 1870 учебный год, составлен на основании § 60 Высочайше утвержденного училищного устава // Калужские епархиальные ведомости (КЕВ). – 1871. – № 5. офиц. ч. – С. 55 – 78.
7. Отчет по учебной и нравственной частям Мещовского духовного училища, за 1869-70 учебный год, составлен на основании § 60. Высочайше утвержденного училищного устава // КЕВ. – 1871. – № 6. офиц. ч. – С. 99 – 124.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (1825 – 1881 гг.). Высочайше утвержденное положение об Учебном Комитете при Св. Синоде от 14 мая 1867. № 44570. Т. XLII. Отделение 1. 1867 г. – СПб.: Типография II Отделения СЕИВК, 1871. – С. 496 – 498.
9. Рункевич, С. Г. Русская Церковь в XIX веке / С. Г. Рункевич. – СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1901. – 232 с.
10. Смолич, И. К. История Русской Церкви: 1700 – 1917 / И. К. Смолич. Т.VIII. Ч.1. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, – 1996. – 798 с.
11. Сухова, Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века) / Н. Ю. Сухова. – М.: ПСТГУ. – 2012. – 658 с.
12. Сухова, Н. Ю. Святитель Филарет и духовно-учебные реформы 1860-х гг.: загадка непонимания / Н. Ю. Сухова // Филаретовский альманах. – 2017. – № 13. – С. 122 – 140.
13. Филарет (Дроздов), митр. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. – Т. 5. Ч. 2. – СПб.: Синодальная типография, 1888. – С. 850 – 862.
14. Х[олминс]кий В. Сведения о первоначальном устройстве духовных училищ Калужской епархии / В. Х[олминс]кий // КЕВ. – 1867. – № 17. Прибавления к епархиальным ведомостям // КЕВ. – 1867. – № 17. Прибавления к епархиальным ведомостям. – С. 401 – 412.
15. Широков Ф. иером. Развитие среднего духовного образования в Вологодской епархии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. богословия. – СПб.: СПбДА, 2021. – 364 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470) «1941/1942»

*Е.В. Евсеева**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент И.В. Кометчиков***ОККУПАЦИЯ ГИТЛЕРОВЦАМИ ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО РАЙОНА КАЛУЖСКОГО КРАЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО ЖИТЕЛЕЙ**

В статье на основе источников личного происхождения, прежде всего – воспоминаний жителей Перемышльского района Калужской области, собранных автором, показана их жизнь до и во время его оккупации гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Калужский край, Великая Отечественная война, гитлеровский оккупационный режим, воспоминания о войне

*E.V. Evseeva**Supervisor of studies – Candidate of Historical Sciences, docent I.V. Kometchikov***THE OCCUPATION BY THE NAZIS OF THE PEREMYSLSKY DISTRICT OF THE KALUGA REGION IN THE MEMOIRS OF ITS RESIDENTS**

The article based on sources of personal origin, primarily – the memories of the inhabitants of Peremysl district of Kaluga region collected by the author, shows their life before and during the Nazi occupation of the Great Patriotic War.

Key words: Kaluga region, Great Patriotic War, Hitler's occupation regime, memories of the war

Историческая память – основа национального самосознания. Особое место в сознании народов нашей страны занимает такое событие, как Великая Отечественная война, в ходе которой, несмотря на тяжелейшие испытания, они смогли победить агрессоров – гитлеровскую Германию и ее союзников и отстоять право на жизнь и свободу. К большому сожалению, сегодня, особенно в западных СМИ, часто искажаются факты о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, предпринимаются попытки переписать историю, а подчас – и реабилитировать нацизм, идет война с памятью, в Европе уничтожаются памятники советским воинам-освободителям. В 2023 году Калужская область отмечает 80-летие освобождения от немецко-фашистских захватчиков, что придает особую актуальность обращению к истории того героического и трагического времени. За последние годы опубликован ряд исследований, сборников документов, посвященных событиям войны на Калужской земле [1; 8; 12]. Очень скромное место в них, как правило, занимают свидетельства очевидцев – людей той героической и трагической эпохи. К сожалению, уходят из жизни ветераны – участники сражений Великой Отечественной, мало осталось труженников тыла, которые могли бы рассказать о пережитом. Их свидетельства представляют большую ценность. Цель данной статьи – рассказать о гитлеровской оккупации Пере-

мышльского района – одного из районов Калужского края, какой она запомнилась тем, кто ее пережил.

30 сентября 1941 г. гитлеровское командование начало операцию «Тайфун», которая должна была увенчаться взятием столицы СССР. На пути одного из рвавшихся к Москве танковых клиньев врага находился Перемышль – один из районных центров Калужского края (тогда – Тульской области). О сражении на подступах к Перемышлю рассказала Пиунова Лидия Алексеевна, жительница села Перемышль 1948 года рождения, со слов своей мамы – очевидца событий. «Навстречу немцам был выслан разведотряд из двух легких танков и двух броневиков. Наши танкисты отступали от рубежа к рубежу. Около часа они задерживали противника на подступах к Хохловке, а затем вынуждены были отступить...». Отход прикрывал броневик, экипаж которого состоял из старшего сержанта Кротова, водителя Булыгина и военфельдшера Станиславы Скрупской. Гитлеровцы смогли его поджечь и ждали, что экипаж выйдет с поднятыми руками, но услышали несколько выстрелов внутри броневика. Сгнав несколько жителей, фашисты приказали им извлечь тела экипажа. Их изумлению не было предела, когда они увидели, что один из трех бойцов оказался девушкой в военной форме с русой косой. Всех их похоронили на Хохловском кладбище, где

сейчас установлен общий памятник погибшим при оккупации Перемышля.

9 октября 1941 г. немцы оккупировали Перемышль, а 11 октября – всю территорию района. Вот как вспоминала о начале войны для жителей д. Горки главный редактор газеты «Наша Жизнь» Перемышльского района Гутенко Лариса Васильевна: «В этот воскресный день в колхозе «Маяк» д. Горки не работали. Каждый был занят домашними делами, поэтому о начале войны кто-то услышал по радио, кто-то от соседей. Война стремительно приближалась к Горкам. Сначала это были тревожные сводки Совинформбюро, затем в деревне появились первые беженцы из оккупированных районов области. Немцы пришли в деревню в октябре. Спросили у деда Буклана (Линникова), есть ли мост через Оку. Затем другая разведка, более многочисленная, появилась на велосипедах и с автоматами на Глагольне (так называлась часть Горок). Вездесущая ребятня первой узнала о том, что в доме Дмитрия Егоровича Бабкина разместился вражеский штаб. Уехали на следующий день в сторону Воротынска, где был мост через Угру. Под Голодским мостом и переправы тогда не было, поэтому Горки в стратегическом отношении не представляли для немцев интереса. Намечали, говорят старожилы деревни, открыть мастерскую – валять валенки. И место выбрали – там, где жили Воробьевы (по-деревенски – Нянькины)...» [3].

В газете «Наша жизнь» за 20.06.1991 г. в очерке «Девушки, девушки милые...» опубликованы воспоминания В. Кулакова, жителя д. Горки о начале войны: «Стоял жаркий июньский день. Стояла сенокосная пора. В лугах над рекой Окой, у Горского озера, выростали громады серебристых стогов свежего сена. Мальчишки на лугу растаскивали сено. Мудрый «стогоправ» – Егор Иванович Фролкин, вилами, как указкой, давал распоряжения – куда поднести, куда положить. Ребята постарше – Василий Якушин и Владимир Красин – клали огромные охапки сена на стога. Женщины подносили сено к стогам, а ребяткишки на конных волокушах тащили сено. Именно девушки принесли на луг страшную весть о начале войны. Сразу кончилось детство с его беззаботным весельем и начались трудные тяжелые годы войны. В деревне остались женщины, старики и дети. В годы войны вся тяжесть легла на плечи женщин и девочек. Это они, активистки комсомолки – Анна и Мария Зеленцовы, Анна Якушина, Ольга и Евдокия Красины, Паша

Красина и другие – пахали колхозную землю на лошадях. Двухлемешный плуг да пара коней и хрупкие девичьи руки, делавшие тяжелые мужские работы. Это они – сжав зубы, подобрав потрескавшиеся от солнца губы, покрыв до глаз платки, упрямо и настойчиво шли за плугом, а в стадные дни уборки вязали снопы. Молотили всю ночь, пропадавая в риге, а потом еще, не доспав, везли зерно на станцию. Анна Зеленцова и Паша Красина самоотверженно заботились о семьях фронтовиков: заменяли в домашних делах матерей и сестёр, работавших вместо отцов и братьев на производстве или в поле; готовили подарки, писали письма бойцам. Так, комсомолец Н. Фролкин распилил 13 кубометров дров жене красноармейца Дерябкина А.С., которая получила травму на работе. Они ежедневно ухаживали за ней, убирали в доме, готовили обед, присматривали за детьми. Трудно было учиться в военные годы, не хватало учебников. Отличную учёбу комсомольцы считали своим главным долгом. Комсомольская организация, перестроив всю работу в соответствии с условиями военного времени, делала все для того, чтобы помочь школе в выполнении её главной задачи. Одновременно с этим она мобилизовала ребят на большой труд в колхозах, на фермах» [11].

С 19 декабря 1941 г. по 1 января 1942 г. все комсомольцы в соответствии с решением Перемышльского районного совета депутатов трудящихся были привлечены на сельскохозяйственные работы. Бывший председатель колхоза «Маяк» М. Бабкин вспоминал: «Работали комсомольцы дружно, напористо. В первый же год получили высокий по тому времени урожай, близко к одиннадцати центнерам с гектара. Косили вручную крюками, вязали в снопы, а затем молотили цепями всю долгую зиму. Сдавали государству, засыпали в закрома семена, на трудодень хорошо получали. В колхозе были конные молотилки и косилки лобогрейки. Появились плуги с двумя лемехами...» [10]. Дерябкина Анастасия Афанасьевна вспоминала, как она до 1937 г. работала в полеводческой бригаде колхоза, выращивала пшеницу, картошку, клубнику. В 1937 г. ее послали учиться на счетовода: «Работать приходилось допоздна, а особенно трудно было, когда годовой отчет делали и отчеты по технике, по топливу, по скоту. В период войны с подругами чистили дорогу. Рыли окопы. Приходилось работать даже в бомбежку...» [4].

Красина Татьяна Михайловна трудилась в родной деревне с 1935 года. До 1939 г.

работала в бригаде. Когда началась война, поехала учиться на курсы механизации сельского хозяйства в Шамордино, откуда, проучилась месяц, стала трактористкой. В группе их было 23 девушки из многих окрестных деревень: Горок, Хохловки, Подборок. Она вспоминала: «На своем ХТЗ в сорок первом – пахала поля в Погореловке, Покровском. Наехала на мину. Помню взрыв и очутилась в воронке от взрыва. Не помню, сколько пролежала. Видно, бог отвел от меня смерть. Первый секретарь райкома партии Смирнов так и сказал тогда: «С того света ты, Красина, вернулась. Жизнь была невероятно тяжелой. Из деревни в деревню кочевали. В каких условиях жили – вспомнить страшно. На полу спали. В холоде, грязи, насквозь пропахшие соляжкой. Крапивными щами и хлебом, едва пригодным для еды перебивались. Когда было много работы, даже домой ночевать не отпускали. Отработав, уставшие ложились спать в стогах сена. Утром, чуть светало, опять надо было начинать работу. Перед войной вместе с председателем колхоза Матвеем Сергеевичем Бабкиным помогала перегонять скот под Галчань через паром, чтобы коровки не достались немцам...» [5].

Мы побеседовали с Глумовой Марией Михайловной 1933 года рождения. Она вспоминала: «Родилась в д. Жашково. Великая Отечественная война застала меня, когда было 8 лет. Помню, что немцы пришли в Горки осенью, в октябре, когда копали картошку. Ехали на мотоциклах со стороны Жашково...» В книге «Добрый свет Маяка» находим: «Немецкий мотоцикл затормозил около старой избы Фролкиных. Трое ввалились в хату. Неприветливо встретила их хозяйка Александра Михайловна Фролкина. «Куда прете – не видите, что ли?» – и показала рукой. На полу валялась солома и чумазый поросенок прохаживался тут же. «Феркель (поросенок), руссише швайне (русские свиньи)», – прохрипел один мотоциклист. «Цурюк (назад), Абфарен (уезжаем)» [2, с. 67]. Мария Михайловна рассказала, что ее мама приказала детям не убираться в доме: «Давайте все разбросаем, может они у нас в доме не останутся». Так и случилось. Зашли к нам в дом несколько немцев. Разговаривали не по-нашему, на своем немецком языке. Осмотрелись, видят: все разбросано, и вышли в сенцы, там у нас дальше была второй недостроенный дом. К стене стояли деревянные сундуки, так они все там вверх дном перерыли. Что они там искали, не знаю, но там и брать было особо нечего. Вышли и остано-

вились у соседей на постой. У нас в деревне особых злодеяний не чинили, нас только грабили. Так они устанавливали «новый порядок». К нам пришли через несколько дней и застрелили большую свинью. Ох, как матери было жалко поросенка, ведь нас надо было всех кормить, но мать сдержалась, понимала, что, если скажет слово против, могут и всю семью расстрелять. Приходили потом еще за молоком с алюминиевым котелком, и мать им наливала молока, лишь бы никого не тронули, боялась за нас маленьких...» [7].

Старейшая жительница с. Перемышль – Татьяна Семеновна Сухова – рассказала о некоторых эпизодах жизни своей семьи в годы Великой Отечественной войны. «Мне вспоминать очень тяжело события войны, много забылось, мне ведь было 7 лет. Глубокой осенью 1941 г. появились первые немцы в нашей деревне. Понаехали сначала на мотоциклах: бормочут на своем языке, галдеж стоит, побежали по дворам хватать кур. Нас в семье было пять человек. Мать боялась больше за меня, как за старшую. Вымазала сажей, вырядила в лохмотья, мол, увидят, что дурочка какая-то и не тронут. Солдаты немецкие врывались в дома, а если не открывали, то взламывали, отбирали у всех хлеб, сахар, сало – все съедобное, что попадалось под руку. Сундуки приказывали открывать, брали все, не обращая внимание на плач женщин и детей. Все боялись, особенно матери, ведь у всех были маленькие дети. Когда побрали поросят, овец, переловили кур, принялись за коров. Жители деревни уводили их в лес подальше...» [6].

Оккупация с. Перемышль продолжалась с 9 октября по 25 декабря 1941 г. [9, с. 106]. Она сохранилась в памяти народной как время жуткого страха за себя и близких, грабежей и насилий оккупантов над мирными жителями, а война – время долгого тяжелого труда, потери близких, голода и лишений. Не случайно для всех старожиллов, с кем удалось пообщаться, высшей ценностью на всю жизнь стал мир.

Список литературы:

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область: Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. Добычина М.А.; сост. Н.В. Зиновкина, В.Я. Агапова, А.В. Денисов, Ю.В. Изюкова, О.А. Моисеева, А.В. Прохоровский, Т.А. Свиридова, С.С. Симоненкова, С.А. Тарасов, О.В. Шитикова. – М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательский центр «ВОЕВОДА», – 2020. – 552 с.
2. Еремеев В.И., Кулаков, В.П. Добрый свет «Маяка» / В.И. Еремеев., В.П. Кулаков. – Калуга, 2010. – 102 с.
3. Из воспоминаний Л.В Гутенко // Архив музея СОШ с. Горки Перемышльского района Калужской области.
4. Из воспоминаний А.А. Дерябкиной 26.01.1918 г. р. // Архив автора.
5. Из воспоминаний Т.М. Красиной 08.08.1919 г. р. // Архив автора.
6. Из воспоминаний Т.С. Суховой 07.12 1931 г. р. // Архив автора.
7. Из воспоминаний М.М. Глумовой 08.08.1925 г. р. // Архив автора.
8. Калужская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Оккупационный период. Т. 1. Сборник архивных документов / отв. ред. В.А. Иванов. – Калуга: ИП Артюхов, 2022. – 560 с.
9. Писаренко И.С. Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны / И.С. Писаренко. – Калуга: ЦНТИ, – 1996. – 118 с.
10. «Путь к коммунизму» (Орган Перемышльского РК КПСС Калужской области). – 1967. – № 19.
11. «Путь к коммунизму» (Орган Перемышльского РК КПСС Калужской области). – 1967. – № 24.
12. Суровые сороковые... Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / редколл.: В.Я. Филимонов, К.В. Чеченков, Д.Э. Миронов. – Калуга: КГИРО, – 2015. – 272 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 908

В.А. Иванов, С.В. Иванов

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
С БОЕВЫМИ ЧАСТЯМИ КРАСНОЙ АРМИИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ 1942 – 1945 ГГ.)**

В статье на материалах опубликованных фронтовых писем воинов 12-й гвардейской стрелковой дивизии, части которой принимали участие в освобождении г. Калуги в декабре 1941 г., адресованных одному из руководителей города Е.К. Карнюшиной, раскрываются сложившиеся в период войны формы сотрудничества городской власти и бойцов дивизии. Показано их значение как одного из важнейших факторов, обеспечивавших победу советского народа над фашистской Германией

Ключевые слова: фронтовые письма, Е.П. Карнюшина, бойцы стрелковой дивизии, поддержка, помощь, просьба, поздравления, благодарность

V.A. Ivanov, S.V. Ivanov

**INTERACTION OF EXECUTIVE AUTHORITIES
WITH COMBAT UNITS OF THE RED ARMY
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(BY THE MATERIALS OF FRONT LETTERS OF 1942 – 1945)**

The article, based on the materials of the published front-line letters of soldiers of the 12th Guards Rifle Division, whose units took part in the liberation of Kaluga in December 1941, addressed to one of the city leaders E.K. Karnyushina, reveals the forms of cooperation between the city authorities and the division fighters that developed during the war. Their significance is shown as one of the most important factors that ensured the victory of the Soviet people over fascist Germany

Key words: front-line letters, E.P. Karnyushina, soldiers of the rifle division, support, help, request, congratulations, gratitude

Начало специальной военной операции, объявленной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 24 февраля 2022 г., проводимой российскими вооруженными силами против вооруженных формирований Украины с целью защиты мирного населения Донбасса, а также демилитаризации и денацификации Украины, поставило перед федеральными органами государственной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, задачи по оказанию помощи ее участникам. 3 апреля 2023 г. Президент России подписал указ «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции "Защитники Отечества"», согласно которому ветеранам военных действий и семьям погибших военнослужащих должны быть созданы условия, обеспечивающие «достойную жизнь и активную деятельность». Учредителем Фонда, деятельность которого направлена на организацию и оказание социальной, медицинской,

психологической и другой поддержки защитникам Отечества от имени Российской Федерации является Правительство Российской Федерации [1]. Вся страна оказывает воинам, участвующим в специальной военной операции гуманитарную и военнотехническую помощь, взрослые и дети пишут бойцам письма, восхищаясь их мужеством и отвагой.

Современное положение, в котором находится наша государство, отсылает нас к опыту периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), когда оказание помощи советским воинам, героически сражавшимся на фронтах с германским фашизмом, стало во главу угла деятельности всех государственных органов и населения огромной страны. Тесное и разностороннее взаимодействие тыла и боевых формирований Красной Армии, явилось одним из важнейших факторов победы советского народа в этой войне. Тыловики обеспечивали фронт не только материальными, техническими, сырьевыми и людскими ресурсами, но и оказывали все-

мерную морально-политическую поддержку, поднимали боевой дух военнослужащих, вдохновляли их на борьбу с ненавистным врагом, на ведение победоносной войны вплоть до полного освобождения родной земли.

В данной статье на основе изучения лишь небольшой, но представительной части недавно опубликованного калужскими архивистами комплекса фронтовых писем [2; 3], адресованных одному из руководителей г. Калуги Е.П. Карнюшиной (в сборниках опубликовано 137 писем, направленных руководству Калужского горисполкома, среди них Е.П. Карнюшиной – 123), последовательно занимавшей должности заместителя председателя, председателя исполнительного комитета города и заместителя директора партшколы Калужского обкома ВКП(б), за период с 31 марта 1942 г. по 21 июня 1945 г., предпринята попытка рассмотреть сложившиеся в годы войны формы сотрудничества городской власти и воинов Красной Армии.

Авторами писем являются более 30 военнослужащих 258-й стрелковой (с 5 января 1942 г. – 12-й гвардейской) дивизии, входившей в составе 50-й армии, принимавших участие в Московской битве и освобождении от немецко-фашистских захватчиков г. Калуги в декабре 1941 г. В январе 1942 г. дивизия вела бои под г. Сухиничи, после его освобождения наступала на юго-западном направлении. К середине апреля вышла к рекам Драгожань и Которянка, освободив от врага населённые пункты Брынь, Семичастное, Пустынка, Выдровка. За время контрнаступления зимой-весной 1942 г. дивизия проявила себя в боях за село Попково, при освобождении которого были захвачены крупные вражеские склады с боеприпасами, продовольствием, оружием и автомобильная техника. 16 апреля дивизию вывели из боя и передали в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. 27 апреля после тяжёлого 70-километрового марша части дивизии сосредоточились в районе г. Козельска, сел Березичи и Дешовок. В дальнейшем дивизия была задействована в боевых действиях на Курской дуге, в форсировании Днепра, в освобождении Белоруссии и Прибалтики, в марш-броске от Вислы к Одера и в преследовании неприятеля от Одера до Эльбы. Воины соединения освободили 267 населённых пунктов, участвовали в штурме Берлина.

Письма писались и отправлялись в г. Калугу из разных населённых мест, через которые проходил боевой путь следования 12-й гвардейской дивизии (Белоруссия, Украина, Прибалтика, Восточная Пруссия, Германия).

Адресат фронтовых корреспонденций – Елена Капитоновна Карнюшина родилась 2 июля 1905 г. на станции Урсатьевская Хованского района Ташкентской области. По окончании в 1924 г. школы II ступени в г. Самарканде, обучалась в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской в Москве (1929 – 1932), прошла курсы подготовки учителей в г. Калуге (1939 – 1940), являлась слушательницей высшей партийной школы (1947). Трудовую деятельность Карнюшина начала в 1924 г. в Самаркандском ЦК ВКП(б). В 1928 г. была переведена на должность ответственного секретаря Белгородского горсовета. В 1932 – 1933 гг. – научный сотрудник НИИ педагогики, в 1933 – 1934 гг. – ответственный редактор политотдела Федоровской МТС в Башкирской АССР. С октября 1934 г. – заведующая партийным кабинетом железнодорожного узла ст. Малоярославец. С 1937 г. – работала в этой же должности на Калужском машиностроительном заводе НКПС. Являлась членом Самаркандского (1926 – 1928), Белгородского (1928 – 1929), Калужского (1937 – 1939) пленумов РК ВКП(б). В 1937 – 1939 гг. – заведующая отделом пропаганды и агитации, второй секретарь ГК ВКП(б), кандидат в члены пленума Тульского обкома ВКП(б).

До осени 1940 г. Карнюшина занимала должность инспектора-методиста дорожной школы Московско-Киевской железной дороги (МКЖД). С августа и до 9 октября 1941 г. – заведующая парткабинетом Калужского горкома ВКП(б). В период оккупации г. Калуги (с 7 октября по 30 декабря 1941 г.) находилась с семьёй в эвакуации в Сибири, где работала инструктором по пропаганде политотдела Инского отделения Томской железной дороги. Из эвакуации возвратилась в г. Калугу 20 сентября 1942 г. В ноябре 1942 г. назначена заместителем председателя Калужского горисполкома по коммунальным вопросам. Находясь в этой должности Карнюшина решала вопросы ремонта и предоставления жилья семьям фронтовиков, горожанам, оставшимся без жилплощади в период оккупации, проводила работу по приведению в порядок коммунальных предприятий и

улучшению деятельности медицинских учреждений города. В феврале 1944 г. Карнюшина назначена заведующей отделом пропаганды и агитации ГК ВКП(б), а 12 июня 1944 г. утверждена в должности председателя Калужского горисполкома. В 1945 – 1948 гг. работала заместителем директора партшколы Калужского обкома ВКП(б), а с сентября 1948 г. – директором школы № 57 МКЖД. Карнюшина награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». В послевоенный период жила и трудилась в Москве, где и скончалась 21 октября 2001 г. [2, с. 236].

Среди авторов писем (к сожалению, во многих из них указаны только фамилия и инициал(ы) бойца) имена фронтовиков разного возраста, званий и служебного положения от рядового бойца до командира. В их числе Рафаил Исаевич Мильнер (1910–1979), гвардии подполковник, заместитель по политчасти командира 32-го гвардейского стрелкового полка 12-й гвардейской Пинской стрелковой дивизии 61-й армии Центрального фронта, Герой Советского Союза; Николай Терентьевич Волков (1913–1956), подполковник, командир 32-го гвардейского стрелкового полка, Герой Советского Союза; Дмитрий Кузьмич Мальков, полковник, командир дивизии (10.07.1943 – июнь 1945); командиры 29-го гвардейского стрелкового полка: Платон Игнатьевич Потапчук (с 02.04 по 01.11.1942) и Иван Степанович Матвеев (с 04.06.1945); Михаил Федорович Манакин (12.11.1924 – 24.03.2009), уроженец с. Дворцы Калужского уезда Калужской губернии (ныне – Дзержинский район Калужской области), гвардии лейтенант, командир взвода автоматчиков 32-го гвардейского стрелкового полка 12-й гвардейской стрелковой дивизии, награжденный орденами Ленина, Октябрьской революции, Боевого Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, Трудового Красного Знамени и многими медалями, Герой Советского Союза (1944) [4, с. 185 – 187], почетный гражданин г. Калуги (1980).

По своему содержанию фронтовые письма довольно разнообразны. Фронтовики описывают то, что их окружает и волнует в данный момент, рассуждают о великой освободительной миссии Красной Армии, о духовной силе, политическом единстве и непобедимости многомиллионного советского народа, ставшего на защиту своей Отчизны,

рассказывают об ужасах войны, издевательствах фашистов над мирным населением, успехах в преследовании неприятеля, несколько не сомневаются в скором и окончательном уничтожении врага. Так, боец дивизии А. Митусин в своем письме Карнюшиной от 31.03.1942 г. замечает: «...Враг будет разбит и разбит окончательно. Да разве кто может одолеть такую страну, где люди отделены друг от друга за тысячи км, а живут одною жизнью и делами, победить, уничтожить, изгнать из страны всех и всяких кто бы не захотел пожить с нашим советским добром... Мы победим! Мы победим, потому что крепко спаяна Красная Армия. Мы победим, потому что мы ведем справедливую войну, цели и задачи которой известны каждому. Мы победим, потому что в тылу на тысячу километров всюду куют нам победу. Мы победим, потому что Красной Армии Вы дорогие и родные наши желаете, ждете и творите эту победу» [2, док. № 338, с. 281 – 282]. В письме военнослужащего И.К. Гибы от 03.08.1943 г. мы читаем: «...Немца гоним только так. Бежит в испуге по сказочному, кое-где сопротивляется крепко. Но много пришлось положить сил при прорыве линии обороны, особенно на р. Оке. Если так будет бежать как эти последние три дня, то через месяц я буду в своей родной деревне Черниговской области... Вчера мы стояли в деревне, где не было ни одного дома, всё пожег, а сегодня стоим впереди на 12 км, и деревня уж целая, лишь только побиты стекла. При отступлении паразит жжет все, вредитель... Прошли мы свыше 70 населенных пунктов, т.е. наша дивизия, из них только в 4–7 не больше, есть жители и кое-где коровы, но жители все старые и малые» [2, док. № 283, с. 242]. О приближающейся победе над коварным врагом сообщает Карнюшиной в письме из Восточной Пруссии от 04.02.1945 г. С. Коваленко: «Час расплаты с кровавым врагом настал. Меч правосудия над головой фашистского зверя в его собственной берлоге занесен. Сейчас фашисты расплачиваются за все свои деяния, в том числе и за Калугу... Мечь врагу идет полным ходом. Недалек тот час, когда после победы встретимся» [2, док. № 295, с. 251].

Главный мотив, проходящий красной нитью через все адресованные Карнюшиной фронтовые корреспонденции – это искренние слова благодарности воинов той разносторонней морально-психологической поддерж-

ке, а подчас и материальной помощи, которую она, преодолевая многие трудности военного лихолетья, оказывала им в период ожесточенной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Здесь не будет преувеличением сказать, что помощь и написанные по разным поводам письма, отправляемые Карнюшиной из г. Калуги бойцам стрелковой дивизии, служили для них неиссякаемым источником духовных сил, который спланивал, объединял и вдохновлял их на борьбу с фашизмом. Об этом красноречиво свидетельствуют строки фронтовых писем, в которых глубоко звучит чувство искренней признательности за оказанное внимание, добро и услугу. Приведем наиболее типичные места из фронтовых сообщений.

Вышеупомянутый Митусин в начале указанного письма следующим образом характеризует значимость полученного от Карнюшиной сообщения для военнослужащих подразделения, в котором он служит: «Уважаемая Елена Капитоновна! Получил Ваше письмо. Сколько сил, сколько бодрости оно вселило в нас: бойцов, командиров и политработников. Оно прочитано всеми, вплоть до единого красноармейца... В Вашем письме мы видим не простые строчки письма. Мы в нем видим коллектив, живущий с нами одной жизнью, одной мыслью, одними делами. ...Передайте всему Вашему любимому нами коллективу наш пламенный, боевой, красноармейский привет. Передайте коллективу: мы оправдаем его доверие...» [2, док. № 338, с. 281]. Военнослужащий А.И. Белов в ответном письме Карнюшиной 17.07.1944 г., приславшей поздравления «по случаю победы над немецко-фашистскими извергами», так оценивает значение ее помощи фронту: «...Ваш труд, организаторские способности в деле всемирной помощи нашей доблестной Красной Армии и нашему соединению не прошло даром. Ваша материнская забота навсегда нас воодушевляла на решительную борьбу с озверелым врагом всего человечества гитлеровскими людоедами» [2, док. № 276, с. 237]. То же чувство благодарности за проявляемое внимание и беспокойство к воинам, сражающимся на фронтах войны, содержится в письме П.С. Кошеленко (написано не ранее 09.05.1945 г.): «Ваша забота о нас, любовь к своей Красной Армии воодушевляли нас на новые боевые подвиги. Радость нашей победы над немецко-фашистскими оккупантами мы разделяем

вместе с вами. Ваша забота о нас не прошла даром» [2, док. № 298, с. 254]. В письме датированном 25.01.1943 г. тот же автор показывает, какое большое значение для него, находившегося вдали от родного дома, имело полученное письмо от знакомого человека, постоянно проявлявшего, несмотря на загруженность повседневной служебной работой, заботливое отношение к фронтовикам: «Елена Капитоновна! ...Я от всей своей души благодарен вам за то, что и мне явилась полная возможность хоть скромной своей перепиской разделить свою мысль с теми, кто думает о нас и всецело живет одной мыслью и заботой, чтобы ускорить разгром немецко-фашистских бронированных полчищ... Я получил Ваше письмо, за которое от всей души благодарен вам. Письмо для фронтовика, а тем более с июля месяца, не имея никакой переписки, – это пополнение твоих сил, энергии, бодрости, не говоря уже о той радости, которую чувствуешь, когда читаешь письмо» [2, док. № 296, с. 252].

Надо заметить, что на самоотверженные поступки и решительные действия фронтовиков побуждали не только проникнутые теплотой, заботой и полной поддержкой письма Карнюшиной, но и живое непосредственное общение с этим незаурядным руководителем во фронтовой обстановке. Судя по опубликованным материалам, фронтовики неоднократно приглашали Карнюшину посетить дивизию и выступить перед бойцами. Так, гвардии капитан, замполка по политчасти К. Извеков, в своем письме Карнюшиной от 27.04.1943 г., выражая сердечную благодарность за проявляемое внимание и заботу к полку просит ее вместе с делегацией калужан приехать в дивизию на празднование 1-го Мая [2, док. № 290, с. 248]. В письме Кузнецова от 17.04.1944 г. говорится: «Дорогая Елена Капитоновна! ...Приглашаем Вас обязательно приехать с делегатами, которых Вы будете посылать к нам, в нашу дивизию. Ваш приезд будет большим радостным событием в жизни нашего полка и послужит залогом еще большей и крепкой дружбы, направленной на окончательный разгром немецкой нечисти. Сейчас обстановка благоприятствует Вашему приезду, думаю, что она не изменится и к тому времени когда Вы будете у нас» [2, док. № 299, с. 254 – 255]. Из этого же письма следует, что Карнюшина ранее уже посещала расположение дивизии. В следующем письме того же автора, датированном

11.04.1945 г. он не только снова приглашает Карнюшину посетить дивизию, но и интересуется как восстанавливается хозяйственная жизнь в городе, спрашивает о здоровье ее дочери, просит возобновить присылку городской газеты, в которой имеется «большая необходимость» [2, док. № 300, с. 255 – 256].

По приезде в дивизию Карнюшина выступала перед ее личным составом. Эти выступления оказывали огромное воздействие на эмоциональное состояние военнослужащих. Так, в приведенном письме Белова, написанном спустя месяц после посещения Карнюшиной одного из подразделений дивизии, дается следующая оценка этого необычного события: «Бойцы, сержанты, офицеры нашего подразделения помнят праздничный день Вашего приезда к нам 14 мая 1944 г. Ваши сказанные ласковые слова на собрании 17 мая 1944 г. воодушевили наш личный состав на решительный разгром гитлеровских двуногих зверей» [2, док. № 276, с. 237]. Нельзя не отметить, что посещение Карнюшиной дивизии находило отражение в издаваемой в этом воинском формировании газете. Об этом, в частности, мы узнаем из письма Карнюшиной командира 12-й стрелковой дивизии полковника М.Д. Малькова от 10.06.1944 г.: «Посещение Вашей делегацией одной из наших частей отражено в нашей фронтовой газете, которую я Вам высылаю с данным письмом» [2, док. № 301, с. 256].

В значительной части писем фронтовиков содержатся их искренние, теплые поздравления Карнюшиной с годовщинами создания Красной Армии [2, док. № 280, с. 241; 3, док. № 118, с. 99; док. № 127, с. 106], освобождения г. Калуги от немецко-фашистских оккупантов [2, док. № 286, с. 244; 3, док. № 125, с. 106], всенародными праздниками – 7 ноября [2, док. № 282, с. 242; док. № 285, с. 244; 3, док. № 108, с. 92; док. № 124, с. 105], 1-го Мая [3, док. № 120, с. 101; док. № 131, с. 111], Новым годом [3, док. № 114, с. 96; док. № 133, с. 112], пожелания наилучших успехов в жизни, в работе и в быту [2, док. № 292, с. 249; док. № 294, с. 250], здоровья родным и близким [2, док. № 321, с. 271; док. № 323, с. 272], соболезнование в связи с гибелью на фронте ее мужа [2, док. 337, с. 281]. Военнослужащие благодарят Карнюшину за письма-поздравления с Днем Победы [3, док. № 128, с. 108]. Так, Кошеленко в письме, написанном по случаю исторической Победы над врагом, раскрывая значение той огромной

поддержки, которую калужский руководитель оказывал бойцам, вдохновляя их на защиту своей Родины, пишет: «...Мне хочется искренне Вас отблагодарить за Ваше теплое поздравление нас с Днем всенародного торжества – Днем Победы. Ваше письмо пробудило у нас, нашу дружбу с вами. Ваша забота о нас, любовь к своей Красной Армии воодушевляли нас на новые боевые подвиги. Радость нашей победы над немецко-фашистскими оккупантами мы разделяем вместе с Вами. Ваша забота о нас не пропала даром» [2, док. № 298, с. 254]. В свою очередь, Карнюшина, как видно из писем фронтовиков (2, док. № 285, с. 244; док. № 286, с. 244; док. № 315, с. 266; 3, док. № 110, с. 93; док. № 126, с. 106; док. № 134, с. 114 и др.), также направляла им свои горячие приветствия по случаю знаменательных событий в истории страны (2, док. № 280, с. 241; док. № 286, с. 247; док. № 348, с. 290; 3, док. № 110, с. 93; док. № 134, с. 114 и др.).

Во многих письмах, полученных Карнюшиной с фронта содержатся различные просьбы, в том числе и сугубо личного характера. Так, К Извеков в письме от 06.09.1943 г. просит командированному в г. Калугу однополчанину для нужд полка помочь достать «...хотя бы немного карандашей, бумаги, любого сорта, ибо личный состав нуждается в этом» и сдать в ремонт часы, которые «...нам на войне нужны как воздух» [2, док. № 292, с. 249], военнослужащая Л.П. Матвиец – в письме датированном 18.03.1945 г. – дать рекомендацию в партию [2, док. № 308, с. 262]. Р.И. Мильнер в письме, написанном 02.04.1943 г. пишет о направлении в г. Калугу двух опубликованных книжек по истории полка и о работе над третьей книгой под заглавием «Гвардейцы благодарят калужан», включающей очерк о дружбе калужан и бойцов дивизии, спрашивает Карнюшину: не сумеет ли калужская типография напечатать эту книгу? [2, док. № 331, с. 277]. В недатированном письме военнослужащей М.Д. Мыльниковой сообщается о направлении в г. Калугу со старшим лейтенантом Поляковым печатной машинки из оперативного отдела с убедительной просьбой отремонтировать ее как можно быстрее [2, док. № 344. С. 287]. Письма содержат и тривиальные обращения. Например, уже неоднократно упоминавшийся военнослужащий Кошеленко, просит Карнюшину, если будет такая возможность, выслать по указан-

ному адресу наложенным платежом для его дочки и сына несколько тетрадей, карандашей и литературу по английскому языку для 5, 6 и 9 классов [2, док. № 297, с. 254]. Военнослужащий автоматной роты Герой Советского Союза С.И. Панферов в письмах от 17 и 21 апреля 1944 г. просит Карнюшину по приезду в дивизию привести бумагу, химические карандаши, перочинный ножик [2, док. № 345, с. 288], папиросы, большую коробку спичек и гармонь [2, док. № 346, с. 289], М.С. Степанов очень просит передать или выслать по почте вместо разбитых на фронте соответствующего размера очки [2, док. № 112], а вышеупомянутая сотрудница политотдела Мыльниковая, достать ей гребенку, шпилек для волос и пару дамского белья [2, док. № 344, с. 287]. Надо особо подчеркнуть, что Карнюшина не оставляла подобные и другие просьбы фронтовиков без внимания и, как следует из их ответных писем, по мере своих возможностей и сил их удовлетворяла. Например, судя по ответному письму Мильнера Карнюшиной от 29.09.1943 г. была исполнена его просьба издать в г. Калуге книгу по истории 32-го гвардейского полка [2, док. № 333, с. 278]. Майор И.Ф. Веревкин благодарит Карнюшину за содействие в ремонте типографской печатной машинки [2, док. № 103, с. 89], а Степанов за присланные очки [3, док. № 115, с. 97] и т.д.

Важно отметить, что Карнюшина, как можно заключить из писем фронтовиков, по

собственной инициативе оказывала посильную помощь их семьям [3, док. № 110, с. 94], направляла на фронт ценные подарки [3, док. № 131, с. 111]. Так, командир стрелкового корпуса К.М. Эрастов в письме от 10.02.1944 г. выражает Карнюшиной благодарность за присланный ему портсигар, оценивая этот подарок как свидетельство крепкой спайки «фронта и тыла» [3, док. № 127, с. 107]. По возможности бойцы отвечали Карнюшиной взаимностью, направляя ей посылки с фронта. Так, в письме Кошеленко сообщается о направлении в г. Калугу подарков для детей и семей фронтовиков, а также фотографии «лучших бойцов» для музея [3, док. № 298, с. 254].

Таким образом, на основании приведенной лишь малой части из опубликованного архивного (до сих пор не введенного в научный и общественный оборот) материала, вырисовывается еще один важный источник победы советского народа в Великой Отечественной войне. Это огромная морально-политическая поддержка и помощь, которую оказывали бойцам 12-й гвардейской стрелковой дивизии руководители г. Калуги, и, в частности, Е.П. Карнюшина. Отмеченный факт служит убедительным подтверждением сложившегося и проявлявшегося в разных формах в период войны единства фронта и тыла, обеспечивавшим ведение победоносной войны против врага.

Список литературы:

1. «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции "Защитники Отечества"». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304030001> (дата обращения: 01.06.2022).
2. Письма с фронта. Сборник документов. Т. 1 / отв. ред. В.А. Иванов. – Калуга: ИП Ильин А.В., 2020 – 312 с. (Подробнее об этой публикации см.: Иванов, В.А. Опыт публикации фронтовых писем калужан / В.А. Иванов // Вестник Калужского университета. – 2021. – № 2 (51). – С. 44–49).
3. Письма с фронта. Сборник документов. Т. 2 / отв. ред. В.А. Иванов. Калуга: ИП Кирменская Е.А., 2021. – 200 с.
4. Скрипкин, В.А. Генералы – уроженцы земли Калужской / В.А. Скрипкин; под ред. В.И. Исакова. – Калуга: Издательство Захаров С.И. («СерНа»), 2016 – 464 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 93/94

*В.М. Кукушкин**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.В. Штепа***ВОЙНА НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ ГЛАЗАМИ СОЛДАТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
ВОССТАНИЕ ЧАСТЕЙ РУССКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА
В ЛАГЕРЕ ЛЯ – КУРТИН**

Статья посвящена одной из героической и трагической страниц истории России – судьбе Русского экспедиционного корпуса, направленного согласно соглашению между государствами – союзниками по Антанте во Францию, для участия в боевых действиях во время Первой мировой войны на Западном и Салоникском фронтах. Основное внимание уделено событиям сентября 1917 г., произошедшим в лагере Русского экспедиционного корпуса, находящегося в коммуне Ла-Куртин департамента Крёз региона Лимузен (Франция). Получив известия о революции в России, и чувствуя ухудшение собственного положения бойцы 1-й русской бригады избрали Совет, фактически подняли восстание, отказавшись подчиняться требованиям российских и французских властей о продолжении ведения военных действий и требуя возвращения домой. События тех сентябрьских дней раскрываются автором на основе привлечения различной литературы, в том числе источников личного происхождения (воспоминаний солдат и офицеров).

Ключевые слова: Первая мировая война, Русский экспедиционный корпус, сентябрь 1917 г., Ла-Куртин, восстание

*V.M. Kukushkin**Supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa***THE WAR ON THE WESTERN FRONT THROUGH THE EYES OF SOLDIERS OF THE
RUSSIAN EMPIRE. THE UPRISING OF THE UNITS OF THE RUSSIAN EXPEDITIONARY
CORPS IN LA CURTIN CAMP**

The article is devoted to one of the heroic and tragic pages of the history of Russia – the fate of the Russian Expeditionary Corps, sent according to the agreement between the allied states in the Entente to France, to participate in hostilities during the First World War on the Western and Salonika fronts. The main attention is paid to the events of September 1917, which took place in the camp of the Russian Expeditionary Corps, located in the commune of La Courtine in the Creuse department of the Limousin region (France). Having received news of the revolution in Russia, and feeling the deterioration of their own situation, the fighters of the 1st Russian Brigade elected a Council, actually raised an uprising, refusing to obey the demands of the Russian and French authorities to continue conducting military operations and demanding to return home. The events of those September days are revealed by the author on the basis of the involvement of various literature, including sources of personal origin (commemorations of soldiers and officers).

Key words: World War I, Russian Expeditionary Corps, September 1917, La Curtin, uprising

Подготовленная всем предыдущим историческим развитием великих держав, Первая мировая война стала серьезным испытанием для всего мирового сообщества. Большая часть населения Российской империи летом 1914 г. поддержала решение государя вступить в войну. Русские воины героически сражались в т. ч. и на Западном фронте в составе Особых пехотных бригад во Франции и Греции. Вскрыв негативные стороны в государственном устройстве, общественной жизни, война подтолкнула Россию к коренным изменениям. События февраля 1917 г. заставили союзников усомниться в верности нового руководства страны данным обязательствам. Но Временное правительство продолжило внешнеполитическую линию императорской России.

Целью статьи является анализ событий, связанных с восстанием бойцов 1-й Особой бригады в лагере Ля-Куртин.

Проблема участия русских солдат в военных действиях на Западном фронте Первой мировой войны имеет обширную историографию. Среди исследований советского периода можно выделить обстоятельный труд Ю. Н. Данилова, где автор анализирует мемуары, материалы отечественных архивов, зарубежные документы. В советский период мало внимания уделяется восстанию в лагере Ля-Куртин, историки лишь описывают события вооруженных действий осени 1917 года. Интерес представляет работа французского историка П. Пуатевена (отрывки данной работы в русском переводе представлены в работе С. С. Поповой), который рассматривает причины, ход восстания, опираясь на материалы французских архивов и воспоминания современников событий [3; 11].

В монографии А.Ю. Павлова [9], статьях С. С. Поповой [10; 11], М. К. Чинякова [15; 16] историки уходят от описательности в освещении восстания в лагере Ля-Куртин. В издании «Поэт на войне. Николай Гумилев 1914–1918 гг.» можно найти много ценных делопроизводственных источников, фотографий, относящихся к теме восстания [14].

В нашей статье использовались материалы интернет-портала Ассоциации РЭК во Франции [1].

Можно выделить три группы источников, использованных в работе: делопроизводственная документация, материалы личного происхождения, периодическая печать, которые в совокупности позволяют всесто-

ронне проанализировать события лета-осени в лагере Ля-Куртин. К первой группе источников относятся телеграммы, отчеты представителей Временного правительства во Франции, приказы лидеров Временного правительства. Большой интерес представляют материалы личного происхождения (мемуары Р. Я. Малиновского, Д. У. Лисовенко) [8; 6]. Для объективной оценки событий использованы воспоминания Ю. И. Лисовского, находившегося по другую сторону в противостоянии [7]. Важным источником является периодическая печать (газета «Русский солдат – гражданин во Франции») [13]. В исследовании был применен метод анализа информации различных групп источников, историко-сравнительный метод, который позволил выявить сходства и различия в оценке событий двумя противостоящими сторонами конфликта.

На Западном фронте Русский Экспедиционный корпус появился в 1916 году, после подписания соглашения между Российской империей и Францией.

Русские войска были пышно встречены во Франции, о чём вспоминают многие участники событий, в том числе и будущий маршал СССР Малиновский Р.Я. (в то время ефрейтор РИА) [7, с. 256; 8, с. 184 – 185].

Части РЭК самоотверженно сражались на Западном и Македонском фронте, французское командование восхищалось храбростью и стойкостью солдат и офицеров, газеты расписывали подробности подвигов, как отдельных воинов, так и подразделений в целом. Тем не менее, еще в ноябре 1916 г. отношение французской общественности к русским солдатам стало меняться, в обществе ходили слухи о преступной деятельности министров императорской России, подогреваемые лидерами Государственной думы. Бурные события февраля 1917 г., происшедшие в России, усилили опасения французов относительно частей РЭК. Как следствие, встал вопрос о дальнейшем участии русских войск в боях на Западном фронте, Временное правительство решило продолжать внешнеполитический курс, взятый в начале Первой мировой войны. До солдат же информация о свержении монархии официально так и не была доведена, всё базировалось на уровне слухов, поэтому реакция была сдержанной. 13 апреля 1917 г. состоялась присяга в верности Временному правительству [1; 2, с. 56–57; 3, с. 87 – 126; 7, с. 256].

Стоит отметить, что с осени 1916 г. частым явлением стали встречи и беседы представителей РЭК во Франции с русскими эмигрантами. С середины марта 1917 г. представители Временного правительства во Франции разрешили чтение лекций на политические темы, не разбираясь в партийной принадлежности лекторов [7, с. 267].

Отношение солдат к войне меняется после неудачного наступления союзников в апреле – мае 1917 г., позже названного «Мясорубкой Нивеля» (по имени командующего французскими войсками). По разработанному плану все союзные войска фронта делились на три группы армий: Северную, Центральную и Резервную (последняя и должна была нанести главный удар). Для Резервной группы армий, в которую входили и две особые русские бригады, генерал Ж.-А. Мишле предусматривал прорыв немецкой линии обороны в течение одного дня. До последнего участие русских войск в наступлении оставалось под вопросом. 15 апреля в 19 часов состоялось собрание полковых советов. В ходе почти трёхчасовых дебатов было принято решение «за атаку». «Мы, сознательные бойцы свободной России, являясь ее верными сынами, состоящими на военной службе в 1-й особой пехотной бригаде, принимаем на себя обязательство беспрекословно выполнять приказ командования бригады и принять участие в предстоящем наступлении», – гласила резолюция. Как мы видим, состояние войск всё ещё было управляемым [8, с. 243].

Наступление началось в 6 часов утра 16 апреля 1917 года. В ходе первого дня боёв наибольших успехов достиг 1-й полк РЭК, захватив 635 пленных, но при этом, понеся огромные потери (в среднем 50 % личного состава). Французы же в некоторых местах так и не смогли прорвать оборону немцев, но, несмотря на некоторые неудачи, Р. Нивель решает продолжить наступление. В это же время 3-й батальон 2-го полка, наступая северо-западнее Курси на Карре, был встречен мощным пулеметным огнем и был вынужден отступить. Однако немцы не стали долго оборонять Карре и, пользуясь выпавшим густым туманом, 18 апреля оставили укрепление. Задача бригады была выполнена. Другая часть войск (2-й батальон 6 полка и три батальона 5 полка) 16 апреля была направлена в распоряжение 37-й пехотной дивизии генерала Гарнье-Дюплесси (7-й корпус). Русские солдаты выполняли поставленную задачу,

захватывали высоту Мон-Спен, но к концу дня батальоны вынуждены отступить на исходные позиции. Судя по взятым пленным, 5-й полк преследовали части не менее трех немецких полков. В результате части 3-й особой бригады, ослабленные большими потерями, 20 апреля были выведены в тыл. На этом ее участие в апрельском наступлении 1917 года завершилось. В ходе наступления русские войска продвинулись гораздо дальше, чем французские части. В течение двух ночей (19 и 20 апреля) бригады были выведены на отдых и переформирование [3, с. 134; 16, с. 61 – 62].

Провал операции Р. Нивеля, большие людские потери подорвали боевой дух войск, усилил пацифистские настроения, французы отказывались выступать на позиции. Русские солдаты стали чаще задаваться вопросом: для чего они здесь? Зачем им нужна эта чужая война? В дивизиях все чаще и чаще можно было услышать такие лозунги: «На фронт больше не возвращаться!», «Немедленный возврат на родину!». Обстановку ещё больше накаляет решение генерала Лохвицкого (командующего 1-й и 3-й дивизиями), который сначала обещает войскам отдых, а на деле готовит их к отправке на фронт. С начала мая от представителей Временного правительства в Петроград стали поступать сведения об актах неповиновения в частях Особой бригады, связанных с активной деятельностью солдатских комитетов. К сожалению, доподлинно неизвестно, кому принадлежала инициатива создания солдатских комитетов: самим солдатам или Временному правительству, историки выдвигают на эту тему много версий [3, с. 131 – 132; 6, с. 79 – 87].

Первое серьёзное неповиновение происходит 1 мая 1917 года. Мятежников хотят разоружить, выведя на плац для празднования, оставив оружие в казармах. Но информация утекает, план становится известен солдатам, и 1-я бригада выходит на плац с оружием в руках. Только после выступления генерала Лохвицкого и заверения о том, что солдат не собираются отправлять на фронт, напряжение спадает. Русское командование вынуждено было пойти на уступки: разрешено отправить делегацию в Петроград для переговоров о дальнейшей судьбе обеих дивизий во Франции, разрешено организовывать комитеты, отправка на фронт отсрочена [15, с. 58 – 59].

Таким образом, толчком к отказу от участия в военных действиях стали неудачные итоги наступления на Западном фронте весной 1917 г. Антивоенные настроения бойцов Особой дивизии формировались под воздействием политической агитации (разрешенной Временным правительством); ухудшением снабжения воинских подразделений, госпиталей; пацифистских настроений во французской армии; неудачами на фронте. Важно заметить, что большинство солдат на данном этапе не выступало против ведения войны, главным требованием было скорейшее возвращение на Родину [2, с. 54].

Летом 1917 года 1-я и 3-я бригады перебазировались в лагерь под французским местечком Ля-Куртин. В это же время между бригадами назревает раскол, подогреваемый Временным правительством. Распускались слухи о том, будто бы 1-я бригада готовится к нападению на 3-ю бригаду. Провокаторы призывали солдат последней готовиться к самозащите. Генерал Занкевич отправляет А.Ф. Керенскому телеграмму следующего содержания: «Часть 1-й особой пехотной дивизии, стоящей в лагере Ля-Куртин, поддавшись агитации ленинцев, 22 июня с. г. отказалась приступить к занятиям, имевшим целью боевую подготовку дивизии, заявив через свои организации о нежелании сражаться на французском фронте, и требует немедленной отправки в Россию» [2, с. 57; 15, с. 62 – 63].

Призыв начальника дивизии подчиниться приказу Временного правительства не имел успеха. Солдаты, оставшиеся верными Временному правительству, категорически потребовали изолировать их от мятежников, на что получили полное согласие и 25 июня оставили лагерь. При этом генерал просит разрешения на «более решительные меры» и интересуется, останутся ли после этого русские войска во Франции. Вместе с 3-й бригадой ушли и все офицеры 1-й, но спокойствие длилось недолго. После пары дней ночёвок в поле солдаты заволновались и потребовали вернуть их обратно. Многие перебежали обратно и без всякого приказа. Только после решения Лохвицкого о переходе в лагерь Фельтен и долгих переговоров с французами ситуация разрешается в лучшую сторону [2, с. 57; 6, с. 124 – 127].

После этих событий в лагере Ля-Куртин остаются солдаты, унтер-офицеры, есть и фельдфебели, в большинстве своём

крестьяне или рабочие. Требования их тоже были просты и понятны: прекращение боевых действий, отвод войск в тыл и дальнейшая их репатриация на Родину. Анализируя телеграммы и доклады представителей Временного правительства во Франции, воспоминания участников событий, можно сделать вывод, что восставшие не имели определенной политической принадлежности. Тот же Лисовенко пишет, что Волков и сменивший его на должности председателя комитета бригады Глоба были беспартийными, а многие солдаты даже не представляли, кто такой Ленин. В то же время представители Временного правительства в своих телеграммах указывают на большевистскую пропаганду, аналогичные заметки встречаются в газете «Русский солдат – гражданин во Франции». Сам Лисовенко отмечает, что «ленинские идеи были близки каждому солдату». Однозначно определить партийную принадлежность бунтовщиков нельзя, близость идей мятежников и большевиков, конечно, не поддаётся оспариванию, но здесь есть несколько проблем. Во-первых, приверженцы Временного правительства связывали всякое неповиновение власти с большевистской пропагандой. Во-вторых, воспоминания солдат были изданы уже в советское время и, соответственно, идеологически доработаны, подчеркивалось, что солдаты были, несомненно, большевиками, ленинцами. Кроме этого, стоит отметить тот факт, что в приводимых воспоминаниях непосредственного участника тех событий, отмечается тот факт, что в лагере Ля-Куртин «... нас, солдат, начали информировать наши же офицеры, что якобы в России совершилась революция. Царь Николай II свергнут с престола, и сейчас у власти находится Временное правительство...» С учётом данных фактов и фактора оторванности от России есть основания утверждать о беспартийности большинства солдат РЭК. Не стоит забывать о том, что во Франции не издавались большевистские газеты, и как таковое влияние любой пропаганды было невысоко [4, с. 65; 6, с. 126–127; 13].

В лагере не происходит ничего интересного вплоть до 19 июля, когда в лагерь прибыл особо уполномоченный комиссар, первый полномочный представитель Временного правительства профессор Сергей Григорьевич Сватиков, которому Керенский поручил убедить мятежные войска воевать и дальше на стороне Франции, и его сопровож-

дающие – генералы Занкевич и Лохвицкий, комиссар Рапп. В ходе митинга солдаты не поддержали Сватикова, особенно после требования сложить оружие. Раздражённый профессор уехал из лагеря, так и не закончив митинг. В донесении А.Ф. Керенском он отмечал, что бригада внешне находится в полном порядке, который поддерживается рядовыми «вожаками». В заключении Сватиков писал: «Оставление наших войск во Франции, очевидно, весьма тягостно для французов; вывоз их в Россию весьма желателен». После отдельной беседы с представителями Временного правительства уходят в отставку Балтайс и Волков. Сообщив сослуживцам, что решение об отправке в Россию откладывается на неопределенный срок, председатель и секретарь объяснили свою позицию нежеланием продолжать бессмысленное противостояние. Ещё одна попытка уговора мятежников принимается в середине августа, но снова безуспешно: делегация из офицеров 2-й Особой Артиллерийской бригады согласилась с требованиями солдат, считая их вполне законными. Но после этого оргвыводы были сделаны, и вторая делегация была более подготовлена идеологически, но напрасно – мятежники не хотели сложить оружие. Не имея возможности силовыми методами подавить восстание, генерал Занкевич принимает решение сократить питание бунтовщиков, урезав им паёк в два раза (вместо 750 г. хлеба – 350 г., 150 г. мяса – 75 г. и т.д.). Но это не привело к желаемому результату, в лагере находился достаточный запас продовольствия. Занкевич получает разрешение французского командования и Временного правительства на подавление восстания. Общим командующим русскими войсками, в состав которых входили части 2-й Особой Артиллерийской бригады (одна батарея и батальон пехоты) был назначен генерал Беляев, а французскими – генерал Комби. Для мятежников последовало сокращение продовольственного пайка ещё в 2 раза. Стоит отметить, что в газете указывалось, что для людей, покидающих лагерь, создавались специальные команды, в которых устанавливалась строгая дисциплина, им читали лекции о воинской демократии, пайки всем независимо от звания выдавали по нормам рядовых солдат [6, с.129 – 130; 13].

Делегации ещё отправляются в лагерь, пытаясь уговорить солдат, из лагеря Курно в Ля-Куртин 3 сентября 1917 года, но также

безуспешно. После ещё одна делегация от 1-й Особой Пехотной бригады идёт в лагерь, но точно с таким же результатом. 15 сентября Рапп предпринял встречу с лидерами восставших, но компромисса достигнуть не удалось – комиссар всё так же выдвигал только ультиматумы. После этого попыток мирного урегулирования конфликта больше не предпринималось, если не считать миссии аббата Лариона. Одновременно подготавливался план «Б», предполагавший в случае неудачи мирных переговоров решение конфликта силовым способом. Но французское правительство настаивало на мирном исходе событий, опасаясь всплеска недовольства среди соотечественников [11, с. 64 – 65; 14, с. 374 – 375].

Необходимо заметить, что жители окрестностей лагеря не жаловались на поведение бунтовщиков, напротив, солдаты на первых порах помогали крестьянам обрабатывать землю, были частыми покупателями в местных лавках. Жители города позднее свидетельствовали, что глава полицейского департамента намеренно вводил в заблуждение французские власти и представителей Временного правительства, желая скорейшей отправки в Россию восставших. В газете «Русский солдат – гражданин во Франции», несмотря на частные заметки с призывами к восставшим сдаться и продолжить воевать на стороне Антанты, нельзя найти ни одной жалобы на разнузданное поведение солдат в Ля-Куртин [13].

Итак, еще в июне 1917 г. стало очевидно, что Временное правительство не заинтересовано в отправке солдат в Россию, французское руководство, в свою очередь, тяготилось подобными соседями в центре страны. Блокированные в лагере Ля-Куртин, военные пребывали в состоянии растерянности и неопределенности, с августа 1917 г. доставка в лагерь любой корреспонденции была запрещена. Можно утверждать, что солдаты действительно оказались забытыми на чужой земле, скорейшего возвращения на Родину не ожидалось, так как Временное правительство настаивало на отправке военных на Салоникский фронт. Но в сентябре 1917 г. оно изменило свое решение [13].

К началу сентября полным ходом шла подготовка к силовому решению конфликта и усмирению бунтующих солдат. 5 сентября полковник Бобриков был принят французским президентом Пуанкаре. Речь как раз зашла о лагере Ля-Куртин. Полковник про-

сил войск для подавления мятежа. Французы выделили в распоряжение Бобрикова необходимые части и в свою очередь тоже предупредили его, что оружие может быть применено лишь в случае неуспешных действий русских войск. Но 9 сентября генералу Занкевичу пришла телеграмма следующего содержания: «Военный министр приказал вывезти войска из Франции в Россию. Благоволите войти в сношение с Французским Правительством относительно тоннажа для их перевозки. О последующем благоволите телеграфировать. За Нач. Гл. Штаба Потапов. 36877». Приказ был доведён до солдат, но, как отмечает Гумилёв, «разложение зашло слишком далеко», солдаты продолжали бунтовать. Ультиматум был продлён до 16 сентября 1917 года. Как считает Н. Гумилёв, на тот момент- секретарь при комиссаре Раппе, мятежники посчитали это слабостью Временного правительства; с другой стороны, Малиновский Р.Я. пишет, что и они (мятежники) готовились к обороне. Точно известно только то, что по другую сторону баррикад усиленно готовились к усмирению бунта [6, с. 178 – 185; 8, с. 309 – 311; 14, с. 424 – 427].

14 сентября полностью прекращается поставка продуктов в лагерь. Со стороны проправительственных участников данных событий отмечается, что у солдат были большие запасы продовольствия и фуража; со стороны участников мятежа и сочувствующих им речь идёт о том, что солдаты голодали [8, с. 310; 14, с. 427].

15 сентября Рапп встречался с лидерами восставших, но компромисс не был достигнут. 16 сентября было принято решение о силовом подавлении мятежа. Для подавления мятежа в общем счёте собрали 2500 солдат при 32 пулемётах и 6 орудиях [14, с. 427 – 428].

В 10 часов первый выстрел пушки извещает о начале подавления мятежа. В ответ на выстрел мятежники начали петь Марсельезу и похоронный марш Шопена. Следующий выстрел прозвучал только в 14 часов, дальше «обстрел» продолжался с интервалом в 1 час. К концу дня сдалось только около 200 человек. Информация подтверждается и Николаем Гумилёвым в отчёте о подавлении мятежа, только немного отличается число сдавшихся: «...был открыт по лагерю редкий артиллерийский огонь, всего 18 снарядов, и мятежники были оповещены, что на следующий день огонь станет интенсивным ввиду

того, что в ночь с 16-е на 17-е сентября сдалось только 160 человек...». К 17-му сентября обстрел усилился, и в 11.30 мятежники выкинули два белых флага и начали сдаваться. К вечеру число вышедших оказалось около 8000 человек. Оставшиеся человек 100-150 вели интенсивный пулемётный огонь. В воспоминаниях Малиновский пишет, что была рукопашная схватка у здания офицерского собрания, и ещё одна схватка после выхода из лагеря, около леса. Лисовенко указывает, что мятежники атаквали войска, подконтрольные Временному правительству. 18-го сентября был открыт интенсивный огонь по лагерю с целью полного подавления восстания. Окончательно зачистить мятежный лагерь удалось только 19 сентября к 9 часам утра (Малиновский Р.Я. указывает в своей книге, что к полудню 20 сентября). Всего сдалось 8515 человек [6, с. 191 – 218; 8, с. 319 – 328; 11, с. 65 – 68; 14, с. 436 – 437].

Стоит отметить тот факт, что все участники событий сходятся в общей хронологии, но подробности, описание событий сильно разнятся, как и данные о потерях.

Исходя из отчёта Николая Гумилёва, потери проправительственных войск: 1 убитый, 5 раненых. Мятежников: 8 убитых, 44 раненых. Среди французских войск были лишь две случайные жертвы – 1 убитый, 1 раненый. Лисовенко Д.У. пишет о тысячах убитых солдат. Малиновский Р.Я. в своей книге указывает на количество убитых не менее 200 человек, а раненых – не менее 400. К сожалению, как отмечается в воспоминаниях участников событий, последующих исследованиях, доподлинно неизвестно настоящее количество убитых в этой «репетиции Гражданской войны». Временное правительство старалось занижить количество убитых, в советское время наоборот - количество погибших восставших завышалось. Точное количество жертв неизвестно до сих пор [6, с. 226 – 232; 8, с. 330; 14, с. 437].

Восстание было подавлено. Председатель солдатского комитета Глоба арестован на дороге, ведущей в Сен-Сетье. Он не оказал сопротивления и был препровождён под надёжной охраной в лагерь Ля-Куртин [10, с. 67].

После Октябрьской революции Французское правительство решает разделить русских солдат на три категории: 1) на бойцов добровольческих батальонов, полностью подчиненных французской дисциплине, для

отправки на французский фронт; 2) на военных рабочих для использования внутри страны и в зоне военных действий, но вне неприятельского обстрела; 3) на тех, кто не захотел войти ни в одну из этих категорий, т.е. «неблагонадежных», которых предполагалось отправить в Северную Африку на принудительные работы «как опасный для общественного спокойствия элемент». Из солдат первой категории был сформирован «Русский легион», из второй категории формировались роты по 500 человек, третья категория отправлялась на каторжные работы в Алжир. [10, с. 67 – 68].

В январе 1918 года советское правительство просило о репатриации войск на трёх русских кораблях, находившихся в Средиземном море. Первые репатрианты прибыли 20 апреля 1918 года в порт Мурманск; это были солдаты «реформированные» и инвалиды, т.е. фактически гражданские лица. Полноценный обмен не состоялся в связи с отказом Антанты от разоружения Чехословацкого корпуса, на который должны были обменять русских солдат [10, с. 68 – 69].

Окончательный договор о репатриации был подписан 20 апреля 1920 года. В обмен на 900 граждан Франции России передавались 22 тысячи солдат Экспедиционного Корпуса. Спорным остаётся вопрос о количестве репатриированных; как отмечают исследователи, большая часть солдат РЭК вернулась на Родину к 1925 году [10, с. 69].

События сентября 1917 г. во французском городе Ля-Куртин, предшествовавший им период неподчинения русских солдат генералитету показали всю политическую недееспособность Временного правительства, откладывавшего решение всех важных проблем до созыва Учредительного собрания.

Итак, нам удалось выяснить, что события февраля 1917 г. были встречены частями Русского экспедиционного корпуса весьма сдержанно. На основе изученных мемуаров, материалов делопроизводства были выделены следующие причины роста антивоенных настроений русских солдат: ухудшение снабжения, политическая агитация, влияние пацифистских настроений французских военных, большие людские потери в результате провального наступления Р. Нивеля.

В ходе исследования было установлено, что акты противозаконного поведения воинов лагеря Ля-Куртин часто преувеличивались французским руководством. Предста-

вители Временного правительства, не получая внятных указаний из Петрограда, пытались привести бойцов к повинению для последующей отправки на фронт путем переговоров и сокращения продовольствия. Стоит отметить, бойцов восставшей 1-й бригады по политическим взглядам нельзя отнести к сторонникам РСДРП (б), несмотря на заявления Временного правительства и последующие упоминания в литературе периода СССР. Вопрос о партийной принадлежности представителей офицерского состава корпуса остаётся открытым, но здесь необходимо отметить тот факт, что представители офицерства не участвовали в восстании в лагере Ля-Куртин, что говорит не в пользу версии о «большевистском следе».

В историографии можно встретить утверждение, что Временное правительство до последнего стремилось решить конфликт мирным путем, но поведение солдат лагеря Ля-Куртин вынудило генералов-представителей новой власти решить проблему силовыми методами. При сопоставлении источников было выяснено, что представители Временного правительства разрабатывали план вооруженного подавления восстания и лишь ожидали поддержки со стороны французского руководства и лояльных новой власти частей РЭК.

При изучении мемуаров участников событий, донесений командования было выяснено, что Временное правительство по понятным причинам занижало число погибших в результате подавления восстания. Вопрос о количестве погибших остается открытым и в настоящий момент.

Список литературы:

1. Ассоциация Русского Экспедиционного Корпуса во Франции. URL: <http://www.ascerf.com/> (дата обращения: 27.09.2022).
2. Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. // Красный архив. – 1940. Т. 2 (99). – С. 52 – 71.
3. Данилов, Ю. Н. Русские отряды на французском и македонском фронтах, 1916–1918 гг. / Ю. Н. Данилов. – Париж, 1933. – 247 с.
4. Добычина, М., Иванов С. Русский экспедиционный корпус (по воспоминаниям калужанина Н.А. Зорина) / М. Добычина, С. Иванов // Калужское наследие. – 2020. – № 3 (11). – С. 64 – 67.
5. Зайончковский, А. М. Первая мировая война 1914–1918 / А.М. Зайончковский. – СПб.: Полигон, 2002. – 878 с.
6. Лисовенко, Д. У. Их хотели лишить Родины / Д. У. Лисовенко. – М.: Воениздат, 1960. – 300 с.
7. Лисовский, Ю. И. Лагерь Ля-Куртин: (Русская революция во Франции) / Ю. И. Лисовский // Архив русской революции. – 1926. – Т. XVII. – С. 256 – 279.
8. Малиновский, Р. Я. Солдаты России / Р. Я. Малиновский. – М.: Воениздат, 1969. — 452 с.
9. Павлов, А. Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой: русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах / А. Ю. Павлов. – М.: Вече; СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. – 213 с.
10. Попова, С. С. «Сердца наши изболелись по погибающей нашей Родине...» Трудное возвращение из Франции в Россию воинов Русского экспедиционного корпуса / С. С. Попова // Военно-исторический журнал. – 2003. – № 2. – С. 63 – 69.
11. Попова, С. С. Восстание в лагере Ля-Куртин: «Эти мужики... были намного честнее и корректнее, чем их преемники американцы» / С. С. Попова // Военно-исторический журнал. – 2001. – №4. – С. 63 – 69.
12. Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну (сообщил А. Ковалев) // Красный архив. – 1931. – Т. 1. – С. 152 – 161.
13. Русский солдат – гражданин во Франции: Центр. орган Отрядного ком. рус. войск во Франции (Париж). – 1917. – № 1 – 12.
14. Степанов, Е. Е. Поэт на войне. Николай Гумилев 1914–1918 гг. / Е. Е. Степанов. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. – 846 с.
15. Чиняков, М.К. Мятеж в Ля-Куртин / М.К. Чиняков // Вопросы истории. – 2004. – №3. – С. 57–73.
16. Чиняков, М.К. Русские войска в «бойне Нивеля». Апрель 1917 г. / М.К. Чиняков // Военно-исторический журнал. – 2006. – №4. – С. 59 – 64.
17. Cockfield, Jamie H. With snow on their boots: the tragic odyssey of the Russian Expeditionary Force in France during World War I / Jamie H. Cockfield. – Basingstoke, Hants; London: Macmillan, 1998. – XI, 396 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470) «1941/1949»

*И.В. Кометчиков***СПЛОШНОЕ РАЗМИНИРОВАНИЕ ОБЛАСТЕЙ ЗАПАДА РСФСР
В СЕРЕДИНЕ – КОНЦЕ 1940-Х ГГ.**

Статья посвящена героической и трагической странице истории западнорусской деревни – ее сплошному разминированию, происходившему на протяжении середины – второй половины 1940-х гг. Показана роль в организации и проведении сплошного разминирования центральных и местных партийных и советских органов, а также структур Осоавиахима СССР, эволюция подходов к решению этой актуальной для Запада РСФСР проблемы.

Ключевые слова: сплошное разминирование, Запад РСФСР, Досарм, районные команды Осоавиахима по разминированию и сбору трофеев

*I.V. Kometchikov***THE CONTINUOUS MINE CLEARANCE OF THE WESTERN REGIONS OF THE
RSFSR IN THE MID-LATE 1940S.**

The article is devoted to the heroic and tragic page of the history of the Western Russian village - its total clearance, which was carried out in the middle – second half of the 1940s. The role of central and local party and Soviet bodies and structures of the USSR government in the organization and carrying out of total clearance as well as the evolution of the approaches to the solution of this problem important for the Western RSFSR is shown.

Key words: solid mine clearance, West of the RSFSR, Dosarm, district teams of the Osoaviakhim for mine clearance and trophy collection

Битвы за Москву, Ржев, Курск, сражения меньшего масштаба Великой Отечественной войны оставили после себя на Западе РСФСР огромное количество мин, неразорвавшихся снарядов, оружия и военной техники. Их обезвреживание явилось условием налаживания мирной жизни. В литературе этот сюжет военной и послевоенной истории западнорусских областей зачастую освещается панегирически и идеологизированно [22, с. 59 – 88; 23, с. 61 – 63; 25, с. 323 – 324; 31, с. 68 – 69; 32, с. 200 – 207], что затрудняет понимание того, кто и как производил разминирование. Разобраться в этом позволяют рассекреченные документы центральной, региональной и районной партийной и советской власти, военных структур, Осоавиахима СССР из федеральных и региональных архивов.

Разминирование на Западе РСФСР началось в ходе освобождения от гитлеровской оккупации в конце 1941 г. – начале 1942 г., когда инженерно-саперные части Брянского, Центрального и Западного фронтов делали проходы в минных полях, разминировали населенные пункты, наиболее важные объекты транспортной инфраструктуры, обеспечивая, прежде всего, ведение боевых действий.

Сплошное разминирование, под которым понималась «очистка всей освобожденной от противника территории от мин, неразорвавшихся артиллерийских снарядов, авиабомб, минометных мин и других боеприпасов» [24, с. 3; 27, с. 2 – 3; 40, с. 23], считалась делом тыловых подразделений управлений оборонительного строительства РККА, внутренних войск НКВД, истребительных батальонов, формирований МПВО, пожарных команд, а также команд, сформированных из гражданского населения.

Еще до издания постановлений ГКО 1944 г., возлагавших ответственность за сплошное разминирование на организации Осоавиахима СССР, тыловые инженерно-саперные части очистили от взрывоопасных предметов значительные площади. В Московской области инженерными частями в 1942 – 1943 гг. было разминировано 3 928 км², снято и уничтожено 832,1 тыс. взрывоопасных предметов. В 1944 – 1945 гг. ими было проверено 1 302 км², обезврежено около 28 тыс. взрывоопасных предметов [16, л. 51 об.]. В Тульской области в 1943 – 1944 гг. инженерные части разминировали 1 770 минных полей на площади 20,5 км², проверили 4494 км², 539 населенных пунктов, 2234

погонных километра дорог, 24 моста [16, л. 129]. 27-м Управлением оборонительного строительства Резерва Главного Командования в октябре – ноябре 1943 г. на бывшем оборонительном рубеже Центрального фронта в Орловской области было снято около 300 тыс. мин и собраны боеприпасы, а в 1944 г. воинские части вели работы по сплошному разминированию, как минимум, в 22-х ее районах [9, л. 23; 10, л. 28]. В Калужской области в 1944 г. военные проверили и очистили 4 136 км² площади, 1 637 погонных километра дорог, 329 населенных пунктов, обезвредив 721,2 тыс. мин и снарядов [2, л. 18].

Уже в начале 1942 г. военное командование начало привлекать к разминированию, сбору боеприпасов и оружия гражданское население, что определялось высокой актуальностью задачи разминирования и скудостью кадровых и материальных ресурсов, которыми могли располагать власти для ее решения. Так, в Смоленской области (куда до 5 июля 1944 г. входила часть районов нынешней Калужской области) было подготовлено 996 разминеров (так называли минеров-общественников), в Орловской – 237 [8, л. 297; 10, л. 19]. В Тульской области курсы минеров организовывались трижды, так в 1943 г. подготовку прошли 24 чел. [21, л. 71, 72]. Исключение составляла, пожалуй, лишь Московская область, где только с марта по июнь 1942 г. 4 337 разминеров обезвредили около 190 тыс. мин [42, л. 8]. Значительное число населения участвовало в различных вспомогательных работах – ограждении заминированных участков, в их охране, транспортировке собранных боеприпасов и т. д.

Массовое привлечение гражданского населения к сплошному разминированию в западнорусских областях было организовано в 1944 г. Постановлениями ГКО № 5215 от 19 февраля и № 6564 от 19 сентября 1944 г. эта задача возлагалась на организации Осоавиахима СССР. Согласно им инструкторов и бойцов-минеров следовало готовить в добровольном порядке из преимущественно членов Осоавиахима не моложе 15 лет, способных выполнить эту работу, без отрыва от производства. Работу по разминированию следовало вести на общественных началах, но разминерам полагался продовольственный паек по норме промышленных рабочих [37, л. 39, 43; 38, л. 65]. Зная о кадровой, организационной и материально-технической слабости структур Осоавиахима, обкомы

ВКП(б) и облисполкомы обязывали РК ВКП(б), областные и районные военкоматы оказывать им содействие, запуская повинностный механизм комплектования и организации работы команд разминеров. Так, в Орловской области к началу апреля 1944 г. команды разминеров формировали два ведомства: облвоенкомат и облсовет Осоавиахима. Так как райвоенкомы располагали гораздо большими возможностями по подбору подходящих для этой работы контингентов, им удалось сформировать команды в 49 районах численностью 1 245 чел. Райсоветы Осоавиахима создали команды в 23 районах в составе 582 чел. [10, л. 98] В Калужской области во второй половине 1944 г. в 14-ти районах работало 475 разминеров-осоавиахимовцев [2, л. 18], в Московской – 2 276 [43, л. 35], в Тульской их было подготовлено 228 [16, л. 131]. Зачастую райвоенкоматы мобилизовали для работ по разминированию допризывников до направления их в Красную армию, хотя согласно постановлениям ГКО 1944 г. участие в разминировании носило добровольный характер. В Орловской области формирование строительных батальонов из призванных, но еще не отправленных в РККА людей стало практиковаться в начале 1942 г. по инициативе секретаря обкома ВКП(б) В.И. Бойцова [35, л. 36]. Несмотря на возложение ответственности за сплошное разминирование на Осоавиахим, ведущую роль в этом деле по-прежнему играли военные. На инженерные части постановлением ГКО № 6564 от 19 сентября 1944 г. возлагалось разминирование бывших рубежей обороны (своей и противника), отличавшейся высокой плотностью и сложностью минных полей.

Каков же был вклад военных саперов и минеров из числа гражданского населения в дело разминирования Запада РСФСР? Документация областных Советов Осоавиахима и воинских частей показывает, что инженерными частями армии была проделана самая объемная и сложная работа по разминированию, прежде всего, бывших рубежей обороны. Минеры Осоавиахима в основном сосредоточились на очистке минных полей невысокой плотности, сборе на местности взрывоопасных предметов. Так, по данным Калужского облсовета Осоавиахима, из общего числа 4,63 млн снятых и уничтоженных в 1944 – 1946 гг. взрывоопасных единиц, на счету команд Осоавиахима было 1,43 млн, из

13,6 тыс. км² разминированной, проверенной и очищенной площади – 6,2 тыс. км². Причем из 2,37 млн мин осовавиахимовцы сняли и уничтожили 0,58 млн [17, л. 105]. В Орловской области, судя по отчету облсовета Осовавиахима о разминировании в 1944–1946 гг., из 2,7 млн обнаруженных взрывоопасных предметов военные саперы уничтожили 0,7 млн, очистив 101 км², в то время как команды Осовавиахима – 2 млн и 38 км² соответственно [18, л. 57]. При этом согласно отчетности Окружного инженерного управления МВО о ходе разминирования на Орловщине в 1946 г., направлявшейся в ЦК ВКП(б), военные саперы существенно превосходили по объемам выполненных работ команды Осовавиахима [36, л. 154, 162 – 163, 174, 197, 205, 212, 221 – 222, 228 – 229].

Работа по разминированию велась преимущественно вручную, часто при помощи щупа, представлявшего собой заостренный металлический стержень на длинном древке, которым разминер под углом прокалывал почву. Согласно инструкциям, один укол следовало делать на расстоянии не менее 10 см от другого, то есть на одну сотую гектара должна была приходиться тысяча уколов. Щуп проникал в почву на 10 – 20 см, что во многих случаях было недостаточно для обнаружения взрывоопасных предметов. После обнаружения щупом какого-либо препятствия минер окапывал его, убеждаясь в его безопасности. Если обнаруживалась мина, то ее следовало из укрытия сдернуть с места кошкой – стальным якорем на длинной веревке. Распространенным способом обнаружения боеприпасов на местности было выжигание травы и кустарника.

Имевшиеся в инженерно-саперных частях и командах Осовавиахима миноискатели (например, модели ВИМ-203) были технически несовершенны, их невозможно было использовать в сырую погоду, при высокой растительности, они обнаруживали взрывоопасные предметы на глубине не более 20 см. Кроме того, их не хватало. Технически сложные средства разминирования использовались слабо. Так, танки-тралщики прибыли в Калужскую область к осени 1946 г., когда запланированные работы были уже практически выполнены [16, л. 160].

Массовое привлечение к работам по разминированию гражданского населения, часто не обладавшего достаточной квалификацией, длительность сроков установки мин,

отсутствие во многих случаях необходимости скрытного ведения работ обусловили эволюцию методики разминирования. В 1942 – 1943 гг., когда разминирование часто велось в боевых условиях, преобладающим способом разминирования считалось снятие большинства мин для повторного использования. Большинство из распространенных на Западе РСФСР отечественных мин типа ПМД, ПОМЗ-2, ЯМ-5, ТМ-35, ТМБ-2, ТМ-41 рекомендовалось снимать путем удаления взрывателя при отсутствии внешних повреждений [24, с. 19; 27, с. 10 – 13; 30, с. 165 – 168; 39, с. 57, 61, 64 – 65, 94, 95, 100, 109]. Так же следовало поступать с немецкими минами типа SMi-35, TМи-35, TМиZ-42, ПТМ в деревянных корпусах (Holzmine-42 или V.V.Mi-1), минами типа ПОМЗ-2 [1, с. 23 – 26; 24, с. 19; 26, с. 74 – 85; 27, с. 10 – 13; 28, с. 34 – 36, 55 – 67, 71 – 75, 98 – 102, 121 – 122; 29, с. 5 – 9, 13 – 17; 34, с. 176 – 181]. На месте подрывались поврежденные мины, представляющие опасность при обезвреживании, минные поля из мин типа ПМД-6, неразорвавшиеся авиабомбы, снаряды, минометные мины, гранаты и т. д. С весны 1944 г. подрывать на месте рекомендовалось все обнаруженные мины [13, л. 33; 14, л. 24, 47; 33, с. 78 – 85; 40, с. 12, 13, 18, 36 – 37]. Однако воинские части и команды Осовавиахима начали так поступать лишь в конце 1944 – начале 1945 гг.

1944 – 1946 гг. стали наиболее интенсивным периодом работ по разминированию, когда, по далеко не полным данным, в Калужской, Московской, Орловской и Тульской областях было обезврежено около 7,3 млн взрывоопасных предметов, а в 1942 – 1950 гг. – около 8,5 млн [подсчитано по: 3, л. 106 об., 107 об.; 7, л. 7, 8, 96а; 9, л. 23; 12, л. 32; 17, л. 26, 28; 18, л. 47, 50, 51, 54; 19, л. 68, 70; 20, л. 44; 43, л. 105]. Основное внимание уделялось очистке пашни, лугов, выпасов и т. д., так как от этого зависело выполнение планов поставки сельскохозяйственных продуктов государству колхозами и совхозами.

Результаты работ были утверждены в конце 1946 г. актами об окончательном разминировании областей. Однако к маю 1948 г. в Калужской области не обрабатывалось из-за засоренности взрывоопасными предметами 1 170 км² в 12-ти районах [4, л. 9]. В Орловской области в 1949 г. планировалось разминировать 143 км², в 1950 г. – 164 км² [11, л. 12; 15, л. 6].

Важной причиной того, что власти были вынуждены вновь вернуться в конце 1940-х гг. к проблеме разминирования, стал подход к ее решению, когда критерием завершенности разминирования была не полная очистка территории, а прекращение подрывов населения, скота и сельхозтехники. По мере введения в сельскохозяйственный оборот ранее не проверявшихся площадей подрывы возобновлялись, поэтому по согласованию с региональными партийными и советскими органами командование инженерных частей Московского и Воронежского военных округов сосредоточило внимание на выявлении пропущенных ранее минных полей, отдельных мин и боеприпасов, обезвреживании мин и фугасов глубокой установки, очистки труднодоступных участков сельхозугодий, лесов, полос отвода автомобильных и железных дорог и т. д.

Основная тяжесть работ вновь легла на военно-инженерные части. Так, в сентябре 1949 г. на разминировании территории Калужской области было задействовано 408 военных саперов и помогавших им 108 минеров Досарма. В 1949 – 1950 гг. в Орловской области работало 1 012 военных саперов, а минеров Досарма – 785 [11, л. 12; 12, л. 32]. К тому же после разделения Осоавиахи-

ма на несколько оборонно-спортивных организаций ответственность за организацию работ по окончательному разминированию была возложена на командующих войсками военных округов. Постановлениями СМ СССР № 13573-рс от 28 августа 1949 г., СМ СССР № 2834-1130сс от 29 июня 1950 г. и СМ РСФСР № 810-60сс от 10 июля 1950 г. им давалось право привлекать к работам по разминированию обученных саперов-добровольцев Досарма в составе воинских команд и под руководством офицеров инженерных частей. Самостоятельная работа минеров-добровольцев запрещалась, их труд стал оплачиваться [5, л. 204, 205; 6, л. 188, 189]. Ведение работ подразделениями, укомплектованными опытными кадрами и специализированным оборудованием, почти исключило потери.

Постановления 1949 – 1950 гг. сформировали основу реализуемого в последующем механизма разминирования по заявкам органов власти и хозяйственных организаций преимущественно силами и средствами специализированных структур за плату, что говорило об уходе в прошлое чрезвычайных методов решения проблемы разминирования, замены внеэкономических форм привлечения к этой работе экономическими.

Список литературы:

1. Вайнштейн, Ш.А. Конструкция немецких взрывных заграждений и обезвреживание их / Ш.А. Вайнштейн. – Изд. N-ского соединения войск НКВД, 1943. – 26 с.
2. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее – ГАДНИКО). Ф. П-55. Оп. 5. Д. 53.
3. ГАДНИКО. Ф. П-7713. Оп. 2. Д. 54,
4. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. Р-883. Оп. 19. Л. 89.
5. ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 92.
6. ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 113.
7. ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 154.
8. Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1484.
9. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. П-52. Оп. 2. Д. 518.
10. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 932.
11. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 164.
12. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 173.
13. ГАОО. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 19.
14. ГАОО. Ф. Р-1691. Оп. 3. Д. 10.
15. ГАОО. Ф. Р-3538. Оп. 1. Д. 40.
16. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 196.
17. ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 231.
18. ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 233.
19. ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 303.
20. ГАРФ. Ф. Р-9545. Оп. 2. Д. 72.
21. Государственный архив Тульской области. Ф. П-177. Оп. 9. Д. 112.

22. Гусев, А.В. Разминирование территорий и объектов пиротехническими подразделениями МПВО и группами Осоавиахима в годы войны (1941–1945 гг.) / А.В. Гусев / науч. ред. Е.Ю. Волкова. – Кострома: КГТУ, 2012. – 123 с.
23. Гущина, Н.В., Дроздов, В.Н. 90 лет на службе Отечеству. История Калужской оборонной организации / Н.В. Гущина, В.Н., Дроздов / гл. ред. А.Б. Капустин. – Калуга: Акватинта, 2017. – 192 с., ил.
24. Инструкция по сплошному разминированию местности (для инженерных частей и отрядов разграждения управлений оборонительного строительства) – М.: Воениздат НКО СССР, 1944. – 44 с.
25. Когда бушуют грозы. Калужская область в Великой Отечественной войне / под общ. ред. А.Ф. Сладкова. – Тула: Приокское книжное издательство, 1970. – 344 с.
26. Краткие указания по минированию, разведке и разминированию. – М.: Воениздат НКО СССР, 1942. – 112 с.
27. Краткие указания по организации работ инженерной части при сплошном разминировании местности (из опыта работы инженерных частей) – М.: Воениздат НКО СССР, 1943. – 16 с.
28. Минно-подрывные средства противника. – М.: Воениздат НКО СССР, 1943. – 152 с.
29. Минно-подрывные средства противника. Дополнение первое. – М.: Воениздат НКО СССР, 1944. – 36 с.
30. Наставление по инженерному делу для пехоты (Инж. П-43). Проект. – М.: Воениздат НКО СССР, 1943. – 248 с.
31. Писаренко, И.С. Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны / И.С. Писаренко. – Калуга: ЦНТИ, 1998. – 118 с.
32. Польшинкин, А. Покровский край в годы Великой Отечественной войны / А. Польшинкин. – Орел: ПФ «Картуш», 2015. – 268 с.
33. Рабинович, Я.М. Сплошное разминирование (для инструкторского состава районных команд Осоавиахима по разминированию и сбору трофеев) / Я.М. Рабинович. – М.: редиздат ЦС Союза Осоавиахим СССР, 1947. – 120 с.
34. Радевич, П.Г., Волков, И.В. Подрывная техника и минирование / П.Г. Радевич, И.В. Волков. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Воениздат НКО СССР, 1944. – 196 с.
35. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 20.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1105.
37. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 287.
38. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 384.
39. Руководство по средствам минирования и разминирования. – М.: Воениздат НКО СССР, 1943. – 256 с.
40. Сборник статей по сплошному разминированию / под ред. полк. И.И. Савицкого. – М., редиздат ЦС Союза Осоавиахим СССР, 1946. – 92 с.
41. Семенов, Г.И., Радевич, Л.Г. Как уберечься от подрыва на минах (памятка для населения районов, освобожденных от немецких захватчиков) / Г.И. Семенов, Л.Г. Радевич. – М.: Воениздат НКО СССР, 1944. – 24 с.
42. Центральный государственный архив Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. П-3. Оп. 52. Д. 133.
43. ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 54. Д. 9.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 908

В.В. Панасюк

**ГРУППОВОЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО
В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКИХ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
1907 – 1914 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В статье предпринята попытка проанализировать групповое землеустройство в период столыпинской аграрной реформы начала XX в. на примере Калужской губернии. Основное внимание автора обращено на законодательную базу, деятельность землеустроительных комиссий, динамику и ход землеустроительных работ. Установлено, что площадь групповых землеустроительных работ значительно превышала одиночные, что было обусловлено объективными причинами. Среди групповых землеустроительных работ первое место занимал раздел однопланых селений. Материалы настоящего исследования могут быть использованы при написании учебных пособий, для проведения лекционных и практических занятий.

Ключевые слова: групповое землеустройство, землемеры, Калужская губерния, однопланность селений, уездная землеустроительная комиссия.

V.V. Panasyuk

**GROUP LAND MANAGEMENT
DURING THE STOLYPIN AGRARIAN TRANSFORMATIONS
OF 1907 – 1914 (BASED ON THE MATERIALS OF THE KALUGA PROVINCE)**

The article attempts to analyze group land management during the Stolypin agrarian reform of the early XX century on the example of Kaluga province. The author's main attention is paid to the legislative framework, the activities of land management commissions, the dynamics and progress of land management works. It was found that the area of group land management works significantly exceeded individual ones, which was due to objective reasons. Among the group land management works, the first place was occupied by the section of single-plan villages. The materials of this study can be used when writing textbooks, for conducting lectures and practical classes.

Key words: group land management, surveyors, Kaluga province, single-plan settlements, county land management commission.

Аграрные преобразования П.А. Столыпина начала XX в. имеют большую историографическую традицию, привлекая пристальное научное внимание целый ряд поколений ученых. Исследователями разработаны и проанализированы широкий круг разных аспектов и сторон данной проблематики, установлены причинно-следственные связи и особенности реформирования как в масштабах страны в целом, так и в отдельных ее регионах. Между тем некоторые вопросы, как например, роль группового землеустройства в период столыпинской аграрной реформы в Калужской губернии до настоящего времени не получил должного освещения в историко-научной литературе. Такая постановка вопроса определяет актуальность выбранной темы исследования.

Цель данной статьи – определить значение групповых землеустроительных работ в период столыпинских аграрных преобразо-

ваний на примере Калужской губернии. К основным источникам настоящего исследования относятся, во-первых, законодательные и нормативные акты, во-вторых, материалы делопроизводственной документации, выявленные в Государственном архиве Калужской области, в-третьих, материалы периодической печати, в-четвертых, справочные и статистические издания. Среди последних выделим отчетные данные Главного Управления землеустройства и земледелия (далее – ГУЗиЗ). Эти публикации представляют особый научный интерес, поскольку именно перед этим ведомством стояла масштабная задача по контролю за ходом всех землеустроительных работ в России.

Для начала следует определиться с терминологией, используемой в настоящем исследовании. Под групповым землеустройством подразумеваются определенные действия, направленные на улучшение порядка в

землепользовании домохозяев и ликвидацию его юридической неопределенности вне зависимости от того, выходили крестьяне затем из общины или нет. Иными словами, групповое землеустройство осуществлялось в условиях сохранения общинных земельных порядков, в то время как единоличное землеустройство предполагало выход домохозяев на индивидуальные участки – на хутора и отруба.

Для проведения столыпинской аграрной реформы согласно указу Николая II от 4 марта 1906 г. в России создавались губернские и уездные землеустроительные комиссии. Документ определял, что учреждаемые комиссии находились в ведомственном подчинении Комитета по землеустроительным делам ГУЗиЗ. Процесс формирования землеустроительных комиссий в Калужской губернии занял несколько лет – с 1907 по 1911 гг., охватив все 11 уездов региона. Например, в 1907 г. ведомственные учреждения были открыты в Калужском, Козельском, Мосальском и Перемышльском уездах, в 1908 г. – в Жиздринском и Мещовском уездах, в 1909 г. – в Малоярославецком, Медынском и Лихвинском уездах, в 1911 г. – в Боровском и Тарусском уездах. В роли общего координатора землеустроительных работ в регионе выступала губернская комиссия, открытая в 1908 г. [13, с. 34] К числу важнейших задач землеустроительных комиссий относились содействие сельским обществам в улучшении условий землевладения и порядков землепользования, а также посредничество между крестьянами и частными владельцами при разверстании чересполосных угодий, общих владений и т.д. [16, с. 114] Для выполнения поставленных задач были предусмотрены различные виды групповых землеустроительных работ: во-первых, раздел земель между селениями (однопланые селения), во-вторых, выдел земель под выселки, в-третьих, разбивка общинных земель в целях перехода к многопольному хозяйству и, в-четвертых, разверстание чересполосности надельных земель с прилегающими владениями. Перечень этих работ содержался в «Наказе землеустроительным комиссиям» от 19 сентября 1906 г., в котором детально разъяснялся порядок их проведения [16, с. 80]. Документ получил высокую оценку в официальной печати. Так, в газете «Сельский вестник» от 3 октября 1906 г. в статье «Землеустроительные комиссии» прямо указыва-

лось, что «Наказ...» «глубоко затрагивает самую крестьянскую жизнь и сколько пользы не на словах только, а действительно на деле должно получить теперь крестьянство» [9, с. 1].

Исследование показало, что часть домохозяев заявили о намерении проведения групповых землеустроительных работ уже в первые месяцы деятельности ведомственных комиссий ГУЗиЗ. Так, в 1907 г. в Мосальскую уездную землеустроительную комиссию поступили заявления от двух сельских обществ в составе 88 домохозяев о необходимости организации работ по разделу земель между селениями, а в Перемышльском уезде аналогичные ходатайства поступили от пяти сельских обществ, насчитывавших 152 домохозяев. К этому же времени относится исполнение землемерами этих полевых работ на общей площади 3102 дес. [4, л. 249об.] Другой вид групповых землеустроительных работ – разверстание чересполосности надельных земель с прилегающими владениями – производились в 1907 г. в Мещовском уезде. Заявления в этой местности поступили от 22 сельских обществ в составе 1341 домохозяев, а землемерные работы были произведены для двух сельских обществ, насчитывавших 53 крестьянских двора на общей площади 936 дес. [5, л. 286]. В последующие годы были зафиксированы ходатайства домохозяев о проведении других видов групповых землеустроительных работ. Например, в 1908 г. 10 сельских обществ Калужской губернии заявили о намерении выдела земель под выселки, из них 3 ходатайства были исполнены в натуре на общей площади 1694 дес. (Мосальский уезд) [17, с. 83]. В 1910 г. 29 сельских обществ региона выступили с ходатайствами по разбивке общинных земель в целях перехода к многопольному хозяйству и только в двух случаях землемерные проекты были приведены в исполнение [18, с. 22].

Анализ данных свидетельствует, что в исследуемый период времени количество землемеров в Калужской губернии постоянно увеличивалось. Так, если в 1908 г. на службе ведомственных комиссий ГУЗиЗ состояло 15 чел., то в 1909 и 1910 гг. их число увеличилось более чем в два раза и составило 31 и 70 чел. соответственно, а накануне Первой мировой войны в 1913 г. – их количество достигло 90 чел. Такая тенденция вполне согласуется с динамикой роста площади проведения групповых землеустроительных работ в

регионе. К примеру, в 1908 г. этот показатель составил 13512 дес., в 1910 г. – 48041 дес., а в 1912 г. он достиг рекордной отметки в 156923 дес. [13, с. 34]. Последнее можно объяснить тем обстоятельством, что полевые землемерные работы в 1912 г. осуществлялись на основе нового закона – «Положения о землеустройстве» от 29 мая 1911 г., введенного в действие уже после окончания полевых работ в 1911 г. Принятый документ изменил состав групповых землеустроительных работ, в частности, были отменены работы по переделу общинных земель в целях перехода к многопольному хозяйству как мало востребованные со стороны домохозяев. Уточнены некоторые виды работ, в частности, к выделу земель под выселки добавились работы по выделу земель частям селений. Введены также новые виды работ – дача разверстания, отграничение подлежащих землеустройству земель от смежных владений. Кроме того, расширилась компетенция членов комиссий, четко был определен круг земель (надельные, купчие, частновладельческие), на которые распространялись новые нормы закона [8]. С целью информирования крестьянского населения об основных идеях нового землеустроительного закона в июне 1911 г. на страницах официальной газеты «Сельский вестник» были опубликованы подробные комментарии нормативного акта. Отметим, что охват читательской аудитории печатного органа был очень большой, поскольку его подписчиками являлись волостные правления всей страны [1, 14, 15]. Для непосредственного применения на практике «Положения о землеустройстве» властями был разработан новый «Наказ землеустроительным комиссиям» от 19 июня 1911 г., который, в частности, изменил форму официальной отчетности групповых землеустроительных работ [8].

Для характеристики общих результатов групповых землеустроительных работ в Калужской губернии приведем данные за 1912 г. Так, землемерными чинами были осуществлены масштабные работы по разделу 32 однопланых селений, выделу земли выселкам и частям селений в 4 сельских обществах, уничтожению чересполосности в 31 селениях, разделу угодий общего пользования между 64 селениями и 3 другими владельцами, произведено отграничение земель от смежных владений для 19 селений [19, с. 28]. В частности, 12 августа 1913 г. Калуж-

ская уездная землеустроительная комиссия, рассматривая дело о разделе однопланых селений, постановила отвести надельную землю в отдельное владение селению Бегичево-Копьево в составе 12 домохозяев на общей площади 196 дес. 5 декабря этого же года местная землеустроительная комиссия приняла постановление об отграничении надельной земли сельского общества Копытцево в составе 27 домохозяев на общей площади 158 дес. от смежных владельцев. В обоих случаях земля отводилась сельским обществам в одном куске на общинном праве [3, л. 33-33об, 89-89об.].

Другой вид групповых землеустроительных работ – дача разверстания – впервые проводились в 1913 г. Так, в Калужском уезде на площади 420 дес. развернулись работы по разверстанию Тихоновской дачи, земли которой принадлежали 15 деревням Тихоновской и Слядневской волостей, монастырю Тихоновой пустыни и церкви с. Тихоновой Слободы. К началу землеустроительных работ в Тихоновской даче сложилась крайне неудобная и сложная система земельных отношений, что вызывало постоянные конфликты и споры не только между сельскими обществами, но и между крестьянами и частными владельцами. Тем временем благодаря ответственной работе землемера Бритвинга и согласованной позиции десятков домохозяев, удалось образовать участки земли в одном месте, ликвидировав надельную и вненадельную чересполосицу [7, с. 24]. В 1912–1913 гг. в Медынском уезде был осуществлен еще один проект, более масштабный по объему землеустроительных работ – разверстание «Строиловской дачи». По сообщению местной прессы, сущность этих работ «заключалась в выделе земли селениям с уничтожением чересполосности. В состав названной дачи входило 36 деревень, расположенных на площади 19649 дес., из которых 18 испокон веков владели чересполосной землей, разбросанной отдельными участками, которых насчитывалось в каждой деревне от 2 до 7» [10, с. 2 – 3].

Групповое землеустройство в ряде случаев могло стать переходной ступенью к единоличному, поскольку без определения четких границ надельных участков невозможно было образование хуторов и отрубков. Такая возможность впервые была закреплена в «Положении о землеустройстве» от 29 мая 1911 г., что нашло отражение в ходе земле-

устроительных работ в Калужской губернии. Так, к 1 января 1914 г. здесь были образованы ряд единоличных хозяйств на следующих основаниях: во-первых, при разделе однопланного селения 1 сельское общество в составе 7 домохозяев было разверстано на индивидуальные участки на площади 148 дес.; во-вторых, при разверстании на отрубные участки земель, включенных в одну дачу разверстания 1 сельское общество в составе 2 домохозяев на площади 11 дес.; в-третьих, при отграничении земель у 2 домохозяев, проживавших в 2 сельских обществах на площади 12 дес. [12, с. 29]

Далее перейдем к анализу результатов групповых землеустроительных работ в Калужской губернии накануне Первой мировой войны. Так, из 79 666 ходатайств домохозяев, поданных в 1907–1913 гг., 62 788 заявлений (78,8%) относились к групповым. Значительно меньшая доля крестьянских ходатайств была связана, соответственно, с единоличным землеустройством. О том насколько сами крестьяне были заинтересованы в стремлении изменить существующие земельные порядки, свидетельствует следующий факт. Наибольшая доля ходатайств о групповом землеустройстве была подана с целью раздела однопланного селения – 58,6%, меньшая часть заявлений – 41,4% на уничтожение чересполосицы, отграничения земель и т.д. [12, с. 28] Напомним, что однопланное селение бывшей помещичьей деревни владели землей по одному общему акту укрепления в соответствии с реформой 19 февраля 1861 г. и до юридического размежевания границ каждого селения от всех соседних переход крестьян этих селений к личному хозяйству был практически невозможен [6, с. 129]. По оценке калужского губернатора С.Д. Горчакова, к 1 сентября 1913 г. в регионе насчитывалось 180 451 домохозяев, большая часть из которых проживала в однопланном селении [2, л. 2об]. В одном из справочных изданий ГУ-ЗиЗ отмечалось, что в этих селениях «только пахотные земли состоят в обособленном владении каждого отдельного селения. Все же остальные угодья, как-то: луга, пастбища, лес, выгоны и пр., находятся в общем пользовании всех или части селений. При этом общие угодья ежегодно подвергаются разде-

лу между селениями, что порождает неизбежную массу споров и неудовольствий, в результате которых общества однопланного селения находятся постоянно в неприязненных, а зачастую в крайне враждебных между собой отношениях. Это враждебность тягостно отражается на экономическом состоянии таких селений...» [11, с. 18 – 19]. К этому следует также добавить внутринадельную и вненадельную чересполосицу, которые являлись естественным следствием однопланности селений [12, с. 11].

По количеству домохозяев и отведенной площади исполненных групповых землеустроительных работ также лидировали разделы однопланного селения. К 1 января 1914 г. такие работы были организованы для 8091 крестьянина, что составило 58% от общего числа домохозяев, у которых проводились групповые землеустроительные работы в целом. Объем работ по разделу однопланного селения достиг отметки 66250 дес., что составило 70% от всей площади групповых землеустроительных работ. Что касается других видов групповых землеустроительных работ, то их значение в общей массе имело значительно меньшее значение (уничтожение чересполосицы, отграничение земель от смежных владельцев и др.) [12, с. 29].

Подводя итог сказанному, отметим, что в 1907–1913 гг. в Калужской губернии общее число землеустроенных дворов составило 19176 или 10,6% от общего количества домохозяйств региона. Фактически это означало, что в исследуемый период времени каждый десятый крестьянский двор улучшил свое надельное землепользование. Общинное владение при групповом землеустройстве было отведено 13931 домохозяевам, что составляло 73% всех землеустроенных дворов в регионе. Им принадлежало 94741 дес. размежеванной земли, что составило 68% всей площади землеустроительных работ в Калужской губернии [12, с. 29]. Представленные цифры прямо показывают абсолютное лидерство группового землеустройства в общей массе работ землемеров, что сыграло, безусловно, важную роль в развитии столыпинских аграрных преобразований в местной деревне.

Список литературы:

1. Выдел земель селениям, частям селений и выселкам // Сельский вестник. – 1911. – № 131. – 18 июня. – С. 1.
2. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 266. Оп. 1. Д. 13429.
3. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 49.
4. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАКО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 2.
6. Давыдов, М.А. Личное и групповое землеустройство в ходе Столыпинской аграрной реформы (1907–1915 гг.) / М.А. Давыдов // Российская история. – 2015. – № 3. – С. 116 – 141.
7. Ермолов, Г.А. Землеустройство в Калужском уезде / Г.А. Ермолов. – Калуга.: типография Калужской губернской земской управы, 1915. – 47 с.
8. Закон о землеустройстве 29 мая 1911 г. и изданный на основании сего закона Наказ землеустроительным комиссиям от 19 июня 1911 г. – СПб.: типография «Сельского вестника», 1911. – 163 с.
9. Землеустроительные комиссии // Сельский вестник. – 1906. – № 214. – 3 октября. – С. 1.
10. Калужские губернские ведомости. – 1914. – № 2. – 4 января. – С. 2 – 3.
11. Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий (1907–1908 гг.) – СПб.: типография В.Ф. Киршбаума, 1909. – 121 с., прил.
12. Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1914 года. – Пг.: типография В.Ф. Киршбаума, 1914. – 109 с.
13. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1914 год. – Калуга.: типо-литография губернского правления, 1914. – 152 с., прил.
14. Разверстание чересполосности наделных и других земель мелкого владения и дачи разверстания // Сельский вестник. – 1911. – № 133. – 21 июня. – С. 1 – 2.
15. Раздел угодий, находящихся в общем пользовании. Отграничение земель и возобновление границ // Сельский вестник. – 1911. – № 135. – 23 июня. – С. 1.
16. Сборник законов и распоряжений по землеустройству (по 1 июня 1908 г.) – СПб.: типография В.Ф. Киршбаума, 1908. – 1294 с.
17. Статистический обзор Калужской губернии за 1908 год. – Калуга: типо-литография губернского правления, 1909. – 83 с., прил.
18. Статистический обзор Калужской губернии за 1910 год. – Калуга: типо-литография губернского правления, 1909. – 28 с., прил.
19. Статистический обзор Калужской губернии за 1912 год. – Калуга: типо-литография губернского правления, 1913. – 32 с., прил.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 316.772.5

*В.В. Сорочан, Э.С. Мосина***ЦИФРОВОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАКТИКА СТАНДАРТИЗАЦИИ**

В статье предпринята попытка проанализировать, через призму изучения международного и отечественного законодательства, научных работ, историю становления и развития понятия «цифровое культурное наследие». Отдельное внимание автор уделяет практике институционализации данного понятия, роли ЮНЕСКО и общественности в этом процессе. В качестве примеров приведены международные и всероссийские заседания профильных комиссий, форумы, конференции и т.п. Представленные в статье способы стандартизации позволяют не только структурировать эволюцию понятия «цифровое культурное наследие», но и сформировать четкие представления о роли и перспективах культурного наследия, особенно в условиях распространения информационно-коммуникационных технологий и интернет-ресурсов.

Ключевые слова: цифровое культурное наследие, ЮНЕСКО, стандартизация, информационно-коммуникационные технологии.

*V.V. Sorochan, E.S. Mosina***DIGITAL CULTURAL HERITAGE: PECULIARITIES OF FORMATION AND STANDARDISATION PRACTICE**

The article attempts to analyse the history of formation and development of the concept of "digital cultural heritage" through the prism of international and domestic legislation and scientific works. The author pays special attention to the practice of institutionalisation of this concept, the role of UNESCO and the public in this process. International and all-Russian meetings of specialised commissions, forums, conferences, etc. are given as examples. The ways of standardisation presented in the article allow not only to structure the evolution of the concept of "digital cultural heritage", but also to form clear ideas about the role and prospects of cultural heritage, especially in the context of the spread of information and communication technologies and Internet resources.

Key words: digital cultural heritage, UNESCO, standardisation, information and communication technologies.

Мы все чаще сталкиваемся с термином «наследие», сопровождаемым детерминантами «культурное» или «цифровое», с высокой вероятностью дальнейшего их использования в определяющей нас повседневной рутине. Осознанно или нет, но каждый из нас создает архивы документов в электронном формате, более или менее структурированные, которые являются компонентами личного цифрового наследия. В той или иной степени мы используем в своей повседневной работе различные алгоритмы и цифровые инструменты, способствуя созданию элементов цифрового культурного наследия, или, по крайней мере, учимся быть его хорошими пользователями. Для описания этого явления в литературе разработан целый ряд определений данного вида наследия. Согласно одному из них, цифровое культурное наследие – это все продукты современной

жизни и, что еще важнее, то, как общество мобилизует себя на создание этого наследия, цифровая культура, технологическое развитие, экономика знаний; эта новая форма культурного наследия включает в себя цифровой капитализм, экономические данные, глобальные информационные инфраструктуры, искусственный интеллект и автоматизированные системы, которые все вместе создают свое собственное наследие. Анализируя исследования отечественных специалистов мы находим что большинство из них сходятся в мнении, что цифровое наследие – форма представления культурного наследия, предполагающая осуществление его фиксации, архивации, сохранения, исследования, репрезентации и популяризации на основе широкого использования различных цифровых технологий и устройств.

Если в своем первоначальном употреблении концепт «цифровое культурное наследие» (digital cultural heritage) в основном подразумевал оцифрованные произведения искусства и тексты, которые становились легкодоступными для широкой публики, как говорится, без границ пространства и времени, то в дальнейшем в его содержание было включено все то, что изначально создавалось в цифровом формате и рассматривалось как имеющее определенную культурную ценность. Таким образом, концепт «цифровое культурное наследие» включает в себя «культурный материал, произведенный в цифровой форме или оцифрованный для целей сохранения» [6, Р. 397], т.е. либо изначально созданный в цифровом формате, или, как говорят по-английски, «born digital», либо конвертированный в цифровую форму из существующего аналогового ресурса. Если первоначально признанными и общепринятыми формами наследия были природное и культурное, то есть строго связанные с материальной составляющей, то далее мы выделяем основные проблемы, ведущие к принятию цифрового культурного наследия [2, С. 102].

Большое значение в институционализации понятия «цифровое культурное наследие» имеют международные форумы и конференции, где обсуждаются наиболее существенные проблемы, касающиеся внедрения цифровых технологий в сферу культуры и образования. Так, в октябре 2010 г. в Казани состоялся Международный форум «Цифровые технологии в системе инновационной сферы сохранения культурного наследия», в рамках данного форума была проведена Международная научно-практическая конференция «Цифровые технологии в сохранении и использовании памятников истории и культуры», в которой участвовали крупные зарубежные и отечественные специалисты. В процессе дискуссий, проведенных во время работы круглых столов и секций, были определены дальнейшие пути системного внедрения цифровых технологий в практику изучения, использования и сохранения культурного наследия [2, С. 104].

В самом широком смысле наследие – это объект или явление, имеющее историческое, научное, политическое, религиозное или культурное значение, важное для групп людей, сообществ, стран, учреждений, организаций или отдельных лиц. Его значимость,

часто рассматриваемая как крупное мировое значение и признаваемая отдельными лицами и/или органами, созданными для этой цели, часто приводит к необходимости принятия мер по спасению, защите, сохранению и приумножению его компонентов. В результате в каждой стране принята и постоянно обновляется законодательная система, касающаяся наследия, чтобы теоретически можно было использовать все возможные средства для его охраны и приумножения. Из краткого определения, приведенного в исследовании, легко сделать вывод, что наследие отличается от места к месту, от культуры к культуре и от страны к стране и встречается во многих формах или категориях, от исторических рукописей до книг, физических форм, природных объектов, традиций, культур и форм искусства. Исходя из общих характеристик истории и культуры народов мира культурологи, традиционно, разделяют культурное наследие на материальное и нематериальное, т.е. рукописи, природные объекты, произведения искусства, библиотеки, архивы, музеи, или проявления культуры, такие как танцы, обычаи, язык; культурное наследие и природное наследие – последнее существует без участия человека (горы, воды, растительность), а культурное наследие зависит от форм жизни человека (памятники, рукописи, произведения искусства, книги); движимое наследие и недвижимое наследие; классификация наследия по областям (искусство, наука, политика, бизнес, формы правления, религия, лингвистика, безопасность, спорт, культура), а также стратификация наследия на различных уровнях: глобальном, национальном, региональном, местном, институциональном, персональном. Все страны, общества и организации обладают уникальными для них формами наследия. Их размеры варьируются от мелких, физически локализованных до более крупных, впечатляющих. Задача профильных министерств и ведомств, научно-исследовательских институтов всех стран мира – прилагать усилия к сохранению и популяризации всех форм наследия. Кроме того, к национальным усилиям по признанию и сохранению различных форм наследия на глобальном уровне присоединились международные неправительственные организации, такие как Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), которая к 2023 году определила 1157 объектов насле-

дия в рамках Списка всемирного наследия, из которых 900 культурных, 218 природных, 39 смешанных, в 167 странах [8], большинство из которых находятся в Китае, Италии, Испании, Германии, Франции, Индии, Мексике, Великобритании, России, Иране, США.

ЮНЕСКО была создана в 1945 году под эгидой ООН и в соответствии с Уставом ООН в качестве послевоенной инициативы по восстановлению интеллектуальных и моральных основ Европы после разрушительных последствий Второй мировой войны. После войны ЮНЕСКО рассматривалась как всемирная цивилизующая организация, способная содействовать укреплению мира путем сотрудничества, направленного на разработку универсальных стандартов в области образования, науки, коммуникации и культурной деятельности, способствующих соблюдению прав человека, справедливости, законности и поддержке основных свобод. ЮНЕСКО начинала свою деятельность с утопических планов, но вскоре эти устремления материализовались в межправительственное агентство, призванное оказывать техническую помощь в восстановлении культуры и сохранении зданий, музеев, библиотек и произведений искусства. В то время ЮНЕСКО использовала послевоенные движения реконструкции, восстановления и создания наследия и разделяла их устремления в проекте, посвященном формированию «наследия человечества», которое она могла бы ограничить и сохранением которого она могла бы руководить. Подобные процессы регулирования были связаны с принятием решений о восстановлении прошлого, формировании настоящего и улучшении будущего.

ЮНЕСКО как профильной международной организации принадлежит практика не только разработки законодательных и нормативно-правовых актов, но и формулировка различных определений и понятий, которые используются как научным сообществом, так и органами власти. В рамках заявленной темы, важно отметить Хартию о сохранении цифрового наследия, принятую на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже, в октябре 2003 года. Хартия провозглашает такие принципы как: Цифровое наследие как общее наследие; Защита от потери наследия; Необходимые меры; Ответственность [3].

Важно отметить, что Российская Федерация, подобно другим странам, признает нормотворческую и координирующую роль ЮНЕСКО и всячески поддерживает ее работу в плане обеспечения развития культуры в цифровом формате. В этой связи за последнее десятилетие на самом высоком уровне был принят ряд документов, призванных активизировать работу по формированию цифрового культурного наследия. Так, программа «Информационное общество 2011 – 2020» [1] особое значение придавала созданию цифрового контента и сохранению цифрового культурного наследия, в связи с чем предусматривалась оцифровка объектов культурного наследия, включая архивные фонды. При этом подчеркивалось, что перевод в цифровой формат архивных материалов, имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение, а также их обработка и классификация должны строиться на системном подходе [2, с. 104].

Если говорить о самых ранних формах цифрового культурного наследия, то процесс компьютерной гомогенизации лингвистического корпуса впервые появился в 1946 г., и на его завершение ушло почти сорок лет. Проект, получивший название *Corpus Thomisticum* [7] и инициированный итальянским священником-иезуитом Роберто Буса, был направлен на обработку и анализ бесконечного потенциала трудов Фомы Аквинского. В итоге Р. Буса сумел создать знаменитый *Index Thomisticus* [5], который стал первым проявлением взаимодействия гуманитарных и точных наук. В этом же году впервые появляется термин «*Digital Humanities*».

Распространение информационных технологий на процессы, осуществляемые в таких учреждениях, как библиотеки, архивы и музеи, становится все более ощутимым, особенно в области повторяющихся видов деятельности, таких как составление библиографических записей, улучшение отношений с пользователями, структурированное письмо, обработка больших объемов данных, их систематизация с целью эффективного использования с близкими к нулю потерями. Каждая из упомянутых выше крупных документационных структур имеет свои специализированные подразделения, которые разрабатывают компьютерные системы обработки информации и управления, часто кон-

куруя друг с другом. Технологии развиваются вместе с процессами обработки информации, поэтому все чаще возникает необходимость обмена полученными ресурсами и передачи передового опыта, что означает активизацию работы по переносу с библиотечных полок больших массивов текстов в двоичном коде, их обработке с помощью специальных ИТ-методов и предоставлению исследователям. Кроме того, традиционная практика работы библиотек, архивов, музеев и художественных галерей претерпевает трансформацию и адаптацию, в результате чего появляются так называемые цифровые данные или объекты, которые, в свою очередь, представляют собой ресурсы для исследований.

Документальные структуры, чаще всего ассоциирующиеся с гуманитарными науками, такие как библиотеки, приобретают сегодня более стратегическое и заметное значение в обществе; роль этих учреждений всегда заключалась в сборе, обработке и предоставлении широкой общественности разнообразных документальных ресурсов для исследовательских целей. Использование информационных технологий для обработки этого огромного компонента культурного наследия и создания новых ресурсов для исследований является беспрецедентной трансформацией. Эта новая практика также подвергается новому регулированию. В связи с этим возникает идея пересмотра понятия «наследие»: помимо материального (природного и культурного), существует также цифровое. На Конвенции о всемирном наследии 1972 г. обсуждается идея о том, что цифровые данные должны быть новым видом культурного наследия, поскольку использование цифровых технологий в процессах консервации в библиотечном и архивном секторе приводит к появлению этих новых элементов наследия.

Международная Федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) стала первой профессиональной организацией, официально присвоившей статус наследия цифровым данным, что было вызвано экспоненциальным ростом числа цифровых публикаций и стимулировало поиск решений по адаптации к этому новому носителю информации. В том же 2000 г. на Конференции директоров национальных библиотек (CDNL) был создан Комитет по сохранению цифровых данных, призванный привлечь

внимание библиотечного сообщества и более широкой общественности к насущной необходимости защиты цифрового культурного наследия и разработать международную программу исследований в области долговечности цифровых данных. Признание статуса наследия цифровых данных в качестве проблемы для всего общества в области архивного дела было стимулировано Международным архивным советом на его XIV Международном конгрессе (Севилья, Испания, сентябрь 2000 г.) резолюцией, призывающей национальных архивистов разрабатывать программы сохранения цифровых данных, которые могли бы обеспечить доступ к содержанию и функциональности аутентичных электронных записей в будущем. Право граждан мира на доступ к таким документам было одной из движущих сил их программы. По мере того как нарастало стремление превратить цифровые данные в новую форму наследия, Комитет по сохранению цифровых данных Конференции директоров национальных библиотек (CDNL) разработал Резолюцию ЮНЕСКО по сохранению цифровых данных. Этот документ CDNL призвал ЮНЕСКО признать цифровые данные в качестве одной из форм документального наследия, подлежащей охране и включению в стабильное наследие наряду с другими видами и формами универсального наследия в рамках программы «Память мира».

Несмотря на то, что первоначально в качестве части универсального цифрового наследия были приняты только сформированные цифровые материалы, с ратификацией Резолюции CDNL 2003 г. в Уставе ЮНЕСКО цифровые объекты, полученные с помощью методов оцифровки («цифровые сурrogаты»), также признаны частью этой новой категории, и эти два компонента четко выделены в реестре категории. Такая ратификация не является простым принятием этой новой категории наследия, а предполагает прохождение через сложные процессы стандартизации, представленные и согласованные на международном уровне, основанные на практике, считающейся передовой, включающие описательную схематизацию и практические материалы, заимствованные из других видов наследия и навязанные в качестве стандартов и практики для цифровых данных.

Первый способ стандартизации обусловлен тем, что сами истоки социальной коммуникации, накопления капитала, языка

и связанных с ними форм выражения быстро встраиваются в данные в цифровой среде и становятся доступными благодаря цифровым инфраструктурам, что еще раз подчеркивает разницу между аналоговыми и цифровыми данными (как изначально цифровыми, так и суррогатными). Иными словами, цифровым данным присваивается такая информация, как материал, ценность, время, темпоральность, историчность. Наследие, рожденное в цифровом виде, – это сохранение того, что уже существует на данном носителе, в то время как наследие, полученное в результате оцифровки аналоговых источников, суррогатные данные, таким образом, представляют собой исторические сведения об источнике. Другими словами, компонент, рожденный в цифровом виде, обладает цифровой идентичностью, тогда как оцифрованный элемент представляет собой форму информации, перенесенной на другой носитель.

Второй способ стандартизации рассматривает цифровое культурное наследие как нечто среднее между бесплотным, как продукт человеческого разума (информация, цифровой код), и материальным, зависящим от аппаратных ресурсов для поддержания своего существования.

Третий способ стандартизации ставит под сомнение вымирающий статус этого вида наследия, поскольку обе его формы (рожденная или оцифрованная) находятся под угрозой устаревания и исчезновения. Рассматриваются такие источники риска, как течение времени, хрупкость цифровых материалов и сетей, неопределенность технологических изменений, быстрое старение технического оборудования – все это технически зависит от платформ, на которых эти материалы были созданы. Необходимы масштабные операции по сохранению цифровых материалов (это практика библиотек и архивов), при этом все большее внимание уделяется культурному содержанию данных и их значимости, исключаются избыточные данные. Это требует *четвертого* режима стандартизации, в котором наиболее важную роль играют учреждения, считающиеся хранителями наследия (библиотеки, архивы, музеи и т.д.); в случае цифрового культурного наследия также требуется эффективная практика сбора, документирования и сохранения элементов наследия. Таким образом, ЮНЕСКО стремится объединить и централизовать данные (определяемые как знания), находящиеся

под угрозой, рассматривая это цифровое наследие как общественное достояние на благо человечества. При этом она считает, что цифровые данные накапливаются в бесконечном количестве вариаций и форматов.

Пятый способ стандартизации направлен на четкое разграничение типов категорий цифрового культурного наследия в соответствии с ценностью содержащихся в них форм. Эти вариации стандартизируются путем отбора и систематизации цифровых данных в соответствии с их специфическими качествами, форматами носителей и функциями в обществе, которые подвергаются процедурам установления их аутентичности. И в этом случае материальность программного обеспечения и разнообразное качество аналоговых материалов оказываются под вопросом.

Условиями возникновения *шестого* способа стандартизации являются многочисленные дискуссии, связанные с двумя составляющими цифрового культурного наследия: рожденного и оцифрованного. Если к рожденному в цифровом виде цифровому наследию относятся тексты в цифровом формате, записи о личной и организационной деятельности, различных сделках, переписка, наборы данных, полученные в результате научной, геопространственной, пространственной, социологической, демографической, образовательной, медицинской и иной деятельности, созданные в цифровом виде документальные произведения искусства и фотографии, неподвижные или движущиеся изображения, аудиозаписи, графика, веб-сайты, записи в блогах/влогах, страницы в социальных сетях и др, полученные путем оцифровки – это изображения, полученные из существующих аналоговых источников с целью предоставления их в распоряжение исследователей: снимки, отсканированные трехмерные объекты, видеоизображения объектов нематериального наследия и т.д. Этот шестой способ стандартизации представляет цифровое культурное наследие как форму культурной информации, знаний и человеческого самовыражения, а также как исторический текст. Цифровое культурное наследие функционирует в виде абстрактных данных, но оно выступает в конкретном виде с точки зрения социальной полезности и значимости.

Седьмой способ стандартизации организует цифровое наследие в соответствии с

культурной значимостью наследия, оставляемого для будущего. Культурная значимость наследия превращается в бюрократический инструмент, используемый для дифференциации различных массивов данных и определения того, что представляет собой ценное наследие для будущего. Наконец, восьмой стандарт берет за критерий возможности распространения наследия: с этой точки зрения важны не только принципы универсализации элементов наследия, но и способы их совместного использования, распространения в аналогичном или увеличенном масштабе.

Наконец, мы должны осознавать, что как на персональном, так и на институцио-

нальном уровне цифровое поведение является отслеживаемым и формирующим память поведением. Если на личном уровне мы являемся создателями собственных архивов, то на институциональном уровне сформировались (и продолжают развиваться) цифровые хранилища большего или меньшего размера, тематические или нет, коммерческие или открытые для широкой публики. Все они являются частью цифрового наследия во всех формах его культурного проявления. Несомненно то, что анализ этих элементов позволяет заглянуть в прошлое и настоящее человека, а также заглянуть в будущее.

Список литературы:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 (ред. от 29.04.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184/ (Дата обращения 23.03.2023)
2. Горлова И.И., Зорин А.Л., Крюков А.В. Концептуализация и институционализация понятия «цифровое культурное наследие» // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 449. – С. 102 – 108.
3. Хартия о сохранении цифрового наследия. – URL: http://www.ifacom.ru/files/Documents/digital_heritage_preserv.pdf (Дата обращения 23.03.2023)
4. Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. – М.: Институт Наследия, – 2022. – 576 с.
5. Busa R. The Annals of Humanities Computing: The Index Thomisticus// Computers and the Humanities Vol. 14, No. 2 (Oct., 1980), pp. 83 – 90.
6. Chroni A. Cultural Heritage: Digitization and Copyright Issues // Progress in Cultural Heritage: Documentation, Preservation and Protection. 7th International Conference, EuroMed 2018 Nicosia, Cyprus, October 29 – November 3, – 2018. Proceedings. Pt 1. – pp. 396 – 407.
7. Corpus Thomisticum. – URL: <https://www.corpusthomicum.org/>(Дата обращения 23.03.2023)
8. World Heritage List. – URL: <https://whc.unesco.org/en/list/> (Дата обращения 23.03.2023)

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(470) «1941/1942»

*Ю.С. Старцева**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент И.В. Кометчиков***СРАЖЕНИЯ НА РУБЕЖЕ ЕКАТЕРИНОВКА – МАЛЕЕВО – КРЕМЕНКИ В ХОДЕ БИТВЫ ЗА МОСКВУ (ОКТАБРЬ 1941 – ЯНВАРЬ 1942 Г.): ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ**

Статья посвящена малоизвестной странице битвы за Москву – боям на рубеже Екатериновка – Малеево – Кременки на территории Высокинского и Угодско – Заводского (ныне – Жуковского) района Московской (ныне – Калужской) области. Героическое сопротивление частей Красной армии закрыло врагу путь на Серпухов – дорогу к Москве с юга. Представлен опыт разработки экскурсионно-краеведческого маршрута по этому рубежу воинской славы как части патриотического воспитания школьников.

Ключевые слова: Серпуховской рубеж, битва за Москву, 49-я армия Западного фронта, патриотическое воспитание школьников

*Y.S. Startseva**Supervisor - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor I.V. Kometchikov***BATTLES AT THE LINE BETWEEN YEKATERINOVKA - MALEEVO - KREMENKI DURING THE BATTLE FOR MOSCOW (OCTOBER 1941 - JANUARY 1942): EXPERIENCE OF HISTORICAL RESEARCH AND PATRIOTIC EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN**

The article is devoted to a little-known page of the battle for Moscow – the battles at the line of Yekaterinovka – Maleevo – Kremenki on the territory of Vysokino and Ugodsko-Zavodsky (now – Zhukovsky) district of Moscow (now – Kaluga) region. The heroic resistance of the Red Army units closed the enemy way to Serpukhov - the road to Moscow from the south. Presents the experience of the development of excursions and local history route to this frontier of military glory as part of the patriotic education of students.

Key words: Serpukhov frontier, Battle for Moscow, 49th Army of the Western Front, patriotic education of schoolchildren

Наверно, каждый старый город славен своей историей. Но есть в России малые города, даже названия которых многим неизвестны, хотя у многих из них, как у неизвестных солдат, есть свое героическое прошлое. Одним из таких городов является город, носящий почетное звание «Рубеж воинской доблести», Кременки. Именно здесь в октябре – январе 1941 г. на рубеже Дракино – Кременки – Павловка стояли насмерть бойцы 49-й армии Западного фронта и московского ополчения. Даже в научной литературе эта страница битвы за Москву практически не освещена.

Гитлеровское командование придавало огромное значение захвату г. Серпухова – узлу шоссе и железных дорог к югу от Москвы. Сюда рвалась мощная группировка гитлеровской группы армий «Центр» (части 17-й, 137-й, 52-й и 260-й пехотных дивизий), которым противостояли ослабленные в предыдущих боях войска 49-й армии Запад-

ного фронта [9, с. 14 – 15]. В сражениях на серпуховском рубеже задача 49-й армии заключалась в том, чтобы, надежно обороняя южные подступы к столице, измотать врага активной обороной, задержать его до создания благоприятных условий для контрнаступления Красной Армии. С середины октября 1941 г. и до начала советского контрнаступления под Москвой эту задачу успешно выполняли воины 194-й стрелковой дивизии, 112-й танковой дивизии, 18-й танковой бригады, 60-й стрелковой дивизии, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора П.А. Белова, бойцы дивизий московского ополчения, отряды высокинского и угодско-заводских партизан [1, с. 49; 2, с. 296 – 297; 4, с. 40; 5, с. 133, 138; 6, с. 21; 8, с. 174; 9, с. 22, 27, 30 – 31].

В результате боев на серпуховском рубеже гитлеровцы понесли большие потери, их боевой дух был подорван [3, с. 132]. После сильнейших контрударов Красной армии

по войскам группы армий «Центр» 7 – 8 декабря 1941 г. А. Гитлер подписал директиву о прекращении всех наступательных операций на Восточном фронте и переходе к обороне. Решающая роль в общем плане контрнаступления Красной армии под Москвой отводилось контрнаступлению войск Западного фронта. От его успеха зависел общий разгром немецких войск у столицы [7, с. 194]. 49-я армия должна была прорвать оборону гитлеровцев западнее и юго-западнее Серпухова, разгромить их алексинскую и тарусско – высокининскую группировки, овладеть городами Алексин и Таруса и, развивая наступление во взаимодействии с 50-й армией, освободить Калугу.

Наступление частей 49-й армии на рубеже Кременки – Дракино – Гостешево вначале развивалось медленно. Сказывались отсутствие у ее частей опыта ведения наступательного боя, отчаянные усилия гитлеровцев удержаться на занимаемых позициях. Особо упорное сопротивление противник оказал в населенных пунктах Троицкое, Волковское, Потетино, Потесниково, Гостешево и Оболенское. Однако стрелковые подразделения, поддерживаемые огнем артиллерии и гвардейских минометов, продвигались вперед. К началу марта 1942 г. гитлеровцы были отброшены от южных рубежей Москвы более чем на 200 километров. Немалую роль в этом сыграла стойкость советских воинов на рубеже Дракино – Кременки – Павловка.

Героическое прошлое г. Кременки и его окрестностей в годы Великой Отечественной войны является важной предпосылкой для организации патриотического воспитания подрастающего поколения. В последнее время в сознании молодых людей стали чаще проявляться эгоизм и равнодушие, цинизм, неуважительное отношение к старшему поколению и человеку труда, стремление к противоправным действиям. Сегодня, когда нацизм вновь поднимает голову, нет более важной задачи, чем воспитание гражданина-патриота, личности, способной противостоять попыткам нацистского реваншизма. Одной из форм патриотического воспитания школьников может стать разработка историко-краеведческой экскурсии по местам боевой славы 49-й армии на рубеже Дракино – Кременки – Павловка под условным названием «Забытый рубеж войны».

В ходе работы над этим проектом предполагается привлечь школьников и ак-

тивистов «Юнармии» к сбору исторического материала о людях и событиях, прославивших нашу землю во время Великой Отечественной войны. Цель проекта – посредством ознакомления с военно-историческими памятниками г. Кременки Жуковского района Калужской области и его окрестностей в форме экскурсии, подготовленной в сотрудничестве педагога и учащихся, способствовать формированию у школьников патриотизма, бережного отношения к истории и культуре России и своей малой родины, развитию познавательного интереса к изучению истории и краеведения.

Основными источниками исторической и краеведческой информации по проекту выступают директивные материалы высшего военно-политического руководства СССР и командования Красной армии, делопроизводственная документация частей и соединений Красной армии, в частности Западного фронта и его 49-й армии, источники личного происхождения (мемуары Г.К. Жукова, А.Л. Гетмана и др.), материалы из выставочных фондов военно-мемориального музея 49-й армии в г. Кременки, а также музея СОШ № 2 им. И.Г. Захаркина в г. Кременки. Определенное значение для проекта имеет и знакомство с документами гитлеровского командования, а также мемуарами гитлеровцев.

Экскурсионно-краеведческий маршрут «Забытый рубеж войны» разработан в соответствии с программой федерального проекта «Патриотическое воспитание» в рамках национального проекта «Образование» от 01.01.2021 г. В понятии «патриотизм» можно выделить, как минимум, две важные составляющие: во-первых, это любовь к малой Родине; во-вторых, любовь к Отечеству, государству, обществу, гражданином которого являешься.

Важным средством воспитания гражданина и патриота в современных условиях становится содружество школьников и педагогов, объединенных в рамках образовательной деятельности. Именно это, как представляется, позволит сберечь нить памяти, связывающую старшие и младшие поколения, что само по себе – важнейший фактор формирования нравственности и патриотизма.

Представляется, что для г. Кременки и Жуковского района проект обладает высокой социальной значимостью. Его реализация позволит придать социальную значимость

понятиям: «национальная гордость», «патриотизм», «историческая память», «гражданский долг»; повысить уровень конструктивной социальной активности подрастающего поколения; сплотить участников образовательного сообщества с целью сохранения исторического наследия для потомков, способствовать формированию согласия среди людей.

Практическая ценность проекта состоит в том, что он может быть востребован как обучающимися, так и жителями города, района, области и их гостями. Каждое поколение школьников может вносить в содержание экскурсионно-краеведческого маршрута что-то свое, уточняя наши знания о неизвестных и малоизвестных эпизодах того героического и одновременно трагического времени.

Список литературы:

1. Гетман, А.Л. 112-я танковая дивизия в битве под Москвой / А.Л. Гетман // Военно-исторический журнал. – 1981. – № 11 (ноябрь). – С. 49–52.
2. Грин, Г.Я., Чернов, В.А. Октябрь 1941. Детчинский сектор. Хроника событий / Г.Я. Грин, В.А. Чернов. – М.: Юстицинформ, 2020. – 432 с.
3. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици / ред. Й. Хюртер. – СПб.: изд. Европейского университета, 2018. – 328 с.
4. Когда бушуют грозы: Калужская область в Великой Отечественной войне / под общ. ред. А.П. Бекасова. – Тула: Приокское книжное издательство, 1970. – 344 с.
5. Михеенков, С.Е. Серпухов. Последний рубеж. 49-я армия в битве за Москву. 1941 г. / С.Е. Михеенков. – М.: Центрполиграф, 2011. – 254 с.
6. Ополчение на защите Москвы: Документы и материалы о формировании и боевых действиях Московского народного ополчения в июле 1941 г. – январе 1942 г. / Сост. Л.С. Беляева, В.И. Бушков, И.И. Кудрявцев. – М.: Московский рабочий, 1978. – 408 с.
7. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4-1). Битва под Москвой: Сб. док. / Отв. сост. В.Т. Елисеев. – М.: Терра, 1997. – 464 с.
8. Шапошников, Б.М. Битва за Москву. Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. – 31 января 1942 г. / Б.М. Шапошников. – М.: АСТ Транзиткнига, 2006. – 864 с.
9. Шилов, К.К. Речицкая Краснознаменная: Боевой путь 194-й стрелковой Речицкой Краснознаменной дивизии / К.К. Шилов. – М.: Воениздат, 1984. – 160 с.
- 10..

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(37)

Л.В. Тарасова

ОБРАЗЫ ЛИВИИ В ПОЭЗИИ ОВИДИЯ

В статье рассматривается эволюция образа Ливии Друзиллы в поэзии Овидия Публия Назона. Автор приходит к выводу, что в поэмах «Наука любви», «Фасты», «Скорбные элегии» и «Письма с Понта» представлены три основных образа Ливии: супруга, мать и сакральная фигура. Сначала Овидий представляет Ливию исключительно как жену Октавиана Августа. Но после побед Тиберия в Паннонии и упрочения его в качестве наследника принцепса, поэт сосредотачивается на роли Ливии как матери Тиберия. Кроме того, он позиционирует Ливию как связующее звено между Августом и Тиберием. Ближе к концу жизни Августа Овидий начинает относиться к Ливии как к божеству, уподобляя её Юноне и Венере.

Ключевые слова: Овидий, Ливия Друзилла, принципат, Октавиан Август, Тиберий Клавдий Нерон.

L.V. Tarasova

IMAGES OF LIVIA IN OVID'S POETRY

The article examines the evolution of the image of Livia Drusilla in the poetry of Ovid Publius Nazon. The author comes to the conclusion that in the poems *Ars Amatoria*, *Fasti*, *Tristia* and *Epistulae ex Ponto* three main images of Libya are presented: a spouse, a mother and a sacred figure. At first Ovid presents Livia exclusively as the wife of Octavian Augustus. But after the victories of Tiberius in Pannonia and his consolidation as the heir of the emperor, the poet focuses on the role of Livia as the mother of Tiberius. In addition, he positions Libya as a link between Augustus and Tiberius. Towards the end of Augustus' life, Ovid begins to treat Livia as a deity, likening her to Juno and Venus.

Key words: Ovid, Livia Drusilla, principate, Octavian Augustus, Tiberius Claudius Nero.

Эпоха правления Октавиана Августа является примечательной по многим причинам. Это время не только складывания новой политической системы в форме принципата с соответствующей идеологической программой, но и золотой век римской поэзии. Эта эпоха дала много интересных личностей, в числе которых Ливия Друзилла – третья (и последняя) супруга Августа, с которой он прожил 52 года. Когда кто-то упоминает имя Ливии, на ум приходит определенный, хотя и не однозначный образ, созданный под влиянием античных авторов – Корнелия Тацита, Светония и Кассия Диона. С одной стороны, ими подчёркивается значительное влияние Ливии на супруга и через него на государственные дела Империи (*Tac. Ann.* III. 34, V. 1; *Suet. Aug.* 84; *Dio* LIV.16). Это влияние хорошо демонстрирует сообщение Светония о том, что Август «...даже разговоры со своей Ливией... набрасывал заранее и держался своей записи, чтобы не сказать слишком много или слишком мало» (*Suet. Aug.* 84. 2, пер. М.Л. Гаспарова). С другой стороны, Ливия предстаёт перед потомками как образцовая жена, хозяйка дома, но и чрезмерно за-

ботливая и властная мать, устраняющая наследников Августа с помощью различных коварных махинаций с целью приближения к власти своего сына Тиберия (*Tac. Ann.* I. 3, 5; V, 1; *Suet. Aug.* 62, 73; *Suet. Tib.* 50–51; *Suet. Cal* 23. 2; *Dio* LIII. 33, LIV. 16, LV. 10a, LVI. 30, 31, LVII. 3).

Однако эти авторы творили спустя десятилетия, а то и столетия (речь идёт о Дионе) после жизни Ливии, и на созданный ими образ жены Августа оказала влияние сложившаяся историческая традиция. Мы же хотели обратиться к творчеству Овидия Публия Назона (43 г. до н.э. – 17/18 г. н.э.) [1, с. 861; 3, с. 167], который являлся не только современником становления принципата, но «...был дружен со многими высокопоставленными римлянами, приближёнными и даже родственниками Августа» [2, с. 201]. Третья супруга Овидия, вероятно, лично общалась с Ливией. Последняя, по одной из версий, была одной из главных виновниц ссылки поэта в 8 г. н.э. [1, с. 862 – 863; 2, с. 202; 4, с. 200].

Целью данного исследования является рассмотрение эволюции образа Ливии в про-

изведениях Овидия «Наука любви» (*Ars Amatoria*), «Фасты» (*Fasti*), «Скорбные элегии» (*Tristia*) и «Письма с Понта» (*Epistulae ex Ponto*).

Впервые Овидий упоминает Ливию в своей поэзии в связи с её участием в строительных проектах [6, p. 32, 91, 107]. В первой книге «Науки любви» среди списка хороших мест для знакомства с женщинами Овидий называет портик Ливии: «Не обойти колоннад, мановением Ливии вставших, / Где привлекают глаза краски старинных картин...» (*Ars Amat.* I. 71–72, пер. М.Л. Гаспарова). Сооружение располагалось на северном склоне Оппия и состояло из небольшого храма, посвященного богине Согласия, окруженного большим четырехугольным портиком. Он был освящен в 7 году до н.э. в рамках триумфа Тиберия (*Suet. Aug.* 29.4; *Dio* LIV. 23. 6, LV. 8. 2) [9].

Овидий приписывает Ливии заслугу в строительстве портика и утверждает, что в нём хранилась выдающаяся коллекция произведений искусства [2, с. 176]. Нововведением поэта было упоминание Ливии по имени, ибо у других авторов эпохи Августа мы такого упоминания не встречаем. Автору нет необходимости описывать, кто такая Ливия; краткость и простота его упоминания, по сути, показывают, насколько широко разрекламированной фигурой она, должно быть, была. Примечательно, что в данном отрывке Овидий помещает, по сути, сакральные постройки, в непочтительный контекст.

Овидий также упоминает портик Ливии и в третьей книге «Науки любви», перечисляя места, в которых женщины должны проводить свое свободное время: «...где сестра, и жена, и зять полководца / В честь корабельных побед вывели строй колоннад» (*Ars Amat.* III. 391–392, пер. М.Л. Гаспарова). В этом двустишии автор не называет ни один из портиков собственным именем их создателя, а только через их связь с Августом: сестра – Октавия, жена – Ливия, зять – Агриппа. Жители Римской империи знали, кем была Ливия; её упоминание в поэмах Овидия отражает известность, которой она достигла среди жителей Империи, и общественное положение, занимаемое ей в качестве члена *domus* Августа.

В «Фастах», в стихах, относящихся к Матралиям (11 июня) Овидий сообщает о годовщине посвящения Ливией *aedes Concordiae*, расположенного в портике Ли-

вии: «В тот же день и тебя, о Дружба, пышно почила / Ливия, храм твой святой милому мужу даря / Знай тем не менее, век грядущий, что именно там, где / Ливии портик стоит, высился раньше дворец» (*Fasti* VI. 637–640, пер. Ф.А. Петровского). Овидий изображает святилище как символ супружеского согласия, используя словосочетание *caro viro* (ст. 638). Храм как бы объединяет Ливию с Августом, отображая позиционируемые ими добродетели. М. Флори связывает памятник с религиозным праздником Матралии, считая, что «*concordia* была традиционным идеалом и аспектом брака в римском обществе» [9, p. 317]. Овидий неоднократно подчеркивает статус Ливии как супруги Августа в своих стихах, опираясь на пропаганду, которая рекламировала Ливию и Августа как образцовую супружескую пару [5, с. 279].

Ранее в «Фастах» (1 мая) Овидий уже рассказывал о восстановлении храма *Bona Dea* Ливией [11, p. 132 – 134], акцентируя её матримониальные связи с Августом: «Ливия их починить озаботилась, помня о муже / И продолжая всегда все начинанья его» (*Fasti* V. 157–158, пер. Ф.А. Петровского).

Как и в книге первой «Науки любви», в предыдущих цитируемых строках из «Фаст» Овидий называет Ливию. Эти строки очень важны для уточнения образа Ливии, поэтому приведём их и на латинском языке: «*Livia restituit, ne non imitata maritum / esset et ex omni parte secuta virum*» (*Fasti* V. 157–158). Деятельность Ливии вызывает в памяти образ Августа, который восстанавливал город и написал позднее об этом в своих «Деяниях» (RGDA 20). Краткость упоминания о храме (*restituit*) подразумевает, что внимание Овидия сосредоточено на отношениях между Августом и Ливией. Он придаёт Ливии активные глаголы *restituit* и *dedicat* и, таким образом, предоставляет ей свободу действий в этих проектах. Но одновременно присутствует и подчинение: поэт утверждает, что Ливия подражает своему мужу и следует за ним (*imitata, secuta*). Повторяющиеся упоминания Августа как мужа (*maritum, virum*) занимают подчеркнутую заключительную позицию в обеих строках двустишия.

Следует обратить внимание на одну деталь: храм и богиня *Bona Dea* добавляют еще одну черту к характеристике Ливии [11, p. 130 – 172]. – Культ *Bona Dea* ассоциировался с плодородием, в частности, с рождением и вскармливанием детей [8, p. 23 – 46].

Таким образом, перед нами предстаёт не только Ливия-жена, но и Ливия-мать [11, р. 138, 141]. В дальнейшем эта грань образа Ливии у Овидия будет только углубляться.

В «Скорбных элегиях» и «Письмах с Понта» Овидий уже не пишет о строительной деятельности Ливии, сосредотачиваясь на её отношениях с мужем и сыном.

В одной из элегий Овидий расхваливает свою жену (*Trist. I. 6*), объясняя её благочестие и преданность тем фактом, что она следует образцовому поведению Ливии: «Этим себе ли самой ты обязана, не наставленью, / Вместе с тобой ли на свет верность твоя родилась, / Иль в череде годов так привыкла ты римлянки первой / Чтить неизменно пример, что уподобилась ей» (*Trist. I. 6. 25–28*, пер. Н.Д. Вольпин). Относящаяся к периоду после изгнания Юлии и принятия Августом брачного законодательства, такая характеристика Ливии, без сомнения, соответствует её положению как публичной персоны. Поскольку Август был образцом для всех римских мужчин, Овидий недвусмысленно определяет Ливию как образец для подражания всем женщинам. Поэт утверждает, что Август стал лучше благодаря своему браку с Ливией, и точно так же судьба Овидия улучшится, если его жена будет подражать Ливии. Овидий не называет Ливию по имени, но представляет её как женский эквивалент Августа; она – *femina-princeps*. Этот термин бросается в глаза, поскольку нет никаких свидетельств того, что Ливия когда-либо упоминалась как таковая где-либо еще. До Овидия статус *princeps* относился исключительно к мужским фигурам, да и сам поэт его использует, характеризуя Октавиана Августа (*Trist. I. 1. 23*, II. 128, 123, 147, 219, 242, 464, IV. 4. 12, 10. 98, V. 8. 35, 11. 8; *Pont. I. 1. 49*, 2. 23, 4. 57, 6. 44, II. 2.50, 7. 79, III. 6. 23, 6. 39, IV. 9. 52, *Fasti. I. 142*, V. 570), Германика (*Pont. II. 5. 41*) и Гая (*Ars Amat. I. 191*).

Во второй «Скорбной элегии» Овидий снова касается брака Ливии с Августом: «В полном согласье с тобой да живёт ещё долгие годы / Ливия, что изо всех ровня тебе одному, / Та, без которой тебе остаться бы должно безбрачным, / Кроме неё, никому мужем ты стать бы не мог» (*Trist. II. 161–164*, пер. З.Н. Морозкиной). В молитве о здравии Августа и его семьи поэт упоминает Ливию сразу после Августа, и она – единственный член семьи, названный по имени. Автор обращает внимание на обстоятельства замужества Ли-

вии и восхваляет её отношения с Августом. То есть, Овидий считает этот союз идеальным несмотря на то, что для Октавиана Августа это быть третий брак, а для Ливии – вторым. Кроме того, Ливия к моменту бракосочетания с принцепсом, имела сына Тиберия и была беременна Друзом (*Tac. Ann. V. 1; Suet. Aug. 62; Tib. 4; Claud. 1; Dio XLVIII. 34; 44*).

Далее Ливия появляется у Овидия только в четвёртой «Скорбной элегии», где поэт переходит от подчеркивания её супружеских отношений с Августом к роли, связывающей Тиберия Клавдия Нерона с Августом. Эта книга датируется 11 г. н.э. [3, с. 212], то есть после подавления Тиберием очень опасного Иллирийского восстания и признания обществом его военных заслуг (*Suet. Tib. 16. 1; 17. 1–2*). Стоит задуматься о том, нужно ли было Овидию позиционировать родство Тиберия с Ливией. Предыдущие потенциальные наследники были соединены с Августом кровными узами, в отличие от Тиберия, для которого именно Ливия выступала связующим звеном с Августом. По мере того как изменялась ситуация с возможными преемниками принцепса, Овидий соответствующим образом адаптировал свой литературный язык, используя образ Ливии для усиления политической позиции Тиберия. Поскольку жена Тиберия Юлия (дочь Августа) была в изгнании, ни одна женская фигура, кроме Ливии, не могла ассоциировать его с Августом.

В четвёртой «Скорбной элегии» Овидий предвосхищает триумф Тиберия над Германией. Поэт описывает Ливию в окружении домочадцев, участвующих в приготовлениях к триумфальному прибытию Тиберия: «И меж невесток дары за возврат неврежденного сына // Ливия в храмы несет, как понесет их не раз, / С нею и матери все, и те, что своей чистотою // Непогрешимо хранят девственной Весты очаг» (*Trist. IV. 2. 11–14*, пер. С.А. Ошерова). Как это часто бывало, из всех членов семьи, участвующих в сакральных действиях, Овидий только Ливию называет по имени. Отрывок ясно показывает Ливию-мать: она молится богам о здоровье Тиберия. Призывая других матерей Рима следовать такому поведению, поэт переосмысливает роль Ливии как *exemplum*. Теперь она становится образцом материнского поведения в дополнение к идеалу супруги (*Trist. I. 62*).

Интересно, что язык и образы, используемые в четвёртой «Скорбной элегии» для описания Ливии, сами по себе не новы. Можно найти несколько параллелей с Песней III. 14 («Ритуал Геркулеса») Горация, написанной в 24 году до н.э. в честь возвращения Августа из Испании [13, р. 179 – 181]. Схожи контексты двух стихотворений: в обоих полководец-победитель возвращается с поля сражения (*Dio* LIII. 28. 3). Овидий изображает почти то же действие, что и автор *Carmen III. 14*: у Горация Ливия радуется деяниям своего мужа, в то время как у Овидия она радуется поступкам Тиберия.

В письме супруге из первой книги «Писем с Понта» Овидий описывает как он стареет в изгнании, воображая своё воссоединение с женой (*Pont.* I. 4). Поэт обещает жертвоприношения императору и его ближайшим родственникам, если Август смягчит наказание: «*turaque Caesaribus cum coniuge Caesare digna, / dis veris, memori debita ferre manu*» (*Pont.* I. 4. 55 – 56); («Цезарю, дому его и его достойной супруге – / Истинным этим богам – я б фимиам воскурил!» – пер. А.В. Парина). Возношение благодарений правителю и его семье напоминает о *Tristia* I. 2. 103 – 104, но теперь Август и его супруга возведены в статус богов. Примечательно, что семья принцепса изображена как единое целое: имя Ливии опущено, а в *coniuge* представлен образ супружеской пары.

В письме Мессалину Овидий опять представляет Ливию как жену принцепса, где она занимает положение между Августом и Тиберием: «Благополучен он сам, благополучен и Рим. / Мирно супруга его блюдет высочайшее ложе, / Сын раздвигает вдали римских владений предел» (*Pont.* II. 2. 68–70, пер. М.Л. Гаспарова). Овидий считает, что безопасность Ливии важна для выживания империи, поскольку без неё прервется линия наследования. Сразу после того, как поэт подчеркивает здоровье Августа (ст. 68), и до того, как он упоминает Тиберия (ст. 70), появляется Ливия: «*incolumnis coniunx sua pulvinaria servat*» (*Pont.* II. 2. 69). Акцент на здоровье в стихотворении заставляет задуматься о состоянии Августа, которому в это время было уже 74 года (*Suet. Aug.* 5. 1).

Письмо к Котте Максиму представляет собой панегирик семье принцепса (*Pont.* II. 8). Овидий рисует *domus* Августа в идеализированном виде, подражая языку изобрази-

тельного искусства официальной пропаганды. На связь с иконографией намекает сам поэт, рассказывая, что получил группу статуи императорской семьи. Ливия здесь вновь выступает как посредник между Августом и Тиберием: «Есть меж любимых своих Цезарей Ливия там» (*Pont.* II. 8. 4, пер. З.Н. Морозкиной). Примечательна строка 3: «и, чтобы в должном числе на твоём они были подарке...», особенно *numerus quem debet*, подтверждающая её исключительный статус. Тот факт, что без неё семья и триада были бы неполными, свидетельствует о той особенной роли, которую играла Ливия не только в *domus*, но и в жизни Рима.

Овидий снова обращается к Ливии в молитве за Августа: «Ради супруги твоей, тебе единственно равной, / Бремя величия с тобой не устающей нести» (ст. 29 – 30). Вторая половина строки 29 повторяет идею о том, что Август и Ливия были идеальной парой (автор возвращается к теме их равенства, ранее им обозначенного титулом *femina princeps*). Во второй строке двустипия подчеркивается, что Ливия является подходящей супругой для выдающегося правителя Рима.

В середине этого панегирика императорской семье Овидий посвящает несколько строк исключительно Ливии: «Также и ты, что одна под стать могучему мужу, / Слух свой, прошу, не замкни перед смиренной мольбой. / Здрав да будет твой муж, здоровы дети и внуки, / Здровы невестки и все, кто народится от них; / Друз, что был у тебя похищен Германией лютой, / Пусть изо всех твоих чад будет потерян один; / Пусть поскорее тебе предстанет мстителем братним, / Белой упряжкой влеко, в пурпур одетый твой сын.» (*Pont.* II. 8. 43 – 50). Этот отрывок представляет собой идеальное сочетание ролей Ливии: она жена, мать и мать семейства для всего *domus* Августа.

Приведённые выше строки из письма к Котте Максиму очень важны для понимания образа Ливии, поэтому позволим дать их на языке оригинала: «*tu quoque, conveniens ingenti nupta marito, / accipe non dura supplicis aure preces. / sic tibi vir sospes, sic sint cum prole nepotes, / cumque bonis nuribus quod peperere nurus. / sic, quem dira tibi rapuit Germania Drusum, / pars fuerit partus sola caduca tui. / sic tibi mature fraterni funeris ultor purpureus niveis filius instet equis*» (*Pont.* II. 8. 43 – 50). Как мы видим, *nupta, marito* (ст. 43) и *vir* (ст. 45) рисуют супружеский образ, *sospes*

напоминает *Tristia* IV. 2. 11 и теперь расширен до следующего поколения, *supplicis* (ст. 44) вновь представляет Ливию как проводника к Августу. Анафора *sic* делит отрывок на три пожелания – безопасности для Августа, Друза и Тиберия (Август и Тиберий по имени не названы). Выразительное повторение местоимения второго лица привлекает внимание читателей или слушателей к Ливии и делает её связующей силой для всех этих родственников. В цитируемом отрывке *domus* Октавиана Августа представлен в довольно широком виде. И скорее Ливия, а не Август, выступает как центральная фигура этого генеалогического древа.

В третьей книге «Писем с Понта» усиливается сакральная терминология в описании Ливии. В письме своей супруге он просит её добиться аудиенции у Ливии (*Pont.* III. 1), которая до изгнания Овидия, видимо, покровительствовала жене поэта, происходившей из знатного рода Фабиев [2, с. 203]. Он пишет: «Просто с мольбою к жене Цезаря ты обратись, / К той, что блистает своей добродетелью, так что седая / Древности не может при ней славою век наш затмить. / К той, что Юноне равна чистотой, красотой – Венере, / К той, что одна изо всех в браке под стать божеству» (*Pont.* III. 1. 114 – 118, пер. З.Н. Морозкиной). Ливия остается *exemplum*. – Овидий восхваляет ее добродетель, целомудрие и красоту (*virtute*, ст. 115; *pudicitiae*, ст. 116; *formam*, ст. 117). Но теперь Ливии нужно молиться (*precanda*, 114), и она достойна (*digna*, ст. 118) божественного (*caelesti*, ст. 118) ложа.

По ходу стихотворения Овидий продолжает уподоблять Ливию Венере и отождествлять её с Юноной [7, р. 331; 12, р. 415 – 416]. Поэт приказывает своей жене приблизиться к Юноне (*vultum Iunonis adire*, ст. 145) и пасть ниц перед её бессмертными стопами (*ad non mortalis pedes*, ст. 150). В конце поэмы Овидий велит супруге молиться *numen* Августа, а также Тиберию и Ливии: «К Августу прежде других богов обращай с молитвой, / К благочестивым его детям и верной жене» (*Pont.* III. 1. 163 – 164, пер. З.Н. Морозкиной). Положение Ливии рядом с сыном намекает на её место как его матери, но Овидий описывает её словами, подчеркивающими супружеский статус. В одну строку он элегантно поместил оба изображения. Место Ливии в конце двустихия укрепляет связь между ней и её сыном, между ней и её му-

жем, а также между её сыном и Августом. Группа образует триаду, единую и неделимую.

В послании Фабию Максиму Овидий как бы предвосхищает будущий триумф Тиберия, которому будут радоваться Август, Ливия, *domus* и всё римское население. Тиберий является центром внимания Овидия, но он упоминает Ливию по имени между молодым поколением и Августом: «В день, когда счастлив весь дом, когда дети и Ливия рады, / В день, когда счастлив ты сам, нашей отчизны отец...» (*Pont.* III. 3. 87–88, пер. З.Н. Морозкиной). Овидий отводит Ливии, прежде всего, материнскую роль и ставит её перед Августом, намекая на их брак. В дополнение к соединению Августа и Тиберия, Овидий помещает Ливию между наследниками Тиберия и Августом. – Ливия снова объединяет всех членов дома, как она это делала в *Epistulae ex Ponto* II. 8.

Аналогичным образом в следующем стихотворении, которое Овидий адресует Руфину (*Pont.* III. 4), поэт предсказывает, что Тиберия ждёт еще один триумф над Рейном (ст. 88). Рассказывая о предстоящем триумфе, Овидий описывает события с точки зрения Ливии: «Ливия, медлишь зачем? Колесницу готовь для триумфа... / Сын повторный триумф справит со славой двойной» (*Pont.* III. 4. 95, 100, пер. Н.Д. Вольпин). Овидий обращается непосредственно к Ливии. Эта сцена является ещё одной иллюстрацией того, как Овидий обновляет изображение прошлого, возвращая читателей к более раннему участию Ливии в триумфе Тиберия 7 года до н.э. (*Trist.* IV. 2).

После смерти Октавиана Августа Овидий редактирует «Фасты» [3, с. 175; 4, с. 126 – 127]. Ливия появляется в первой книге, где в отрывках (12 и 16 января) поэт называет её новым титулом и подчеркивает статус матери. В «Карменталиях» (12 января) Кармента, мать Эвандра, предсказывает обожествление Ливии: «Некогда, как я сама почитаема буду во храмах, / Так и Августу тогда Юлию обожествят» (*Fasti* I. 535–536, пер. Ф.А. Петровского). История Эвандра имеет давнюю традицию. Д. Герберт-Браун и С. Грин считают, что отношения между матерью и сыном, изображаемые Овидием, являются тонко завуалированной параллелью Ливии и Тиберия [10, р. 234 – 237; 11, р. 160 – 162]. Кроме того, недвусмысленное предположение о божественности Ливии ряд ученых находят при-

мечательным [6, p. 197 – 202; 10, p. 237; 11, p. 159 – 162]. Этот отрывок, возможно, подтверждает то, что было хорошо известно многим, – что Ливии уже поклонялись во многих городах Востока (*Tac. Ann.* III. 64; *ILS* 119 – 122; *CIL* 2028). Хотя формальное её обожествление произойдёт значительно позже, уже в период принципата Клавдия (*Suet. Tib.* 51. 2; *Tac. Ann.* V. 1–2; *Dio LVIII.* 2, LIX. 1, LX. 5).

Второе упоминание о Ливии в январе встречается 16-го числа (*Fasti* I. 647 – 650) [10, p. 297; 11, p. 165]. Эта дата знаменует собой освящение *aedes Concordiae* на Римском форуме [11, p. 98 – 99]. Данный отрывок является одним из самых прямых в восхвалении Тиберия, но завершается ссылкой на Ливию: «Храм ты богине возвёл, чтимой тобою самим. / Ей принесла твоя мать и жертвенник и приношенья, / Мать, что достойна одна вместе с Юпитером лечь» (*Fasti* I. 648–650, пер. Ф.А. Петровского). С. Грин рассматривает этот факт как попытку Овидия подчеркнуть семейное согласие между сыном и матерью (*concordia* – лат. согласие) [10, p. 297 – 298]. Существительное *genetrix* (ст. 649, лат. прама́терь, родительница) связывает Ливию с Венерой, родоначальницей и покровительницей рода Юлиев, и приводит Тиберия (и Ливию) в этот род (*Lucr.* I. 1; *Virg. Aen.* I. 590; *Ovid Met.* XV. 762). В последней строке Овидий изображает Ливию в роли жены Юпитера – Юноны. Таким образом, строки 648–650 объединяют образы, ранее рассмотренные в *Epistulae ex Ponto* III.1, где Овидий сравнивает Ливию с той же парой богинь и использует сходный язык для обозначения её брака с принцепсом (*Pont.* III. 1. 117: «*quae Veneris formam, mores Junonis habendo*»; III. 1. 164: «*participemque tori*»).

Ливия занимает не слишком много места в пересмотренной первой книге «Фаст». Овидий представляет Ливию в ней только в связи с Тиберием. Примечательно, что поэт не отмечает две чисто «ливийские» годовщины в течение этого месяца: Ливия не получает благодарности ни в свой день рождения (30 января – годовщина посвящения *Ara Pacis*), ни 17 января (её брак с Августом).

В четвёртой книге «Писем с Понта», написанной уже после смерти Августа, Ливия упоминается дважды. – В послании Грецину (*Pont.* IV. 9) Овидий утверждает, что у него дома есть святилище для членов императорского дома (ст. 106) и что его благоче-

стие заслуживает помощи Грецина. Среди членов группы *domus* присутствует и изображение Ливии: «Как благочестен я, знает город, меня приютивший: / Видит, что в доме алтарь Цезарю я посвятил. / Рядом и сын стоит, и супруга, верховная жрица, – / Новому божеству равные два божества. / Чтобы единой семьёю сохранить, я поставил и внуков: / Рядом с отцом один, с бабкою рядом другой» (*Pont.* IV. 9. 105–110, пер. Н.Д. Вольпин). Овидий дополнил формулировки, используемые для описания Ливии, отразив то, что, как мы знаем, содержалось в завещании Августа, а именно, что Ливия теперь стала жрицей культа своего божественного супруга (*Dio* LVI. 46). Кроме того, он называет *numen* и Тиберия, и Ливии (ст. 108) (сравни: *Pont.* I. 4. 56, II. 8. 38, III. 1. 162–163). Тиберий и Ливия теперь находятся бок о бок, что отражает сохраняющийся высокий статус Ливии в период принципата Тиберия. Все три роли Ливии – матери, жены, а теперь и жрицы – заключены в одной строке; она превратилась из *femina princeps* в *coniunx sacerdos*.

Последнее упоминание Ливии содержится в послании Кару (*Pont.* IV. 13), где Овидий обсуждает создание им вымышленной поэмы, посвященной апофеозу Августа [16, p. 91–99]. Как и в других стихах, следовавших за обожествлением Августа и вступлением Тиберия на престол, Овидий изображает Ливию матерью и женой, а также фигурой, которая объединяет императорскую семью. Её появление в поэме предшествует появлению наследников Тиберия – Германика и Друза Младшего (как в *Pont.* III. 3): «Вестой чистых матрон я Ливию нашу восславил: / Мужу ли духом она, сыну ль равна – кто решит?» (*Pont.* IV. 13. 29–30, пер. Н.Д. Вольпин). Строка 30 олицетворяет статус Ливии как жены бывшего и матери нынешнего принцепса. Причастность Ливии к богине Весте является не только почетным, но и отражает определенные реалии. – К 23 году н.э. Ливии было предоставлено право сидеть вместе со жрицами Весты в театре (*Tac. Ann.* IV. 16. 4).

Таким образом, образ Ливии имеет три основные ипостаси: супруга, мать и сакральная фигура. – До своего изгнания и усыновления Тиберия Октавианом Августом, Овидий представляет Ливию исключительно как жену принцепса. Только после побед Тиберия в Паннонии и объявлении его наследни-

ком Августа, Овидий сосредотачивается на роли Ливии как матери Тиберия. Он не отказывается от её образа супруги, но позиционирует её и как связующую фигуру между Августом и Тиберием. Ближе к концу жизни Августа Овидий начинает относиться к Ливии как к божеству – уподобляя её Юноне и Венере. В образах жены и матери Ливия, безусловно, выступает у Овидия как образец для подражания другим жёнам и матерям. – В этом отношении поэт мог опереться на давнюю традицию Рима идеализировать определенные женские черты и роль женщин

в домашнем хозяйстве. Наряду с традиционными женскими стереотипами в характеристике Ливии, у Овидия есть и новации. Он называет Ливию по имени, отступая от поэтической традиции, которая ранее никогда не давала ей имен. Кроме того, в большинстве поэтических произведений эпохи Августа женщины были элегическими любовницами или врагами государства. Овидий же представил Ливию как женщину безусловно положительную и, кроме того, обладающую властью.

Список литературы:

1. Альбрехт, М. фон. История римской литературы. От Андроника до Боэция и её влияния на позднейшие эпохи / фон М.Альбрехт / пер. с нем. А.И. Любжина. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, – 2004. – Т. 2. – 704 с.
2. Вулих, Н.В. Овидий / Н.В. Вулих. – М.: Молодая гвардия – ЖЗЛ; Сора́тник, 1996. – 280 с.
3. Гаспаров, М.Л. Овидий, или наука доброты / М.Л. Гаспаров // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Том I. О поэтах. – М.: Языки русской культуры, – 1997. – С. 165–191.
4. Гаспаров, М.Л. Овидий в изгнании / М.Л. Гаспаров // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Том I. О поэтах. – М.: Языки русской культуры, – 1997. – С. 192–227.
5. Портнягина, И.П. Ливия Друзилла – первая римская «императрица» / И.П. Портнягина // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 10. – СПб., 2011. – С. 273–292.
6. Barchiesi, A. The Poet and the Prince: Ovid and Augustan Discourse / A. Barchiesi. – Berkeley: University of California Press, – 1997. P. xi + 292.
7. Davisson, M. H.T. Quid moror exemplis? Mythological Exempla in Ovid's Pre-exilic Poems and Elegies from Exile / M. H.T. Davisson // Phoenix. Vol. 47. No. 3. Autumn, – 1993. – P. 224 – 237.
8. Fantham, E. The Fasti as a Source for Women's Participation in Roman cult / E. Fantham // Herbert-Brown G. (ed.) Ovid's Fasti: Historical Readings at its Bimillennium. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 23 – 46.
9. Flory, M. Sic exempla parantur: Livia's Shrine to Concordia and the Porticus Liviae / M. Flory // Historia; Zeitschrift für Alte Geschichte. Bd. 33. H. 3. – 1984. – P. 309 – 330.
10. Green, S.J. Ovid, Fasti 1. A Commentary. (Mnemosyne Supplementum 251) / S.J. Green. – Leiden and Boston: Brill, 2004. – Pp. xii + 365.
11. Herbert-Brown, G. Ovid and the Fasti. An Historical Study (Oxford classical monographs) G. Herbert-Brown. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – Pp. xiii + 249.
12. Johnson, P.J. Ovid's Livia in Exile / P.J. Johnson // The Classical World. Vol. 90. No. 6. Jul.– Aug., – 1997. – P. 403 – 420.
13. Nisbet, R.G.M., Rudd, N.A. Commentary on Horace: Odes Book III / R.G.M. Nisbet, N.A. Rudd. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – Pp. xxx + 389.
14. Richardson, L. Jr. A New Topographical Dictionary of Ancient Rome / L. Jr. Richardson. – Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1992. – Pp. xxxiv + 458, 92 illus.
15. Steinby, E.M. (ed.) Lexicon Topographicum Urbis Romae / E.M. Steinby, Vol. Primo. A–C. – Rome: Quasar, 1993. – Pp. 479, 196 illus.
16. Williams, G.D. Banished Voices. Readings in Ovid's Exile Poetry / G.D. Williams. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. ix + 234.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

ПОЛИТИКА

УДК 32.019.51

Е.Е. Аввакумова, А.А. Карпенко, Д.Ю. Дерюгина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ГРАЖДАН НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2018 ГОДУ И США В 2016 ГОДУ

Как правило, мы редко задумываемся о том, что помимо потребности в регулярном питании и сне у человека также есть потребность в информации. Вместе с тем, если раньше основными источниками информации для нас были газеты, радио или телевидение, то в данный момент наступила эпоха Интернета. Telegram-каналы, информационные ленты электронных СМИ и новостные записи в социальных сетях стали частью нашей обыденной жизни, однако роль информации заключается не только в сообщении сведений об окружающем мире. Также потребляемая информация влияет на наше политическое сознание, формирует наши электоральные привычки, а также политические взгляды и предпочтения. В этой связи авторы данного исследования предпринимают попытку проанализировать методы психологического воздействия политической рекламы на политическое сознание граждан, сопоставив особенности их применения в ходе избирательных кампаний по выборам президента США в 2016 г. и России в 2018 г.

Ключевые слова: политическая реклама, психологическое воздействие, Трамп, Путин, политическое сознание, выборы.

Е.Е. Avvakumova, A.A. Karpenko, D.Yu. Deryugina

COMPARATIVE ANALYSIS OF PSYCHOLOGICAL IMPACT METHODS OF POLITICAL ADVERTISING ON POLITICAL CONSCIOUSNESS OF CITIZENS ON THE EXAMPLE OF PRESIDENTIAL ELECTIONS IN RUSSIA IN 2018 AND THE UNITED STATES IN 2016

As a rule, we rarely think about the fact that in addition to the need for regular nutrition and sleep a person also has a need for information. However, while newspapers, radio or television used to be our main sources of information, the age of the Internet has now arrived. Telegram feeds, electronic media news feeds and social media news posts have become part of our everyday life, but the role of information is not only to inform us about the world around us. The information we consume also influences our political consciousness, shaping our electoral habits as well as our political attitudes and preferences. In this regard, the authors of this study attempt to analyze the methods of psychological impact of political advertising on the political consciousness of citizens, comparing the specifics of their use during the presidential election campaigns in the United States in 2016 and Russia in 2018.

Keywords: political advertising, psychological impact, Trump, Putin, political consciousness, elections.

Информационное общество активно развивается, что неизменно приобщает социум к технологическому прогрессу. Так, цифровые средства массовой коммуникации стали неотъемлемой частью нашей жизни. Количество информации, которую мы получаем из различных источников, постоянно увеличивается, а вместе с количеством растет и степень влияния информации на сознание человека. Обилие «информационного шума» привело к росту пассивного отношения людей к потребляемой информации, в результа-

те чего психологическое воздействие рекламы на сознание человека становится все более эффективным, так как мы практически не тратим время на верификацию получаемой информации. Сознанием становится легче манипулировать и направлять его в пользу определенных интересов. Что хорошо прослеживается на примере предвыборных кампаний в период президентских выборов в России в 2018 году и в США в 2016. На этом материале проанализируем разновидности

методов психологического воздействия политической рекламы на сознание граждан.

Статистические данные указывают на постепенное снижение процента людей, читающих газеты или смотрящих телевизионные программы. В частности, по данным ВЦИОМ на январь 2023 года, только 14 % россиян читают газеты [9]. Вследствие этого повышается значимость интернет-источников и социальных сетей, параллельно происходит рост доверия граждан к ним. Данная тенденция характерна не только для России, но и для Соединенных Штатов Америки. В свете упомянутых тенденций актуальным является изучение методов психологического воздействия политической рекламы на политическое сознание граждан на примере президентской предвыборной кампании в данных странах.

Феномен политической рекламы был подробно изучен отечественным специалистом С.Г. Кара-Мурзой в работе «Манипуляция сознанием». Согласно его подходу, политическая реклама призвана изменить политическое поведение общества или его частей во время конкретного политического выбора. Она представляет собой совокупность специальных форм и методов неличного представления и продвижения политических сил, идей и практик, действующих на изменение общества в целом или достижение определенных политических целей [5, с. 46]. С понятием политической рекламы тесно связан термин «психологическое воздействие». В современной научной литературе мы сталкиваемся со следующим определением данного понятия: «воздействие одного индивида на психику другого индивида (группы), которое в своей произвольной форме исходит из определенного мотива и преследует цель изменения или укрепления взглядов, мнений, отношений, установок и других психологических явлений» [7, с.117]. Основная цель такого психологического воздействия заключается в управлении сознанием избирателей с целью изменения их политической позиции по тому или иному вопросу.

С середины XIX века известные учёные обозначили такие психологические базовые методы как убеждение, внушение, заражение и подражание. Праотцами этих методов стали такие специалисты, как Г. Тард, Г. Лебон и Ш. Сигеле, чьи исследования актуальны и по сей день. Гюстав Лебон внес значительный вклад в теорию психологического

воздействия. Он утверждал, что для достижения эффективного психологического воздействия необходимо использовать такие приемы, как внушение, утверждение, повторение и заражение, которые могут быть применены политическими лидерами и лидерами мнений в ходе взаимодействия с общественными массами.

Уже современные отечественные специалисты Б. Д. Парыгин и Ю. А. Шерковин на основе прошлых исследований выделили четыре главных метода психологического воздействия, применяемых в политической рекламе: убеждение, внушение, психологическое заражение и подражание. Эти методы прошли долгий путь теоретического осмысления и эмпирической проверки в течение XX века.

В контексте психологической методологии Б.Д. Парыгина и Ю.А. Шерковина мы и рассмотрим указанные четыре метода составляющих данную концепцию на примере выборов 2016 и 2018 годов. Акцент делаем только на тех кандидатах, которые одержали победу на выборах, а именно: В. В. Путин и Д. Трамп. Поскольку активное использование этих методов доказало свою эффективность по итогам выборов.

В 2016 г. подошел к окончанию срок президентских полномочий 44-го президента США. Политическая гонка была насыщена множеством элементов, составляющих контекст политической агитации, которые представляют определенный исследовательский интерес. Немного позднее выборы прошли в России, и каждый кандидат использовал различные методы по формированию собственного статуса в политической гонке.

Избирательный процесс в России и в США складывается по разным мотивам и лекалам, что исходит в первую очередь из-за разницы социокультурного и исторического опыта этих стран. Однако мы можем проследить в избирательном поле определенные общие элементы, которые могут быть подвергнуты дополнительному рассмотрению в контексте политических исследований. Например, в процессе выборов политические акторы используют различные методы психологического воздействия на сознание и поведение избирателей, которые обладают схожими принципами, но при этом оказывают разное влияние на электоральные группы обеих стран.

Начнём с базового метода – **убеждения**. Убеждение – это метод, используемый в политической рекламе для психологического воздействия на избирателей, который предполагает формулирование четкой цели, логически обоснованные аргументы и доказательства, а также обоюдную критику. В результате чего человек добровольно принимает позицию субъекта воздействия. Такой метод применяется в устной форме политической рекламы (например, выступления перед избирателями, дебаты, пресс-конференции и пр.). Для достижения цели «убеждения» необходимо также активное участие субъекта психологического воздействия. Как отмечал Ю.А. Шерковин, «убедить людей в чем-либо можно лишь в том случае, если они стремятся понять и осознать адресуемую им информацию, взвесить соответствие аргументов выводам, а выводов – опыту и при достаточном или очевидном соответствии – согласиться» [2, с. 722]. Действенным потенциалом убеждения политическая реклама будет обладать только в том случае, если ее создатели являются людьми с высоким уровнем логического мышления, с продуманной линией аргументации, которая основана на проработанной системе логических и причинно-следственных связей.

В 2016 году во время предвыборной гонки в США оба кандидата прибегали к методу «убеждения». Конкретные примеры мы можем увидеть в пресс-релизах, выступлениях и интервью. Мы рассмотрим наиболее яркий пример со стороны победившего претендента на пост президента США.

Примером образов в контексте «убеждения» в предвыборной кампании Трампа является применение «эталонов успеха». Под «эталонами успеха» понимаются знаменитости, успешные предприниматели и другие общественные деятели, которые используются в качестве образцов для подражания и вдохновения избирателей. Трамп активно использовал этот метод, привлекая в свою кампанию известных людей и успешных бизнесменов, которые поддерживали его кандидатуру и рассказывали о своих успехах в бизнесе, вдохновляя избирателей на поддержку Трампа. Кандидатуру Трампа поддерживали политический обозреватель Майкл Саваж [4], рок-музыкант Кид Рок [15], актер Джон Войт [14] и другие. Одной из ключевых целей использования «эталонов успеха» в предвыборной кампании Трампа было со-

здание положительного образа кандидата и убеждение избирателей в его способности достигать успеха. Кроме того, использование этого метода позволяло кандидату связать себя с успешными людьми и их достижениями, что повышало его статус в глазах избирателей. Отметим, что и сам Трамп во многом является примером «эталона успеха». Его жизненный путь и опыт показывает американцам те ориентиры, которые помогают добиться благополучия и успеха в обществе.

В избирательной кампании В.В. Путина мы можем найти идентичные технологии использования метода «убеждения» в контексте применения образов «эталонов успеха». Многие известные люди, такие как артист балета Н.М. Цискаридзе, Л.М. Рошаль («хирург мира»), художник-модельер В.А. Юдашкин, актёр М.С. Боярский, певица П.С. Гагарина и др. [6] выступали за кандидата В.В. Путина и помогли ему одержать победу на выборах. Так, мы можем отметить, что ролевые модели, статусы «эталонов успеха», поддерживавших кампанию кандидата, обладают гибкой дифференциацией: от «народного» хирурга до «профильных» специалистов, что помогает воздействовать на самые разные электоральные группы. А личный и карьерный успех субъектов политической рекламы подкреплял уверенность тех, на кого она была направлена, при косвенном транслировании конкретных образов, в сохранении и приумножении личного капитала объектов влияния. Так же была создана платформа «Putin Team», на которой публиковались новости, фотографии и мнения различных российских знаменитостей о Путине, что выступало удобным агрегатором и порталом актуального для программы политического массива. Важным было и то, что у каждого человека, обладающего возможностью выхода в Интернет, был доступ к платформе. Кроме того, обычные люди также выражали свои позиции на этой платформе, что могло приводить к определённой доле конформизма, поскольку пользователи Интернета, видя, что многие люди поддерживают кандидата, обращаются к мысли, что, отказавшись от мнения большинства, станут изгоями, и поэтому голосуют за этого кандидата. Так же особым влиянием в контексте использования образа в политической рекламе обладает фигура самого Владимира Путина. В конечном итоге совокупность использования различных фигур, составляющих современное рос-

сийское медиапространство, и обращение к опыту «глубинного народа/нации» показала выигрышную стратегию использования метода «убеждения» в политической рекламе во время выборов 2018 года в России.

Следующим методом является **внушение**. Данный метод психологического воздействия ориентирован на использование как логических и аргументированных доводов, так и иррациональных основ сознания, для создания определенного, иногда неосознаваемого воздействия на человека [3, с. 168]. Факт использования данного метода в политической сфере отрицается, так как сам термин «внушение» несет негативный окрас и приравнивается к понятию «манипуляция». Внушение является один из самых действенных и давно используемых методов психологического воздействия [2, с. 730]. В отличие от убеждения, внушение не обращается к логике и рассудку личности, и не требует аналитических способностей для понимания. Цель внушения – вызвать веру во что-то, а это достигается не столько содержанием, сколько эмоциональной формой подачи информации. То есть, внушение достигается за счет ярких образов, близких человеку. В политической рекламе внушение достигается с помощью различных средств, имеющих вербальную, невербальную и текстовую основу. Вербальные средства включают специально организованную речь, а невербальные – интонации, мимику, жесты, музыкальное сопровождение, цветовую гамму и символику. Текстовые средства, в свою очередь, основаны на специальных «формулах внушения». Внушение может быть прямым и косвенным.

Примером метода «внушения» в избирательной кампании Дональда Трампа является программа «America First». Программа «America First», выступав одним из центральных девизов кандидата, представляла комплекс идей о том, что США должны ставить интересы своих граждан и свою безопасность на первое место, в том числе при формировании внешнеполитических отношений и экономических взаимодействий с другими странами. Согласно программе, ее пункты направлены на установление контроля за миграцией в Америку, а также выход из международных соглашений (например, Парижское соглашение по климату), противоречащих прямым интересам страны. В свою очередь, формы распространения (например, различные интервью и выступле-

ния) программы среди потенциального электората носили признаки внушения, так как обращались к бессознательному компоненту человеческого сознания. Трамп обращался не к логике избирателя и его разуму, он затрагивал те аспекты, которые составляют базис человека, в виде, например потребности в безопасности и удовлетворении национального мифа (“My foreign policy will always put the interests of the American people and American security first.” – из выступления в штате Вашингтон) [12]. «America First» получила разные оценки от избирателей, кто-то склонялся к тому, что она представляла собой пример политики изоляционизма, кто-то отмечал ее значимость и необходимость в современных реалиях США. Однако именно она позволила Трампу обратиться к «глубинному народу», внушив им идею о решении актуальных на тот период времени для них проблем, которые избиратель видел во внутренней и внешней политике США.

Обращаясь к российскому опыту, мы также не можем не отметить применение в политической рекламе Владимира Путина метода «внушения» в 2018 году. Например, данный метод используется в контексте влияния фигуры кандидата в важных для страны и избирателя эпизодах. Так, в агитационном ролике Владимира Путина «Сильный Президент – Сильная Россия» [1] визуальный ряд и закадровый голос создают образ причастности именно этого кандидата к реализованным архитектурным проектам таким, как Крымский мост, кольцевая дорога в Санкт-Петербурге, ГЭС в Амурской области, так как во время проигрывания закадровой речи Владимира Путина, визуальный ряд видеоролика воспроизводит архитектурные объекты. Что в глазах общественности создает представление о том, что данные проекты не были бы реализованы без участия упомянутого кандидата. Но что самое главное, такой симбиоз развивал в избирателе идею о том, что такая тенденция будет продолжена, в случае избрания кандидата. Таким образом, метод используется в контексте удовлетворения запроса избирателя на сильное государство, благодаря именно такому курсу в политике, которому придерживается обсуждаемый кандидат.

Психологическое заражение – это метод, который осуществляет воздействие через передачу психического настроения, который несет в себе большой эмоциональный заряд.

Благодаря этому психологическое заражение катализирует формирование определенных настроений и мыслей у человека, в частности, и общества в целом. Заражение характеризуется тем, что человек неосознанно и непреднамеренно подвергается воздействию определенных психических состояний. Лучше всего психологическое заражение могут использовать харизматические лидеры, которые обладают «природным магнетизмом» и умеют обещать быстрое решение сложных проблем. Заражение следует использовать в устной политической рекламе, на митингах, когда поведение и настроения одной личности зависят от состояния группы.

Примером «заражения» в политической агитации Дональда Трампа в 2016 г. может выступать серия его выступлений и интервью на радио и ТВ, в которых кандидат склоняется к религиозной тематике, в контексте важности данного атрибута в жизни каждого американца. В них Трамп активно использует идею о важности религии и ее неизбежности в американской культуре. Неоднократно Трамп говорил о защите американцев «божественной силой» [16]. Такие нарративы выступают в качестве связующего звена в эмоциональном аспекте между кандидатом и избирателем. Сакральность тематики данных выступлений обеспечивает поддержание такого эмоционального фона, в котором человек отказывается от критичности в своих действиях, что позволяет кандидату влиять на глубинное восприятие действительности своего электората.

В политической агитации Владимира Путина также был задействован метод «заражения». Примером его использования мы можем назвать выступление В. Путина во время послания Федеральному собранию [8]. Особенность этого послания заключалась в том, что пресс-секретарь президента Дмитрий Песков называл его «элементом предвыборной кампании» обсуждаемого кандидата. Так, в послании президента можно идентифицировать образы и нарративы, работающие на традиционные ожидания различных крупных аудиторий. Это сохранение семьи, как института общества, освобождение частного сектора от жесткой бюрократии, создание жилых квадратных километров и прочее. Эти темы представляют комплекс проблем, часто обсуждаемых именно среди представителей различных групп в России. Таким образом, программа кандидата наполняется

упоминание знакомыми избирателю болевыми точками, ему становится проще выстроить эмоциональную связь с кандидатом, что позволяет ему использовать ее для увеличения своего электорального потенциала.

Подражание – это метод, который рассматривается, как запланированное или незапланированное копирование электоратом политических взглядов, манеры поведения, жестов, общения, установок и оценок, которые есть у того или иного политического лидера. Г. Зиммель рассматривал подражание как «психологическое наследование»: «Подражая, мы не только перекладываем с себя на других требования, но и ответственность за совершенное деяние, так как оно освобождает индивида от муки выбора и позволяет ему выступать как проявление сознания группы» [10]. Хотя возможности использования подражания как сильной психологической техники огромны, в современной политической рекламе она редко используется, потому что мало кто знаком с ее механизмами действия. Тем не менее, в психологии уже разработаны методы, которые позволяют включать подражание в политическую рекламу. Также были выявлены характеристики политических лидеров, которые могут стать примером для подражания. Они обозначены как личностные инварианты подражания [2, с. 725].

В политической агитации Дональда Трампа примером метода «подражание» может выступать его кампания «Make America Great Again» (MAGA) [13]. В нарративе лозунга содержится апеллирование к чувству ностальгии у старшего поколения американцев, так как изначально данный лозунг был использован 40-м президентом США Рональдом Рейганом во время своего президентского срока. Особенностью американской политики в годы президентства Рейгана запомнилась населению комплексом интенсивных и эффективных мер в ответ на появившиеся трудности: крупные кадровые решения, жесткая реакция на дипломатические выпады в сторону США. Таким образом, Д. Трамп, используя особенности восприятия прошлого старшим поколением в США, приводит избирателя к идее о том, что при нем Америка будет такой же несокрушимой и сильной, как и при Рейгане. А закрепляющим элементом в использовании метода «подражания» является сопутствующая данной программе айдентика кандидата: канцелярия, одежда и прочая атрибутика.

Именно благодаря наличию такой айдентики избиратель, поддерживающий этого кандидата, мог заявить о своей позиции и выделить себя на общем фоне.

В 2018 г. в России Владимиром Путиным была использована практически идентичная программа по своей форме и реализации метода «подражания». На платформе «Putin Team» [17] был реализован интернет-магазин с айдентикой кандидата. А формальными лидерами платформы транслировалась различные идеи, связанные со спортивными качествами, с лидерским началом, с жесткостью и негибкостью характера, которые сосредоточены во Владимире Путине. Данные образы реализовывались в бренде спортивной одежды, который позволял избирателю ассоциировать себя с заложенными в нее нарративами, и так же, как и в случае с айдентикой MAGA, избиратель мог выделить себя и свою позицию в обществе.

Повышение роли интернета и социальных сетей в президентской избирательной кампании показало, что инструментарий «новых медиа» начинает играть все более значимую роль в контексте распространения политической рекламы, цель которой заключается в том, чтобы произвести манипулятивный эффект на человека, убедив его тем самым занять выгодную субъекту психологического воздействия позицию.

В нашей работе мы исследовали методы политической агитации в США и России,

чтобы определить сходства и различия между подходами к осуществлению политической агитации. Провели анализ политических кампаний в обеих странах и обнаружили, что в США и России применяются схожие методы политической агитации. Использование этих методов помогает политическим кампаниям и активистам убедить избирателей в правильности своих взглядов и достичь своих политических целей. Это свидетельствует о том, что, несмотря на культурные, исторические различия, страны используют похожие инструменты психологического воздействия для достижения политических целей.

По итогам исследования, у нас появляется возможность сформулировать вывод о том, что современные технологии вследствие глобализации, цифровизации и прочих факторов несут универсальный характер, что позволяет апробировать их в непохожих, на первый взгляд, обществах и достигать с помощью них успеха. Также стоит признать, что вышеназванный инструментарий оказывается рабочим, и он позволяет достигать своих целей, в частности, на примере политических выборов. Весомый вклад в унификацию в использовании данных методов внесли современные социальные сети, которые, объединив вокруг себя большие группы людей, создали благоприятную почву для политической агитации.

Список литературы:

1. Агитационный ролик В. В. Путина 2018 «Сильный Президент – Сильная Россия». URL: https://www.youtube.com/watch?v=84dIgj3b_Kw (дата обращения: 18.04.2023).
2. Деркач, А.А., Жуков В.И., Лаптев, Л.Г. Политическая психология / А.А. Деркач, В.И. Жуков, Л.Г. Лаптев. – М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга. – 2001. – 858 с.
3. Зимбардо, Ф. Социальное влияние / Ф. Зимбардо. – СПбург: Питер, – 2011. – 448 с.
4. Интеллектуалы за Трампа // Гефтрер. URL: <https://geftr.ru/archive/21018> (дата обращения: 16.04.2023).
5. Кара-Мурза, С. Г.: Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2008. – 862 с.
6. Как «звезды» выдвинули Путина в президенты. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/26/12/2017/5a4257c19a79471e5662bcb7> (дата обращения: 15.04.2023).
7. Ковалев, Г.А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика: дис. ... д-ра психол. наук / Г. А. Ковалев. – М., – 1991. – 477 с.
8. Послание Владимира Путина Федеральному собранию 2018. URL: <https://1tv.ru.turbopages.org/1tv.ru/s/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/poslanie-federalnomu-sobraniyu/poslanie-vladimira-putina-federalnomu-sobraniyu-2018-polnaya-versiya> (дата обращения: 20.04.2023).
9. Пресса, которую мы (не) потеряли. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pressa-kotoruju-my-ne-poterjali> (дата обращения: 06.04.2023).
10. Социальная психология: учеб. пособие / Л.В. Лебедева. – М.: ФЛИНТА, 2013. – 229 с.

11. «Утром в куплете»: зачем власти запускают 100 анонимных Telegram-каналов. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/10/2017/59d74dbd9a7947913b008e5a> (дата обращения: 15.04.2023).

12. Donald Trump's foreign policy: 'America first'. URL: <https://edition.cnn.com/2016/04/27/politics/donald-trump-foreign-policy-speech/index.html> (дата обращения: 20.04.2023).

13. How Donald Trump came up with 'Make America Great Again'. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/how-donald-trump-came-up-with-make-america-great-again/2017/01/17/fb6acf5e-dbf7-11e6-ad42-f3375f271c9c_story.html (дата обращения: 20.04.2023).

14. Jon Voight Releases Video Urging Americans To Vote For Trump. URL: <https://townhall.com/tipsheet/ChristineRousselle/2016/10/14/jon-voight-releases-video-urging-americans-to-vote-for-trump-n2232294> (дата обращения: 16.04.2023).

15. Kid Rock Supports Donald Trump in 2016 Presidential Race, Of Course. URL: <https://www.musictimes.com/articles/64051/20160202/kid-rock-supports-donald-trump-2016-presidential-race.htm> (дата обращения: 16.04.2023).

16. President Donald Trump Inauguration Address Speech – We will be protected by God. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IRRd10JjkBA> (дата обращения: 18.04.2023).

17. Putin Team. URL: <https://putin-team.com/> (дата обращения: 20.04.2023).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 32.019.51

*В.А. Андриянова**Научный руководитель – кандидат исторических наук, Н.П. Гаврилюк*

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

Статья посвящена анализу феномена коммеморативных практик. Автором рассматривается концепт коммеморации как важного материального компонента и ключевого инструмента формирования исторической памяти. Охарактеризованы основополагающие факторы, влияющие на процесс формирования исторической памяти, а также проявлены социальные характеристики процессов коммеморации, его основных признаков и функций. Особое внимание уделено воздействию политических и социально-культурных императивов, присущих представителям разных стран, на коммеморативные практики в современном обществе.

Ключевые слова: коммеморация, коммеморативные практики, историческая память, коллективная память, memory studies

*V.A. Andriyanova**Supervisor – Candidate of Historical Sciences, N.P. Gavrilyuk*

COMMEMORATIVE PRACTICES AS A WAY OF TRANSMITTING THE HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of commemorative practices. The author considers the concept of commemoration as an important material component and a key tool for the formation of historical memory. The fundamental factors influencing the process of formation of historical memory are characterized, as well as the social characteristics of the processes of commemoration, its main features and functions are revealed. Special attention is paid to the impact of political and socio-cultural imperatives inherent in representatives of different countries on commemorative practices in modern society.

Key words: commemoration, commemorative practices, historical memory, collective memory, memory studies

Категория памяти в её надындивидуальном, коллективном, социальном измерении, в настоящее время определяется как одна из самых популярных в современных гуманитарных науках. Это обусловлено ее междисциплинарностью и актуальностью для широкого круга областей. «Все говорит о том, что вокруг понятий памяти и воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре» [1, с. 11]. Руководствуясь данными представлениями о феномене памяти, возникла парадигма, которая в научном сообществе определяется как «memory studies».

Изучение памяти основаны на знаниях из таких областей, как психология, социология, антропология, история, литература и культурология. Этот междисциплинарный подход позволяет ученым исследовать сложные способы работы памяти в различных контекстах и понимать социальные, политические и культурные её аспекты. Кроме того, исследования памяти имеют отношение к широкому кругу вопросов и тем, включая

травмы, идентичность, национализм, глобализацию и социальную справедливость.

Проблематика осмысления и изучения именно исторической памяти, её функций, способов хранения и передачи на протяжении последнего столетия активно исследуется такими учеными, как М. Хальбвакс, Я. Ассман, П. Нора, П. Хаттон и другими.

Основателем теории исторической памяти считается Морис Хальбвакс, французский социолог и автор работы «Коллективная память» [6]. Он сформулировал идею исторической памяти как важнейшего фактора самоидентификации любой группы. В этом контексте французский социолог подчёркивает значимость мнемотических мест (мест памяти), где мы располагаем и локализуем образы прошлого в специфическом пространстве.

Одним из тех, кто усовершенствовал и развил концепцию, предложенную М. Хальбваксом стал его соотечественник, французский социолог Пьер Нора. Он первым вводит

категории «территория памяти» и «коммеморация». В его понимании, «места памяти» или «территории памяти» являются не только пространственными категориями, но и связующими элементами, которые связывают человека с его прошлым. Эти места имеют общий смысл для групп людей и возникают в результате процесса коммеморации, который включает в себя разнообразные способы сохранения и передачи потомкам памяти о прошлом путем установления конкретных объектов в материальном мире (места памяти), которые отражают исторические события и их значение.

П. Нора определяет три смысловых обозначения понятия «место памяти»: место материальное, символическое и функциональное, проявляющиеся в разной степени. «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой. Даже чисто функциональное место, такое как школьный учебник, завещание или ассоциация ветеранов, становится членом этой категории только на основании того, что оно является объектом ритуала. Минута молчания, кажущаяся крайним примером символического значения, есть как бы материальное разделение временного единства, и она же периодически служит концентрированным призывом воспоминания. Три аспекта всегда сосуществуют» [4, с. 39].

Места памяти, по мнению П. Нора, представляют собой объекты, включающие в себя предметы, события, легенды, люди и географические точки, которые соединяют прошлое с настоящим и служат символом для важных событий в истории. Они не только напоминают о прошлом, но и обладают сакральным статусом, обеспечивающим проживание глубоких переживаний при их посещении и частое выполнение определенных ритуалов.

Исследователь заинтересован не столько в историческом содержании «места памяти», сколько в вариантах его отражения в сознании людей, формах его восприятия. Данные места необходимы для идентификации индивида с социальной группой и солидаризации общины. Коллективная память играет важную роль в формировании идентичности и поддержании культурных основ. Коммеморативные формы позволяют пересматривать исторические события, а также

сохранить коллективную память. Они являются ключевым инструментом формирования исторической памяти, что обеспечивает мобилизацию памяти о том или ином событии, личности или исторической общности.

Коммеморативные формы представляют собой механизм реконструкции взаимодействия между прошлым и настоящим, основной целью которых является сохранение коллективной памяти. Коммеморация играет важную роль в формировании исторической памяти, позволяя мобилизовать память о различных событиях, людях и исторических сообществах.

В настоящее время термин «коммеморация» широко используется в научном и политическом контекстах. В более широком контексте это охватывает все, что связывает человека с прошлым, такие как артефакты, идеи, тексты и т.д. В узком понимании коммеморация относится к увековечению памяти о событиях, включая мемориалы, монументы, памятники, музеи, праздники, похороны, массовые мероприятия и другие формы мемориальной деятельности.

Можно определить коммеморацию как осознанный процесс передачи важной мировоззренческой информации о прошлом через сохранение определенных личностей и событий. Действия, связанные с коммеморацией, должны способствовать сохранению целостного восприятия прошлого в обществе, включая локальное прошлое, которое является неотъемлемой частью общего прошлого народа и государства. Они помогают сохранять национальную память и идентичность, формировать и укреплять культурную и историческую связь между разными поколениями, а также способствуют пониманию и принятию различных культурных и общественных ценностей. Кроме того, коммеморативные практики могут играть важную роль в процессе миротворчества и примирения. Они позволяют отдать дань уважения жертвам насилия и конфликтов, а также принести извинения и восстановить нарушенную справедливость. В целом, коммеморативные практики являются неотъемлемой частью культуры и идеологии нации и государства, и часто – их производной.

Коммеморативные практики являются производными культуры, истории, мировоззрения и идеологии государства, где они формируются, потому что они существуют в контексте этих факторов. Культура, история

и мировоззрение определяют то, как люди воспринимают свою историю, традиции и символы и как они хотят сохранить память о них. Идеология подчеркивает значимость тех людей, событий и символов, которые соответствуют ее принципам и ценностям, и может стремиться преобразовать или исказить историю в соответствии с этими принципами.

Поэтому коммеморативные практики, такие как праздники, памятники, музеи, или памятные мероприятия отражают связанные с этими факторами ценности и представления об истории, традициях и национальных символах. Таким образом, они могут служить инструментом укрепления идентичности государства и его народа, а также способом мобилизации определенных групп в интересах правящей элиты.

Коммеморативные практики являются одним из способов формирования общественного сознания и национальной идентичности, важным компонентом гражданско-патриотического воспитания. Кроме того, коммеморативные практики в виде создания мемориалов и проведения ритуалов нередко стремятся к повышению уровня своей легитимности.

Все вышеперечисленные способности коммеморативных практик делают их незаменимым инструментом в реализации политики государства. Отсюда появляется такое понятие, как *политика памяти* — набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие [5]. Другими словами, политика памяти — это организация коллективной памяти политическими агентами; политические средства, с помощью которых события запоминаются и записываются или отбрасываются. Данный вид политической деятельности играет важную роль в формировании коллективной памяти.

Путём проведения политики памяти власти государства могут достигнуть множества целей, например:

1. Укрепить основы единства и национальной идентичности. Путём подчеркивания общих исторических событий и достижений, политические акторы могут способствовать созданию общей идентичности и единства среди народа.

2. Закрепить власть. Политические акторы могут использовать политику памяти для легитимизации своей власти и авторитета, например, подчеркивая важность их вклада в национальную историю.

3. Снять напряженность в отношениях между различными национальными и культурными группами. Политика памяти может использоваться для смягчения напряженности и конфликтов между различными национальными и культурными группами, путем признания их исторических достижений и вклада в общее благо.

4. Продвинуть социальные и политические цели. Политические акторы могут использовать политику памяти для продвижения социальных и политических целей, например, путем подчеркивания значимости определенных исторических событий, которые могут вдохновить людей на активность и борьбу за свои права.

5. Привлечь туристов и инвесторов. Политические акторы могут использовать политику памяти для привлечения туристов и инвесторов, например, путем создания музеев и туристических маршрутов, которые отображают историческое и культурное наследие страны.

Кроме всего перечисленного, политика памяти может определять способ трактовки истории. По определению Алексея Миллера, политика памяти имеет частный случай, именуемый исторической политикой. По определению А. Миллера, историческая политика — это особая конфигурация методов, предполагающая «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [3].

При проведении исторической политики государство может выделять определенные события, личности и места памяти, игнорируя другие в зависимости от политической власти. Таким образом, история государства может переписываться или искажаться посредством превознесения одних исторических событий и личностей, и игнорируя другие. То, что такая политика свойственна множеству стран уже давно не секрет для представителей научного сообщества. Например, французский историк и педагог Марк Ферро описал результаты проведения исторической политики властями разных государств в книге «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» [5].

Зачастую, власть не только стремится акцентировать внимание на требуемой интерпретации исторических событий и вывести на первый план определённые исторические факты, но и стремится выстроить свою версию прошлого, отрицая неудобные события.

Как отмечал ещё М. Хальбвакс, коллективная память активно совершенствуется с целью соответствия современным задачам. Коммеморация, в свою очередь, часто используется как инструмент социального и политического управления, пропаганды, борьбы идеологий и политической мифологизации. Также имеется определенная иерархия исторических событий, которая определяется стандартами исторического образования и науки, и которая может приводить к политике «забывания».

В процессе передачи исторической памяти нации или же её изменения, коммемо-

ративные практики становятся незаменимым средством. Очевидно, что политическое использование прошлого, включающее в себя и политику памяти и историческую политику и коммеморативные практики [2], это важный инструмент в руках государственной власти, способы применения которого напрямую зависят от целей властей и культуры, и мировоззрения государства, на территории которого он используется. По этой причине, от страны к стране методы реализации коммеморативных практик варьируются, отражая основные цели правящего режима и различное культурное, политическое и социальное происхождение. Но наличие вариаций, ориентация на спецификацию и широкий перечень методов говорит лишь о важности и продуктивности коммеморативных практик.

Список литературы:

1. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, – 2004. – 368 с.
2. Малинова, О.Ю. Символическая политика: Контуры проблемного поля / О.Ю. Малинова // Символическая политика: Сб. науч. тр. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 5 – 16.
3. Миллер, А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века / А.И. Миллер // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, – 2012. – С. 7–32
4. Нора, П., Озуф, М., Пюимеж, Ж. де, Винок, М. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / пер. с франц. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, – 1999. – 328 с.
5. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро / Перевод с фр. Е. Лебедевой. – М.: Книжный клуб 36.6, – 2010. – 480 с.
6. Halbwachs, M. La mémoire collective / M. Halbwachs. – P.: Presses Universitaires de France, – 1967. – 204 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 322

*Вериго Д.Ю., Пашкова А.А.**Научный руководитель – кандидат исторических наук, В.В. Панасюк***ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Принятая в 2021 г. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в качестве основных приоритетов утвердила защиту духовно-нравственных ценностей общества. При этом формирование данных ценностей происходит непосредственно в ходе получения школьного образования. Представляется, что одну из ключевых ролей в процессе формирования и защиты данных ценностей играют различные религиозные организации, которые прямо или косвенно участвуют в реализации образовательного процесса. В этой связи авторы данной научной статьи предприняли попытку анализа нормативно-правовой базы, а также фактических механизмов взаимодействия государства и религиозных организаций в школьном образовательном процессе современной России.

Ключевые слова: школа, образовательный процесс, религия, РПЦ, духовно-нравственные ценности, религиозные организации.

*Verigo D.Y., Pashkova A.A.**Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, V.V. Panasyuk. Panasyuk***INTERACTION OF THE STATE AND RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN THE SCHOOL EDUCATIONAL PROCESS IN MODERN RUSSIA**

Adopted in 2021, the National Security Strategy of the Russian Federation approved the protection of the spiritual and moral values of society as the main priorities. At the same time, the formation of these values occurs directly in the course of receiving school education. It seems that one of the key roles in the process of formation and protection of these values is played by various religious organizations that are directly or indirectly involved in the implementation of the educational process. In this regard, the authors of this scientific article attempted to analyze the legal framework, as well as the actual mechanisms of interaction between the state and religious organizations in the school educational process in modern Russia.

Key words: school, educational process, religion, ROC, spiritual and moral values, religious organizations.

В настоящее время наблюдается усиление позиций различных религиозных организаций России в рамках образовательного, политического и социального пространства страны, что актуализирует необходимость изучения практических аспектов деятельности религиозных организаций, а также тех нормативных правовых актов, которые призваны ее регулировать. При этом, как представляется авторам данного исследования, именно школьный образовательный процесс является ключевым пространством деятельности религиозных организаций и их взаимодействия с государством. Также необходимо отметить, что наиболее крупными и влиятельными религиозными организациями в современной России традиционно являются те, которые ассоциированы с Русской Православной Церковью (далее – РПЦ), включающей в себя более 18550 различных организа-

ций, а также мусульманские организации. По данным Росстата, их количество в настоящее время составляет порядка 6000 организаций, функционирующих не только в рамках традиционно мусульманских регионов, таких как Ингушетия, Чечня, Дагестан и др., но и в рамках всей территории страны, включая крупные административные центры [10]. При этом мы также наблюдаем устойчивую положительную динамику относительно увеличения количества религиозных организаций в России. В частности, в период с 2010 по 2018 гг. общее количество официально зарегистрированных православных организаций выросло с 12941 до 18550, что указывает на рост уровня влияния религии на различные аспекты общественной жизни.

При этом, прежде чем перейти к изучению нормативных основ взаимодействия государства и религиозных организаций в

рамках школьного образовательного процесса, необходимо обратить внимание на то, что ст. 14 Конституции РФ гарантирует, что никакая религия не может быть установлена в качестве государственной. При этом в рамках данной статьи также указано, что каждому человеку гарантируется свобода совести и вероисповедания. Однако, если мы говорим об образовательном процессе, то участие религиозных организаций в духовном воспитании подрастающего поколения на базе светских учебных заведений не допускается [1]. Таким образом, анализируя положения основного закона страны, мы видим, что участие религиозных организаций в образовательном процессе должно быть строго ограничено. При этом на практике наблюдается обратная тенденция.

В этой связи В.К. Шрейбер отмечает следующее: «Не требуется особых усилий, чтобы в настоящее время отметить рост влияния церковных организаций на политические и социально-экономические процессы российского общества. Вместе с тем не может не пугать то обстоятельство, что воспитательные технологии церкви традиционно были заточены на формирование фанатической преданности самим церковным догмам» [12, с. 273]. Фактически данный исследователь указывает на то, что влияние религиозных организаций на образовательный процесс в школе в перспективе может нанести существенный ущерб всей образовательной системе и обществу, так как религиозные убеждения зачастую противопоставляются принципам рациональности и критического мышления, которые должны составлять основу качественного образования.

В то же время по данному вопросу в современной научной литературе сложились различные мнения. В частности, А.Н. Макарова указывает, что сотрудничество школы и религиозных организаций «возможно, но в разумных пределах» [6, с. 344]. На практике определить пределы подобного сотрудничества возможно лишь посредством обращения к нормам современного законодательства, в рамках которого зафиксированы основные приоритеты государственной внутренней политики в сфере школьного образования, которые в том числе подразумевают определенную степень участия религиозных организаций в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения.

Однако, рассуждая о пределах подобного сотрудничества, мы неизменно будем пытаться соотнести их с нашими религиозными или идеологическими представлениями, которые могут повлиять на наше мнение о том, даст ли положительные результаты участие церкви в образовательном процессе или нет. Например, если лицо, принимающее решение, будет являться носителем тех или иных религиозных взглядов, то ответ на вопрос о том, существует ли необходимость в привлечении духовенства к воспитанию подрастающего поколения, будет очевиден. Вместе с тем положительный ответ на данный вопрос, который будет сформирован исключительно на основании тех или иных убеждений, не будет являться достаточным, так как данная проблема потенциально может затронуть целое множество людей, проживающих в современной России, и их дальнейшая жизнь будет зависеть от характера подобных принимаемых решений.

Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать на примере тех решений, которые могут быть продиктованы идеологическими представлениями лица, принимающего решения. В частности, в период СССР господствовала коммунистическая идеология, положения которой предписывали ограничивать деятельность религиозных институтов. В результате религиозное духовенство фактически преследовалось по закону, что ограничивало не только участие религии в общественной жизни, но и развитие тех аспектов российской культуры, которые формировались под влиянием традиционного православия. Таким образом, выстраивая границы взаимодействия церкви и школы, необходимо избегать тех или иных оценочных суждений о полезности религии как таковой, а также потенциала сотрудничества религиозных организаций и государства в сфере образования.

Далее необходимо обратиться к анализу содержания Стратегии национальной безопасности России, текст которой был опубликован в 2021 г. В представленном документе указано, что одним из приоритетных направлений государственной политики является «защита традиционных духовно-нравственных ценностей» [2]. Особый акцент на защите ценностной основы функционирования общества был сделан по причине того, что именно она гарантирует сохранение стабильности государства, а также целостность

таких институтов, как традиционная семья, образование и мораль. При этом подчеркивается, что сохранение уникальной системы духовно-нравственных ценностей современной России обеспечивает укрепление ее государственного суверенитета, что особенно актуально в современных геополитических реалиях. При этом формирование традиционных духовно-нравственных ценностей происходило под влиянием различных религий, таких как христианство в широком смысле и ислам. В этой связи Л.Н. Беленчук и Е.А. Прокофьева, анализируя текущий вектор российской внутренней политики в сфере школьного образования, отмечают: «Само демократическое устройство общества связывается, таким образом, не с реформаторством и новыми ценностями, а с традицией, с исконными духовно-нравственными представлениями, которые, прежде всего, дает религиозное воспитание» [5, с. 118]. Также общий вектор исследовательской мысли в представленном выше исследовании подводит нас к мысли о том, что без полноценного внедрения практики духовно-нравственного и религиозного воспитания невозможно воспитать развитую, прежде всего, в духовном смысле личность. В то же время указывается на исконность некоторых духовно-нравственных представлений, существующих в российском обществе. Мы считаем, что данная формулировка также имеет оценочный характер и основана исключительно на авторском понимании исконности и важности данных ценностей. Несмотря на то, что традиционные ценности формировались на протяжении длительного исторического времени, традиционным также может быть насилие над женщиной в семье, патриархат и шовинизм. В связи с этим представляется необходимым конкретизировать содержание традиционных ценностей, воспитать которые возможно исключительно духовными усилиями.

Вместе с тем, несмотря на внешнюю логичность представленных выше выводов, остается не вполне понятно, что именно авторы представленного выше исследования имели в виду под демократическим устройством общества, так как любая религия в конечном итоге игнорирует присущий демократии плюрализм, а религиозные организации при этом, имея собственные экономические, социальные и политические потребности, преследует цель увеличения собственно-

го влияния и финансового капитала, так как они составляют основу их «выживания». В частности, согласно данным расследования РБК, проведенного в 2016 г., общая стоимость финансовых активов РПЦ составляет более 2 млрд руб., в то время как суммарный годовой доход от ассоциированных с ней организаций превышает 600 млн руб. [9]. Учитывая непубличный характер подобной информации, мы можем предполагать, что реальные цифры в настоящий момент времени значительно превышают те, что были представлены выше. Однако необходимо учитывать тот факт, что в условиях рыночной экономики любая крупная религиозная организация существует за счет крупных финансовых вложений и прибыли, увеличение которой возможно в том числе благодаря широкому участию подобных организаций в различных образовательных проектах общероссийского и регионального масштаба.

Таким образом, не в полной мере очевидно, какие именно мотивы, духовные или же финансовые, стоят за наблюдаемой в настоящее время тенденцией, связанной с усилением позиций религиозных организаций в образовательном пространстве России. Вместе с тем необходимо также указать на определенную фактологическую ошибку, которая была допущена Л.Н. Беленчук и Е.А. Прокофьевой. Дело в том, что в контексте российского исторического пути демократические институты никогда не рассматривались в качестве базовых и основополагающих. В этой связи дальнейшее построение демократии в России связано не с возвращением к исконным духовно-нравственным представлениям, а именно с реформаторской деятельностью, которая по природе не может являться традиционной. Является ли демократичность естественной для современного российского общества, а также зависящей от традиционной догматики – вопрос открытый.

Несмотря на то, что в течение российской истории были примеры попыток построения полноценного демократического общества, в частности, мы можем обратиться к принципу работы вече в Новгородской республике, основным способом организации власти практически всегда оставался авторитаризм. Он предполагает концентрацию власти в руках одного лица, что исключает возможность построения эффективных демократических институтов. Более того, многие современные российские специалисты, такие

как В. Гельман, А.Ю. Мельвиль, В.О. Кротков и другие сходятся во мнении о том, что современное устройство российского общества также не соответствует демократическим принципам. В результате мы видим, что выводы исследователей Л.Н. Беленчук и Е.А. Прокофьевой, как минимум, вызывают споры.

Далее необходимо обратиться к следующему нормативному документу, который служит одной из отправных точек усиления позиций религиозных организаций в образовательном пространстве современной России. Речь идет об указе Президента РФ об «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [3]. Данный указ был опубликован 9 ноября 2022 г. и является наиболее актуальным нормативным документом, в рамках которого затронута необходимость полноценного духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Также в данном указе конкретизируется понятие «традиционные ценности», а также утверждается приоритет духовных ценностей над материальными и важность их передачи от поколения к поколению посредством воспитания. Однако на практике мы видим, что капиталистический уклад жизни современной России и мира в принципе не способствует тому, чтобы в сознании человека по крайней мере на интуитивном уровне формировалось представление о том, что абстрактные духовные ценности стоят выше физиологических потребностей и тех требований к организации жизни, которые диктует материальный мир. Но эта проблема скорее составляет предмет философского спора.

Возвращаясь к воспитанию, необходимо отметить, что данный процесс в современном мире основан на участии не только семьи, но и представителей школьной образовательной организации. В этой связи необходимо предположить, что участие представителей духовенства в школьном образовательном процессе в полной мере соответствует тем приоритетам, которые зафиксированы в представленном выше указе. Обусловлено это тем, что наиболее крупные религиозные организации в современной России в массовом сознании выступают в качестве носителей и проводников описанных Президентом традиционных ценностей.

Однако процесс внедрения духовно-нравственного компонента в школьный образовательный процесс был начат задолго до принятия проанализированных выше нормативных правовых актов. Уже в 2012 г. на повсеместной основе в российских школах был внедрен новый предмет, который получил название «Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы религиозных культур и светской этики». Как отмечает Т.Д. Шапошникова, введение данного предмета было обусловлено потребностью в формировании определенных духовно-нравственных и мировоззренческих установок у подрастающего поколения. При этом закрепленная на конституционном уровне светскость, с точки зрения данного исследователя, «подразумевает наличие в системе общественных отношений свободы совести и вероисповедания, однако это вовсе не значит, что учебные материалы по религиозной культуре не могут преподаваться в школе на общих основаниях и критериях» [11, с. 157].

Несмотря на то, что изначально предполагалось, что внедрение данного предмета должно было служить цели ознакомления учеников с основами культуры и мировоззрения, в том числе религиозного, современных народов России, на практике это не было реализовано в полной мере. Также выделился отдельный курс «Основы православной культуры». Существуют свидетельства о том, что в рамках данного учебного курса приглашенные представители православного духовенства не только освещают различные религиозные темы, а также особенности православного мировоззрения, но и учат детей совершать основные религиозные обряды, а также знакомят учеников с понятием ада и рая, формируя при этом эмоционально яркие образы восприятия, которые в том числе могут нанести ребенку психологическую травму. Таким образом, на практике принцип светскости образования, а также свободы совести и вероисповедания нарушается, так как у учеников и родителей как их законных представителей не остается выбора относительно того, как именно должен преподаваться данный курс и будет ли он преподаваться в принципе. Несмотря на то, что духовное образование и знакомство с основными религиозными постулатами сохраняют актуальность в современном мире, необходимо тщательно подходить к формированию методики преподавания подобных образова-

тельных курсов в школе, а также избегать привлечения «религиозных фанатиков» [7].

Вместе с тем в настоящее время взаимодействие религиозных организаций и государства в рамках школьного образовательного процесса протекает также по линии взаимных контактов между Синодальным отделом религиозного образования и катехизации и Министерством просвещения, что отражается на примере совместной разработки разноплановых документов, касающихся тех или иных аспектов преподавания учебного курса «Основ религиозных культур и светской этики» на базе начальной школы, преимущественно в 4 классе, и «Основ духовно-нравственной культуры народов России», преподаваемых на базе основной школы уже в 5 классе. Также реализуется взаимодействие относительно формирования методических рекомендаций, соответствующих требованиям обновленных ФГОС, опубликованных в 2021 г., а также учебно-методических материалов и разработок, включая полноценные образовательные программы.

При этом в тексте Федеральных государственных образовательных стандартов начального общего и начального среднего образования было отмечено, что приоритет в школьном образовании отдается формированию и реализации устойчивой потребности человека в самовоспитании, самопознании и саморазвитии. Однако достичь этого возможно исключительно «в соответствии с традиционными российскими социокультурными и духовно-нравственными ценностями, принятыми в обществе правилами и нормами поведения» [4]. Как уже было установлено ранее на примере официальных контактов между религиозными организациями и Министерством просвещения России, формирование данных социокультурных и духовно-нравственных ценностей становится возможным благодаря внедрению духовных и религиозных воспитательных практик в рамки школьного образовательного процесса.

При этом, как отмечает О.В. Пигорева, взаимодействие религиозных организаций и государственных институтов реализуется не только на федеральном, но и на региональном уровне. В частности, активная работа по налаживанию взаимодействия между религиозными организациями и региональными администрациями началась уже в 90-е годы. Итогом данной работы стало подписание соглашений, затрагивающих сферу образова-

ния и воспитания. Так, Рязанская, Ярославская, Курская, Владимирская епархии заключили подобные соглашения с региональными и муниципальными администрациями. Например, уже в марте 1998 г. был подписан договор «О совместной культурно-просветительской и образовательной деятельности администрации Орловской области и Орловского епархиального управления Московского Патриархата Русской православной церкви» [8, с. 87]. В настоящее время подобная практика взаимодействия религиозных организаций и региональных властей также активно реализуется. Религиозные организации в основном православного толка организуют различные образовательные мероприятия и конкурсы, для участия в которых в том числе привлекаются ученики российских школ. Также регулярно проводятся семинары и школьные олимпиады по православной религиозной тематике. Наконец, развиваются и функционируют православные высшие учебные заведения, такие как Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, а также Российский Православный Университет и др.

Иными словами, мы видим, что в современной России уже сформирована полноценная система взаимодействия государства и религиозных организаций в образовательной сфере. При этом данное взаимодействие с течением времени лишь расширяет границы, за счет чего представители религиозного духовенства все чаще привлекаются в школы для организации и участия в определенных мероприятиях, проведения образовательных лекций и семинаров. Также необходимо отметить, что подобное активное участие в образовательной жизни страны характерно в основном для Русской Православной Церкви и ассоциированных с ней организаций. При этом мусульманские религиозные организации, как показывает анализ информационных и научно-исследовательских материалов, в меньшей степени заинтересованы в подобном участии.

Также в настоящее время не представляется возможным сформировать полноценный и комплексный ответ на вопрос о том, где проходят допустимые границы взаимодействия религиозных организаций и государства в сфере образования с точки зрения современного российского законодательства. Также не вполне очевидно то, как именно данное взаимодействие скажется не только

на качестве самого образования, но и на духовно-нравственном облике подрастающего поколения, так как ответ на данный вопрос будет получен лишь спустя годы.

В то же время современная система российского законодательства, регулирующая внутренние и внешние аспекты деятельности религиозных организаций в образовательной сфере, все еще остается несовершенной. Так, мы наблюдаем различные правовые коллизии, связанные с утверждением о формальной светскости государства и образовательной системы, которое сочетается с принятием новых законопроектов, которые предполагают расширение практического участия религиозных организаций в образовательном процессе.

Также в настоящее время не представляется возможным провести полноценную операционализацию некоторых понятий, которые фигурируют в принятой Стратегии национальной безопасности и Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Учитывая абстрактность и относительность таких терминов, как традиционные ценности, деструктивная идеология, духовность и нравственность, представляется необходимым конкретизировать российское законодательство, используя при этом более измеримые категории для того, чтобы в дальнейшем устранить оценочный компонент в ходе реальной правоприменительной практики.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 14.03.2023).
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 14.03.2023).
3. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 14.03.2023).
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 14.03.2023).
5. Беленчук, Л. Н., Прокофьева, Е. А. Духовно-нравственное воспитание в школе в документах государства и церкви / Л.Н. Беленчук, Е.А. Прокофьева // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2022. – №32. – С. 117 – 122.
6. Макарова, А. Н. Школа и церковь: возможность сотрудничества? / А.Н. Макарова // Религия и общество – 11: сборник научных статей. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. – С. 342 – 344.
7. «Нельзя допускать к детям религиозных фанатиков»: каким должен быть урок православной культуры // Мел. URL: <https://mel.fm/blog/marina-yevdokimova1/3549-nelzya-dopuskat-kdetyam-religioznykh-fanatikov-kakim-dolzhen-byt-urok-pravoslavnoy-kultury> (дата обращения: 14.03.2023).
8. Пигорева, О. В. Взаимодействие школы и религиозных организаций в образовательном пространстве центра России: государственная и региональная политика / О.В. Пигорева // Философия, этика и религиоведение. – 2017. – №6. – С. 82 – 91.
9. Расследование РБК: на что живет церковь. // www.rbc.ru. URL: <https://www.rbc.ru/investigation/society/24/02/2016/56c84fd49a7947ecbfff1473d> (дата обращения: 14.03.2023).
10. Религиозные организации в России // Росстат. Статистика и показатели. Региональные и федеральные. URL: <https://rosinfostat.ru/religioznye-organizatsii/> (дата обращения: 14.03.2023).

11. Шапошникова, Т.Д. Новый предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы религиозных культур и светской этики»: концептуальные подходы к учебнику / Т.Д. Шапошникова // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2012. – №4. – С. 156 – 181.

12. Шрейбер, В.К. Где границы сотрудничества школы и церкви? / В.К. Шрейбер // Религия и общество – 13. – Могилёв: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2019. – С. 273 – 276.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 321.013

*А.Р. Куделинская**Научный руководитель – кандидат исторических наук, Н.П. Гаврилюк***ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ**

В мире существует ряд территориальных объектов, которые не признаны международным сообществом в качестве независимых государств, но сохраняют свою политическую и культурную самобытность. Факторы, способствующие формированию этих территорий, могут быть различными: историческими, культурными, политическими и территориальными. Однако, как правило, наиболее важные роли играют историко-культурные и политические факторы. Именно они определяют уникальные черты данных территорий и формируют особый путь их развития, отличный от традиционных государственных образований.

Ключевые слова: непризнанные государства, сепаратизм, территориальный конфликт, международные отношения, факторы формирования.

*A.R. Kudelinskaya**Supervisor - candidate of historical sciences, N.P. Gavriilyuk***HISTORICAL-CULTURAL AND POLITICAL FACTORS OF THE FORMATION OF UNRECOGNIZED STATES**

There are a number of territorial entities in the world that are not recognized by the international community as independent States, but retain their political and cultural identity. The factors contributing to the formation of these territories can be different: historical, cultural, political and territorial. However, as a rule, historical, cultural and political factors play the most important roles. They determine the unique features of these territories and form a special way of their development, different from traditional state entities.

Keywords: unrecognized states, separatism, territorial conflict, international relations, factors of formation.

На текущий момент времени динамика развития международного пространства может быть охарактеризована с точки зрения двух противоположных тенденций. Первая связана с нарастающей глобализацией и унификацией мирового пространства, что, как правило, связано с адаптацией западного типа политического устройства, а также западной модели функционирования общества, основанной на мультикультурализме и капиталистическом укладе экономической жизни. Обратная тенденция связана с регионализацией, то есть формированием обособленных государственных образований, выпадающих из общего глобализационного тренда.

В этой связи необходимо обратиться к исследованию О.С. Федорова. Изучая трансформационные особенности современных международных процессов, он отметил: «в противовес приверженцам теории глобализации выступает исторический опыт, который показывает, что, зачастую, попытки создания

универсального государства заканчивались провалом, а сами государства распадались на более мелкие и независимые территориальные образования или вовсе исчезали с политической карты мира» [8, с. 128]. В качестве актуальных примеров реализации данного исторического принципа необходимо отметить результаты распада Югославии и СССР. В первом случае некогда единое балканское государство распалось на семь отдельных стран, в том числе частично признанную международным сообществом Республику Косово. В свою очередь распад СССР привел к образованию пятнадцати отдельных и признанных на международном уровне государств, а также впоследствии шести непризнанных государств, таких как Приднестровская молдавская республика, республика Арцах (Нагорный Карабах), Абхазия, Южная Осетия, а также Донецкая и Луганская Народные республики.

Американский специалист в области международных отношений Дж. Розенау в этой связи отметил, что современное мировое сообщество не стремится к глобализации. Наоборот, «наблюдается устойчивый процесс децентрализации международных связей» [9]. Следствием данной децентрализации выступает образование все новых государств, по-разному позиционируемых и воспринимаемых в современном пространстве международных отношений.

В этой связи необходимо рассмотреть теоретический подход к упорядочиванию государств, который в свое время был представлен китайским политическим и государственным деятелем Мао Цзэдуном. С точки зрения данного подхода существуют три мира. Среди стран первого мира мы обнаруживаем великие державы, или же «сверхдержавы», появившиеся в XX веке. К странам второго мира Мао Цзэдун отнес индустриально развитые государства. В свою очередь пространство третьего мира формируют развивающиеся страны, в большей степени зависимые от стран первого и второго миров.

Однако дальнейший анализ специфики устройства международной системы государств показал, что данную классификацию необходимо расширить. В результате в современной теории международных отношений появились т.н. страны четвертого и пятого миров. Если к странам четвертого мира относятся самые неблагополучные и бедные страны, то среди стран пятого мира мы обнаруживаем государства, которые не получили полное международное признание. Такие политические образования принято позиционировать как непризнанные государства.

Под непризнанными государствами в настоящее время принято понимать территориальные образования, которые обладают формальными признаками государственности, однако не имеют широкого международного и дипломатического признания. Отечественный специалист А. Большаков в этой связи подчеркивает, что непризнанные государства «представляют собой государственные образования, лишенные международной правосубъектности» [1, с. 84].

В данном контексте необходимо обратить внимание на существующую в современном международном дискурсе проблему, которая связана с правовой коллизией, возникающей между «правом государств на территориальную целостность» и «правом наро-

дов на самоопределение» [4, с. 42]. Последнее предполагает, что определенная преимущественно моноязычная общность обладает правом на отделение и создание собственного государства. Однако данное право необходимо позиционировать в большей степени как принцип, так как в объективном политическом выражении оно обладает существенными ограничениями. Данные ограничения связаны в первую очередь с тем, что успешный процесс самоопределения предполагает выход из состава уже существующего государственного образования, что требует «определенной поддержки влиятельных держав» [6, с. 60]. Кроме этого, новое государство должно обладать потенциалом для объективной политической и экономической самостоятельности.

Вместе с тем предполагается очевидным, что образование независимого государства, что является следствием открытого волеизъявления народа, прежде являвшегося частью другого государства, влечет за собой нарушение территориальной целостности данного государства. На этой почве, как правило, возникает острый конфликт между административным центром и «мятежной» периферией. В частности, результатом распада бывшей Югославии стал период затяжных военных конфликтов, который продолжался в течение десяти лет с 1991 по 2001 гг. В настоящее время конфликтная специфика отношений между балканскими государствами все еще не была устранена, так как в настоящее время мы наблюдаем новую волну обострения Сербско-косовского кризиса [7]. Столь же напряженной остается внешнеполитическая обстановка в регионе Закавказья, в частности, на территории Нагорного Карабаха.

Однако прежде необходимо определить историко-культурные и политические факторы, способствующие образованию непризнанных государств в современном мире.

В контексте описания историко-культурных факторов необходимо в первую очередь обратиться к проблеме национальной идентичности. Базово она представляет собой чувство принадлежности человека к конкретной национальной общности. Т. Мартин, в частности, отмечает, что Советский Союз изначально имел хрупкую модель функционирования и представлял собой т.н. «Империю позитивного действия». Советские руководители декларировали два проти-

воположных принципа социального развития, которые предполагали с одной стороны «нациестроительство», а с другой стороны жесткую централизацию всех управленческих процессов [10, р. 318].

Фактически Т. Мартин указывает на то, что развитие национального языка, культуры, традиций и обычаев жителей национальных республик привело в конечном итоге к формированию и укреплению собственной национальной идентичности, тяготеющей к формированию собственной государственности. В тот момент, когда общегосударственная «советская» идентичность утратила свою актуальность в период конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., в национальных республиках уже сложились культурные предпосылки для отделения и создания собственных государств. Схожую тенденцию мы наблюдаем в относительно малых этнических группах, таких как осетины и абхазы, которые не обрели собственную политическую субъектность в результате распада СССР, однако в результате длительной межэтнической борьбы сформировали два современных непризнанных государства – Южную Осетию и Республику Абхазию.

Таким образом, национальная идентичность, проявляющаяся в результате развития определенного языка, культуры, традиций и обычаев, выступает одним из ключевых историко-культурных факторов, способствующих появлению непризнанных государств.

Следующим фактором является несовпадение административно-политических и культурно-этнических границ. В составе СССР, как отмечает Л.Т. Кулумбегова, сравнительно бесконфликтное существование различных народов в условиях общих административных границ было возможно благодаря накладыванию общей рамки, будь то режимной, правовой, частично культурной и т.д. После распада СССР, повлекшего за собой ослабление различного рода границ, потенциальные возможности отделения стали более реальны, в результате чего на территории современного Приднестровья, Нагорного Карабаха, Южной Осетии и Абхазии возникли очаги военно-политического и межэтнического напряжения [5, с. 38].

Отдельного внимания в этой связи заслуживает конфликт между Арменией и Азербайджаном на территории Нагорного Карабаха. Исторически на данной террито-

рии проживали представители одновременно армянского и азербайджанского этноса, однако в настоящее время была образована Республика Арцах, имеющая прочные социально-экономические и политические связи с Арменией. В свою очередь Азербайджан заявляет свои собственные права на обладание данной территорией, в результате чего данный территориальный и межэтнический конфликт попеременно утихает и вновь обостряется на протяжении трех десятилетий.

Также одним из наиболее значимых факторов, способствующих образованию непризнанных государств, является притеснение отдельных национальных общностей и попытка их насильственной ассимиляции со стороны титульной нации государства. Частично схожие предпосылки способствовали образованию полностью непризнанного в настоящее время государства – Республики Косово.

В период 80-х годов проживающие на территории Косово албанцы организовали серию массовых протестов и выступлений с требованием предоставить Косово статус полноправной республики в составе Югославии. Выступления были подавлены федеральными силами, однако в дальнейшем, в ходе распада Югославии, возобновились вновь. Межэтнические противоречия обострились, в результате чего прозвучали призывы к «деалбанизации» Косово. В результате референдума 1989 г., прошедшего в Сербии, было отменено вещание государственных теле- и радиоканалов на албанском языке, также был распущен парламент Косово [2, с. 104]. В результате сербско-косовский антагонизм лишь нарастал с течением времени и привел к серии межэтнических военных конфликтов, промежуточным итогом которых стало создание независимой республики Косово, что вместе с тем не привело к окончанию конфликта, который не теряет свою актуальность и в настоящее время.

Отдельного внимания заслуживает определение политических факторов, способствующих образованию непризнанных государств в современном мире.

Одним из основных факторов является отсутствие административной автономии, а также политического представительства конкретной этнической общности, проживающей на территории многонационального государства. По причине этого определенные управленческие вопросы, актуальные для

этнической общности, не принимаются во внимание административным центром. В результате формируется устойчивая тенденция к сепаратизму и формированию собственных административных, полицейских и военных органов. Фактически формируется отдельное государство, которое перестает подчиняться административному центру.

Оставшиеся политические факторы связаны с ослаблением авторитета государства, а также постепенной утратой способности административных и политических элит управлять государством. Данные факторы частично изложены в книге М.В. Кревельда «Расцвет и упадок государства» [3].

В числе главного фактора автор отмечает утрату государством способности выполнять собственные функции. В этой связи граждане слабо участвуют в политическом процессе и не наблюдают устойчивую связь между собственными проблемами и стремлением государства способствовать их решению. Единственным вариантом решения данной проблемы становится создание собственного государства, со своими законами и государственным аппаратом.

Следующим фактором является мечта о независимости. Самоуправление выступает одним из ключевых условий, позволяющих различным этносам сосуществовать в рамках одного государства. Наиболее эффективно система национального самоуправления реализована в современной Испании, где существует 17 автономных сообществ, устроенных в основном по этническому признаку. При этом данная система самоуправления работает эффективно и позволяет данным сообществам оставаться в значительной степени независимыми. Однако в том случае, если данный запрос на независимость оказывается не реализован, возникает предметное желание самостоятельно получить право принимать собственные решения и не зависеть от того, кто не заинтересован в твоём благополучии. Вместе с тем пример Каталонии говорит о том, что развитая система самоуправления не в полной мере позволяет

нивелировать тенденции к обретению политической независимости.

Еще одним политическим фактором, способствующим развитию регионального сепаратизма и образованию непризнанных государств, является государственная политика, проводимая исключительно в интересах титульной нации государства. В подобных условиях формируются устойчивые предпосылки к развитию межэтнических противоречий и вооруженных конфликтов, а также к становлению новой государственности в противовес политике административного центра.

Таким образом, образованию непризнанных государств в настоящее время способствует несколько факторов, имеющих как культурно-историческую, так и политическую специфику.

Культурно-историческими факторами выступают развитие национальной идентичности, несовпадение административно-политических и культурно-этнических границ, которые были выставлены произвольно по итогам вхождения той или иной территории в состав государства. Также еще одним культурно-историческим фактором является существование длительного межэтнического антагонизма, который проявляется в открытых столкновениях между представителями нескольких этнических групп, в результате чего возникает также стремление к обретению собственной политической субъектности.

В числе политических факторов, способствующих образованию непризнанных государств, необходимо отметить отсутствие культурной и административной автономии, невыполнение государством собственных функций, стремление к политической независимости, а также целенаправленная государственная политика, ориентированная на титульную нацию государства, а не национальные меньшинства, испытывающие в данном случае определенную фрустрацию.

Таким образом, были раскрыты факторы, способствующие образованию непризнанных государств.

Список литературы:

1. Большаков, А.Г. Непризнанные государства европейской периферии и приграничья / А.Г. Большаков // Международные процессы. – 2007. – № 3 (15). – С. 83 – 88.
2. Витман, К.М. Албано-сербский межэтнический конфликт в Косово / К.М. Витман // Вестник национальной академии руководящих кадров культуры и искусств. – 2008. – №3. – С. 102 – 106.

3. Кревельд, М.В. Расцвет и упадок государства / М.В. Кревельд. – М: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
4. Кулумбегова, Л.Т. Политико-правовые и этносоциальные предпосылки формирования непризнанных государств / Кулумбегова, Л.Т. // Международные отношения. – 2018. – № 4. – С. 42 – 48.
5. Кулумбегова, Л.Т. Проблема национальной идентичности как фактор возникновения непризнанных государств на постсоветском пространстве / Кулумбегова, Л.Т. // Международные отношения. – 2018. – № 2. – С. 32 – 39.
6. Мелешкина, Е.Ю. Сепаратизм на постимперском пространстве: Косово, Абхазия, Южная Осетия / Е.Ю. Мелешкина // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – №1. – С. 56 – 80.
7. Сербия на грани войны с Косово: Сербия строят баррикады, слышны выстрелы. URL: <https://www.kp.ru/daily/27482.5/4690928/> (дата обращения: 05.01.2023).
8. Федоров, О.С. Характеристика подходов в изучении вопросов становления непризнанных государств / О.С. Федоров // Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты: сборник материалов Всероссийской научной конференции. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. – С. 127 – 133.
9. Цыганков, И. Мировая политика и ее содержание / И. Цыганков // Журнал международных отношений и мировой политики «Международные процессы». URL: <http://www.intertrends.ru/old/seventh/005.htm> (Дата обращения: 05.01.2023).
10. Martin, T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923 – 1939 / T. Martin. – Ithaca and London: Cornell Univ. Press, 2001. – p. 318.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 329.058

*А.О. Меньшова**Научный руководитель – доктор политических наук, доцент К.В. Старостенко*

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ПРОЦЕССЕ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ

В настоящее время в мире начинает преобладать тенденция, связанная с усилением авторитаризма. Однако является ли она необратимой? Или же современная политическая наука способна дать ответ на вопрос о том, за счет чего именно обеспечивается устойчивость демократических политических режимов? Представляется, что одним из ключевых субъектов политического процесса, участвующих в процессе консолидации демократии, являются политические партии. В рамках данной статьи предпринимается попытка выявить роль политических партий в данном процессе, а также определить основные направления их деятельности по укреплению демократии.

Ключевые слова: демократия, транзит, политическая партия, институт, консолидация демократии.

*A.O. Menshova**Supervisor – Doctor of Political Sciences, Associate Professor K.V. Starostenko*

THE ROLE OF POLITICAL PARTIES IN THE PROCESS OF CONSOLIDATION OF DEMOCRACY

At present, the trend associated with the strengthening of authoritarianism is beginning to prevail in the world. However, is it irreversible? Or is modern political science able to answer the question of what exactly ensures the stability of democratic political regimes? It seems that one of the key subjects of the political process, participating in the process of consolidation of democracy, are political parties. Within the framework of this article, an attempt is made to identify the role of political parties in this process, as well as to determine the main directions of their activities to strengthen democracy.

Key words: democracy, transit, political party, institution, consolidation of democracy.

С наступлением XXI в. научные споры о ключевых факторах и детерминантах демократизации все еще активно ведутся, что во многом обусловлено уникальной спецификой конкретных политических режимов, сложившимися традициями и обычаями, особенности которых накладывают существенный отпечаток на характер любых институциональных изменений. На данный фактор, в частности, указали венгерские исследователи Б. Мадьяр и Б. Мадлович. Анализируя особенности демократического перехода в условиях посткоммунистических режимов, они обнаружили, что реформирование «институционального фасада» не является достаточным для того, чтобы демократический переход был завершен успешно. Собственное открытие они объяснили тем, что в традиционных демократиях такие сферы социального действия, как общинная, социальная и политическая отделены друг от друга. Однако в условиях СССР и некоторых других коммунистических стран они были едины, что стало причиной усиления роли таких нефор-

мальных политических институтов, как коррупция, блат, клиентелизм и др. В этой связи Б. Мадьяр и Б. Мадлович отметили следующее: «Формальные институты демократии могут влиять на уровень разделения сфер в долгосрочной перспективе, как это произошло на Западе и не только, но людей нельзя изменить, просто установив для них новый формальный институциональный режим. Напротив, именно люди «заселяют» эти институты, и если их понимание разделения сфер отличается от институционально предписанного, то неформальная интерпретация формальных институтов одержит верх в политической системе» [3, с. 77].

Иными словами, ключевым условием успешной демократизации политического режима является готовность самого общества усвоить демократические принципы и «правила игры», а также готовность их отстаивать, так как реальная власть в любой политической системе принадлежит определенным институтам. Задача общества, в свою очередь, заключается в том, чтобы осуществлять

контроль за деятельностью политических институтов, а также участвовать в процессе их формирования и развития.

На аналогичную проблему, связанную с тем, что у общества не был сформирован запрос на то, чтобы принять демократические нормы и принципы, указали западные исследователи Т. Карозерс, Г. О'Доннел, а также Ф. Шмиттер и др. Они обнаружили, что во многих латиноамериканских странах, среди которых были выделены в том числе Аргентина и Бразилия, процессы демократизации также не были полностью завершены. Иными словами, в этих странах не была сформирована «консолидированная демократия».

По мнению самого Ф. Шмиттера, консолидированная демократия является результатом «процесса, при котором эпизодические соглашения, половинчатые нормы и случайные решения периода перехода от авторитаризма трансформируются в отношения сотрудничества и конкуренции, прочно усвоенные, постоянно действующие и добровольно принимаемые теми лицами и коллективами (т. е. политиками и гражданами), которые участвуют в демократическом управлении» [5]. Таким образом, консолидация демократии представляет собой процесс, на успешное завершение которого могут одновременно влиять сразу несколько факторов, включая институциональный и культурно-ценностный. Вместе с тем в современных политических системах, которые номинально являются демократическими, существует такой субъект, как политическая партия. Фактически политические партии представляют собой тип политического института, так как они встроены в политическую систему и осуществляют свою деятельность на основе общих законов и принципов. В то же время политические партии, особенно массовые, регулярно участвуют в процессе формирования в обществе определенного типа политической культуры, изменяя тем самым ценностный ландшафт всего государства.

В этой связи необходимо глубже осмыслить роль политических партий в процессе консолидации демократии. Однако прежде необходимо определить то, что именно следует понимать под политической партией с точки зрения современной науки о политике.

Классическое определение политической партии представил американский поли-

толог, а также один из авторов теории рационального выбора – Энтони Даунс. С его точки зрения, под политической партией необходимо понимать «команду людей, стремящихся к осуществлению контроля над государственным аппаратом путем занятия официальных должностей через надлежащим образом организованные выборы» [6, р. 25]. Данное определение является универсальным, так как структурно-функциональные характеристики политических партий изменялись с течением времени, однако ключевой целью их деятельности всегда являлось получение определенного объема политической власти. Вместе с тем данное определение не позволяет нам определить результирующий потенциал политических партий как субъекта демократизации. В этой связи необходимо обратиться к определению Дж. Сартори, который предположил, что политические партии в современном государстве играют особую посредническую роль. Иными словами, политическая партия есть «главная промежуточная и посредническая структура между обществом и правительством» [8, р. 9].

Однако роль политических партий как посредника представляется недостаточно конкретизированной. Исходя из представленного ранее определения консолидированной демократии следует, что ее обеспечение требует значительных коллективных усилий, которые должны иметь предметный характер. В этой связи необходимо обратиться к рассмотрению конкретных функций политических партий, реализация которых обеспечивает успешное закрепление демократических принципов функционирования всего общества.

Канадско-британский политолог Энтони Кинг предположил, что политические партии, во-первых, структурируют предпочтения избирателей [4, с. 278]. Данная функция является ключевой, так как в условиях не до конца сформировавшегося общества его цели и предпочтения, а также образы будущего также являются расплывчатыми. В результате возрастают риски внешнего манипулирования интересами общества со стороны тех или иных субъектов политического процесса. В этой связи политические партии могут выступить как противовес внешним манипуляциям и обозначить те общественные задачи, решение которых действительно является актуальным и важным для общества.

Во-вторых, политические партии способствуют политической интеграции и мобилизации общества. Политическая мобилизация является одним из ключевых факторов, влияющих на устойчивость демократических режимов, так как она является в том числе индикатором заинтересованности общества в активном политическом участии. Если степень политического участия граждан будет оставаться на низком уровне, то политическая система начнет функционировать исходя из внутренних, а не внешних запросов, в результате чего развитие получат авторитарные тенденции.

В-третьих, политические партии агрегируют интересы общества. Функция агрегирования не является синонимичной структурированию, так как ее основной целью является не просто попытка четко сформулировать интересы граждан, а желание интегрировать их в рамки конкретной политической программы, предполагающей реальные действия по практической реализации данных интересов.

В-четвертых, политические партии оживляют политический процесс, участвуют в формировании правительства, а также рекрутируют новых политических лидеров, обеспечивая тем самым обновление кадрового состава политических институтов. Данный аспект деятельности политических партий напрямую влияет на конкурентность политической системы, а также ее демократический характер.

Однако на этом роль политических партий в контексте консолидации демократии не исчерпывает себя. Дело в том, что по итогам демократического транзита у общества в некотором смысле «открывается второе дыхание», что связывается с резким повышением уровня политической и электоральной активности. Например, в России в период с 1990 по 1999 гг. общее количество различных общественных объединений, включая политические партии, выросло с 18,3 тыс. до 144,6 тыс. [2, с. 120]. Однако в дальнейшем законодательство изменилось, что привело к снижению общего количества общественных объединений, а также формированию однородной модели электоральной активности. Также выделилось несколько ведущих политических партий, программные положения соответствовали интересам большинства граждан. В результате политические партии осуществили электоральную

стабилизацию, главным показателем которой является общая электоральная волатильность [4, с. 289]. По мере установления электоральной стабильности общая электоральная волатильность снижается, что говорит о том, что политическая система постепенно приходит в равновесие, а общество начинает предпочитать предсказуемые формы электорального и политического участия, которые не несут угрозы демократическим преобразованиям.

Также политические партии способствуют формированию и закреплению определенных паттернов политической конкуренции. В условиях авторитаризма политическая конкуренция существует исключительно номинально, в то время как в демократии наблюдается становление конкурентной политической системы, в рамках которой политические партии и другие политические силы участвуют в реальной борьбе за власть. Результатом конкуренции становится преемственность политической власти, которая обеспечивается исключительно за счет честных выборов.

Более того, честность и прозрачность электоральных процедур, которая является одним из ключевых атрибутов консолидированной демократии, также может быть обеспечена в результате деятельности партий по привлечению независимых наблюдателей на выборы. Так, партия ЯБЛОКО создала специальный интернет-ресурс, который позволяет каждому желающему стать наблюдателем [1]. Деятельность наблюдателей заключается в том, чтобы следить за тем, чтобы процесс выборов проходил без каких-либо нарушений, которые в перспективе могут повлиять на результаты выборов.

Также политические партии создают образ живой и динамичной политической системы, которая в действительности функционирует на демократических началах. В результате подобного образа восприятия у населения формируется представление о легитимности действующей власти. Таким образом также обеспечивается стабильность демократической политической системы. Как писал Хуан Линц: «в конечном итоге демократическая легитимность основана на убеждении в том, что для данной конкретной страны в данный конкретный период ее истории ни один другой режим не мог бы обеспечить более успешную реализацию коллективных целей» [7]. Иными словами, пред-

ставление о легитимности текущего политического режима, формируемое в результате деятельности политических партий, является одним из ключевых условий политической стабильности.

Наконец, последним фактором успешной деятельности политических партий по укреплению и консолидации демократии является т.н. «анкеровка», означающая закрепление тех или иных институциональных структур и практик. Данные структуры представляют собой легитимное с точки зрения демократических представлений пространство взаимодействия политических элит и общества. Политические партии, в свою очередь, формируют данное пространство, а также поддерживают его функционирование. В качестве примера необходимо отметить различные форумы и семинары, а также митинги и в том числе процедуры голосования. Так как политические партии обладают значительным организационным потенциалом, это позволяет направить энергию общества в то русло, которое соответствует демократическим критериям функционирования обще-

ства. В результате потенциально деструктивная энергия за счет «анкеровки» может быть направлена в конструктивное русло.

Таким образом, роль политических партий в процессе консолидации демократии во многом является определяющей, так как партии, с одной стороны, непрерывно участвуют в политической жизни общества, а также взаимодействуют с ним, оказывая тем самым влияние на ценностный ландшафт всей политической системы, а с другой стороны, способствуют закреплению и бесперебойному функционированию демократических институтов и практик.

Вместе с тем мы не можем говорить о том, что результатов деятельности одних лишь политических партий достаточно в контексте закрепления итогов демократизации. Связано это во многом с тем, что общество может быть не готово к подобным кардинальным преобразованиям. В результате построения успешной и устойчивой демократии возможно говорить лишь в том случае, если в ней заинтересовано и общество, и сами политические элиты.

Список литературы:

1. Запись наблюдателей на выборы // Партия ЯБЛОКО. URL: <https://www.yabloko.ru/control> (дата обращения: 27.03.2023).
2. Левкина, Л.И. Потенциал влияния «самоорганизующихся снизу» сообществ на становление гражданского общества в РФ / Л.И. Левкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2016. – № 2 (42). – С. 118 – 127.
3. Мадьяр, Б., Мадлович, Б. Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура / Б. Мадьяр, Б. Мадлович. Т.1; пер. с англ. Ю. Игнатъевой под ред. А. Решетникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 744 с.
4. Харпфер, К.В., Бернхаген, П., Инглхарт, Р.Ф., Вельцель, К. Демократизация / К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 630 с.
5. Шмиттер, Ф. «Угрозы и дилеммы демократии» / Ф.Шмиттер // Русский журнал. URL: <http://old.russ.ru/antolog/predely/1/dem2-2.htm> (дата обращения: 16.03.2023).
6. Downs, Anthony. An Economic Theory of Democracy / Anthony Downs. – New York: Harper, 1957. – 310 p.
7. Linz, J. Juan. «An Authoritarian Regime: The Case of Spain» / J. Juan Linz // Cleavages, Ideologies, and Party Systems: Contributions to Comparative Political Sociology (Helsinki: Transactions of the Westermarck Society). – pp. 291 – 342.
8. Sartori, Giovanni. Parties and party systems: a framework for analysis / Giovanni Sartori. – Colchester: ECPR Press, 2005. – 342 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 323

*A.S. Moiseev**Научный руководитель – доктор политических наук, доцент К.В. Старостенко***РЕФОРМЫ В КЫРГЫЗСТАНЕ В ПЕРИОД 1991 – 2010 ГГ.**

В этой статье рассматриваются ключевые реформы в Кыргызстане, проводимые в целях улучшения и преобразования экономических, политических и административных институтов. Данные реформы проводились в течение 20 лет, после распада СССР и становления Кыргызстана, как независимого государства. Кроме того, будут подведены краткие итоги проведенных реформ и влияния их на развитие страны.

Ключевые слова: Кыргызстан, институты государственного сектора, политические, экономические и административные реформы, институциональные изменения.

*A.S. Moiseev**Supervisor - Doctor of Political Sciences, Associate Professor K.V. Starostenko***REFORMS IN KYRGYZSTAN IN THE PERIOD 1991 – 2010**

This article examines key reforms in Kyrgyzstan to improve and transform economic, political and administrative institutions. These reforms were carried out for 20 years, after the collapse of the USSR and the formation of Kyrgyzstan as an independent state. In addition, brief results of the reforms carried out and their impact on the development of the country will be summed up.

Key words: Kyrgyzstan, public sector institutions, political, economic and administrative reforms, institutional changes.

В первые годы независимости (1990-е гг.) Правительство Кыргызстана начало серию смелых реформ. Общей целью которых было преобразование институтов государственного сектора страны в сторону демократической политической системы и рыночной экономики.

По большинству показателей развития Кыргызстан сейчас входит в число отстающих государств по сравнению с другими республиками бывшего Советского Союза. Ухудшение экономического климата и высокий уровень безработицы вынуждают квалифицированную рабочую силу искать работу в других странах. Эти и другие соответствующие показатели, обсуждаемые в данном анализе, свидетельствуют о том, что реформы не достигли своих целей, по крайней мере, по состоянию на 2010 год. Статья особенно актуальна сегодня, когда новое руководство страны предпринимает попытку очередной крупной волны преобразований институтов государственного сектора. Кроме того, работа полезна для других стран, сталкивающихся с аналогичными проблемами при повышении эффективности своих институтов государственного сектора.

Реформы государственного сектора Кыргызстана 1991 – 2010 гг. и их итоги.

Начальный этап проведения реформ характеризовался изрядным энтузиазмом и радикальными инициативами руководства страны во главе с первым президентом Аскармом Акаевым. Основные доноры, такие как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк и правительство США, активно поддерживали и определяли широкую программу реформ в обмен на их техническую и финансовую помощь. Движущей силой этого этапа реформ была идея о том, что рыночный и политический плюрализм создаст импульс для создания эффективных институтов государственного сектора

Макроэкономические реформы. После распада Советского Союза Кыргызстан оказался отрезанным от субсидий Москвы, которые в то время составляли 10% его ВВП. Экономика Кыргызстана также оказалась в тяжелом кризисе, так как была включена в экономическую инфраструктуру других республик бывшего СССР. Таким образом, наиболее актуальным вопросом было восстановление и стабилизация экономики. Отчасти из-за этой чрезмерной внешней экономической зависимости новое правительство бы-

ло вынуждено искать средства у финансовых организаций в обмен на обязательство провести ряд институциональных реформ.

Международные агентства по развитию с тех пор помогали правительству в проведении большинства этих реформ. МВФ был одним из первых, кто помог Кыргызстану, предложив в 1993 г. первоначальный кредит при условии, что новое правительство примет и осуществит макроэкономические реформы либерализации. Стратегия так называемой «взрывной» макроэкономической реформы МВФ состояла из следующих компонентов, которые должны были осуществляться одновременно: (1) либерализация цен и устранение торговых барьеров; (2) макроэкономическая стабилизация, т.е. установление контроля над инфляцией и ее снижение во времени; (3) реструктуризация и приватизация для создания жизнеспособного финансового сектора и реформирования предприятий, чтобы они могли производить товары для свободного рынка и передавать свою собственность в частные руки; и (4) правовые и институциональные реформы, необходимые для переопределения роли государства в экономике, установления верховенства права и введения политики конкуренции.

Первые результаты экономических реформ были обнадеживающими. Если в первой половине 1990-х гг. экономический рост был отрицательным, а ВВП на душу населения падал на 50% от ВВП 1991 года, то во второй половине эта тенденция изменилась на обратную. К 1996 г. закончилась гиперинфляция; ВВП увеличился на 2,1%, промышленное производство – на 7,5%, сельскохозяйственное производство – на 8,1%. Приватизация также была быстрой. К 1996 г. было приватизировано 97% торговли, 80% промышленности и около 50% других секторов экономики. Были созданы банковская система, рынки ценных бумаг и регистрация собственности. В 1998 г. Кыргызстан первым среди бывших социалистических республик вступил во Всемирную торговую организацию (ВТО).

В целом макроэкономические реформы имели неравномерный успех. Первоначальные успехи включали стабилизацию темпов инфляции, либерализацию цен и обменных курсов и введение национальной валюты. Но в течение нескольких лет в стране наблюдался рост бедности, неравенства и коррупции.

В настоящее время 40% населения живет за чертой бедности с увеличивающимся разрывом в доходах. В последние несколько лет экономика Кыргызстана характеризовалась обширной трудовой эмиграцией из-за высокого уровня безработицы и притягивающих сил быстрорастущих соседних экономик. По некоторым оценкам, от 350 000 до 800 000 взрослых из 6,7 млн населения работают в качестве трудовых мигрантов в других странах, в основном в России. За 20 лет реформ вместо ожидаемой эффективной и открытой рыночной экономики сложилась нефункциональная экономическая система, в которой ресурсы распределяются неэффективно и несправедливо. Более того, реформы и политико-административная система противоречили друг другу

Политические реформы. Политические реформы в Кыргызстане, аналогичные макроэкономическим, стартовали на волне энтузиазма руководства А. Акаева. Они также пользовались сильной поддержкой западных правительств. Новая конституция страны в 1993 г. установила парламентскую демократию с широкими правами граждан и разделением власти между тремя ветвями власти. Количество политических партий, независимых СМИ и некоммерческих организаций стремительно увеличивалось. Политические и макроэкономические реформы правительства первоначально были отмечены как успешные. Кыргызстан воспринимался как «островок демократии» в регионе, где другие лидеры были менее открыты для таких реформ.

Но это длилась недолго. К концу 1990-х гг. позитивный имидж страны начал угасать, поскольку уровень коррупции в правительстве и внешний долг достигли самых высоких показателей. Некоторые предполагают, что существует причинно-следственная связь между иностранной помощью и коррупцией. Оппозиционные партии и СМИ сообщали о том, что правительство ужесточает контроль над их деятельностью. Ряд конституционных поправок и другие способы изменения политических институтов стали нормой, что привело к крайне несбалансированному распределению полномочий с серьезными последствиями для легитимности государства и эффективности государственных институтов.

В первоначальную конституцию 1993 г. страны несколько раз вносились поправки. Первое конституционное изменение, иници-

ированное президентом Акаевым, увеличило полномочия президента за счет законодательной власти. Первоначальная конституция 1993 г. предоставила парламенту право определять внутреннюю и внешнюю политику, но после конституционных изменений президент возглавил эти направления. Конституционный референдум 1996 г. заменил ранее сильный однопалатный парламент двухпалатным.

Референдум 1998 г. внес дополнительные изменения в конституцию. Это увеличило число законодателей в нижней палате и сократило число законодателей в верхней палате. Он ввел правило, согласно которому четверть депутатов избирались по партийным спискам, а также отменил неприкосновенность депутатов. Эти конституционные изменения вводились и реализовывались вместе с более прогрессивными мерами, такими как право на частную собственность и запрет на принятие законов, ограничивающих свободу слова.

Ближе к истечению срока полномочий, в рамках подготовки к дальнейшей политической карьере, в феврале 2003 г. Акаеву удалось еще раз изменить конституцию. Это было обусловлено необходимостью преодоления политического кризиса, возникшего после расстрела правительственными войсками пяти человек среди мирных демонстрантов в южной области Аксай годом ранее. Изменения укрепили власть президента, предоставив президенту и членам его семьи иммунитет от судебного преследования при его отставке (эта мера была отменена после мартовской революции 2005 г.) [4].

Двухпалатный парламент был заменен однопалатным органом. Вместо выборов в парламент на партийной основе новая конституция вновь ввела мажоритарную систему. Эти изменения были призваны закрепить влияние бывшего президента на политические решения в стране за счет укомплектования нового парламента лояльными ему людьми. Эти изменения также сделали политические партии излишними и подорвали политический плюрализм. Через месяц это привело к народному восстанию, и Акаев был вынужден бежать из страны.

Президент К. Бакиев пришел к власти после восстания в марте 2005 г. при условии, что он восстановит баланс сил. Он не только медлил с такими реформами, но и сопротивлялся перераспределению власти, используя

неформальные тактики и натравливая оппозиционеров друг на друга. Наконец, на референдуме в октябре 2007 г. он внес новые изменения в конституцию, которые фактически усилили его полномочия, и вновь ввел выборы в парламент по партийным спискам. Затем Бакиев быстро распустил парламент и инициировал новые парламентские выборы в декабре 2007 г. На этих выборах президентская партия «Ак Жол» получила 71 место из 90, в то время как крупнейшая оппозиционная партия «Ата-Мекен», несмотря на свою значительную базу поддержки, получила множество голосов. Эти выборы также подверглись критике за то, что ими активно манипулировали президент и его сторонники.

Более того, наряду с реформами формальных политических институтов, неформальные институты также подвергались широкому манипулированию со стороны политических чиновников и формировались для достижения своих частных целей. Например, советы сельских старейшин (аксакалов) регулярно привлекались и использовались для обеспечения голосов на президентских и парламентских выборах и референдумах. Отсюда появился новый термин «дежурные аксакалы», который означает «подчиненные аксакалы». Аналогичная тактика применялась в отношении других групп, обладающих влиянием на избирателей и общественность в целом, таких как школьные учителя и лидеры общественного мнения. Эти манипуляции неформальными группами способствовали падению легитимности и влияния этих институтов, которые традиционно были инструментальными в общественном самоуправлении.

В итоге, путем ряда конституционных изменений и неформальных практик политическая система превратилась в нефункциональную с чрезмерной концентрацией власти в руках президента. Как и в случае с макроэкономическими реформами, первые шаги по трансформации политических институтов были многообещающими.

Еще один шанс для подлинной реформы политических институтов появился после второго народного восстания 7 апреля 2010 г., в результате которого Бакиев был свергнут. Над новой редакцией конституции работало временное правительство, состоявшее из бывших оппозиционеров при Бакиевском режиме. Последний широко обсуждался и был одобрен на референдуме 26 июля 2010

года. Главное изменение в новой конституции заключается в том, что она вновь ввела парламентскую форму правления. Сторонники парламентского режима утверждают, что эта форма правления станет для Кыргызстана эффективным механизмом, позволяющим избежать семейного режима, как это было при двух предыдущих президентах. Парламентские выборы состоялись 26 октября 2010 г. Эти выборы были признаны свободными и справедливыми по сравнению с предыдущими.

Административные реформы. Административные реформы, предпринятые в Кыргызстане за 20 лет, можно разделить на три отдельных этапа с точки зрения значимости, которую они получили. Во-первых, в первые годы независимости, реформаторские усилия были в основном сосредоточены на преобразовании макроэкономических и политических институтов. При этом забота об эффективности и возможностях государственных органов в значительной степени игнорировалась. Административные реформы сводились в основном к приватизации и сокращению государственных организаций.

На втором этапе, с 1997 г. по 2005 г., администрация Акаева предприняла значительные усилия по реформированию административной системы при поддержке международных организаций, особенно Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и при сильной поддержке Всемирного банка. Международные агенты поддерживали идею эффективного управления, центральной темой которого является укрепление административных институтов для обеспечения надлежащих условий для бизнеса, удовлетворения социальных потребностей и сокращения бедности. Извлекая уроки из предыдущей волны реформ, МВФ и Всемирный банк частично отказались от своих прежних предположений об «институциональном вакууме» в пользу более реалистичных оценок ситуации и потребностей на местах. Правительство Кыргызстана с готовностью присоединилось к этим реформам, рассматривая на достаточное финансирование.

Наибольший прогресс был достигнут в разработке различных типов законодательства и стратегий по созданию различных органов для надзора за их реализацией. По словам бывшего министра экономического развития и торговли Акылбека Жапарова, за 17 лет независимости Кыргызстана с 1991 г. по

2007 г. было принято в общей сложности 270 различных стратегий и концептуальных документов, и около 120 из них были аннулированы, что побудило его предложить мораторий, чтобы остановить принятие различных стратегий. Неудивительно, что реализация этих документов и стратегий была минимальной или поверхностной.

Более того, реформы затронули нижние уровни управления, но не затронули высшие уровни, где возникли проблемы, такие как дублирование функций аппаратов президента и премьер-министра и отраслевых министерств. Исключения касаются политически нейтральных и технических аспектов реформы, такие как реформы электронного управления.

Например, общенациональное исследование 2001 г. показало, что в реформах государственной службы было достигнуто мало улучшений, таких как определенная степень конкурсного найма и знание законодательства. Прием на государственную службу по конкурсу по-прежнему был скорее исключением, чем правилом; заработная плата государственных служащих была очень низкой, а системе, по-прежнему, не хватало прозрачности в отношении конфликта интересов. В целом реформы государственной службы не привели к ожидаемым позитивным изменениям в административной системе. Список основных нерешенных проблем остался прежним: низкая административная компетентность/потенциал; чрезмерная политизация административной системы; незаконное и неадекватное вмешательство органов исполнительной власти в экономику; плохая реализация политики и отсутствие прозрачности [1].

В целом административная система в этот период претерпела некоторые формальные институциональные изменения, но практика не улучшилась. Несмотря на некоторые положительные изменения, эти административные реформы носили бессистемный и в основном косметический характер. Они больше сосредоточились на правовых, технических и организационных изменениях, отчасти из-за слабого потенциала и слабого надзора и дисциплины в государственных организациях.

Третий этап административных реформ соответствует периоду между 2005 и 2010 годами, когда К. Бакиев пришел к власти в результате общественного восстания, сверг-

нувшего А. Акаева с его поста. Бакиев пообещал повысить эффективность правительства за счет реформ управления. В первые годы президентства Бакиева значимость административных реформ была снижена.

Были демонтированы реформаторские стратегии и органы, созданные для их контроля во время президентства Акаева. Президент вводил новых политических назначенцев. Последние, в свою очередь, приводили на государственную службу своих людей без учета принципов, основанных на заслугах, введенных в результате предыдущих административных реформ. Кроме того, не были исключены и новые политические назначения, эксперты и чиновники, работавшие над административными реформами до революции. Их тоже сменили новые люди, лояльные президенту, но не всегда квалифицированные и опытные в административной реформе и политике.

Более того, часть реформ использовалась для дальнейшего продвижения политических и экономических амбиций узкой группы лиц. В конце 2009 г. и начале 2010 г. Бакиев компенсировал свои первоначальные медленные темпы проведением ряда радикальных реформ, которые вызвали серьезные опасения по поводу их пользы для общества и подорвали эффективность институтов государственного сектора. Последний год его президентства пошел вразрез с провозглашенными им в программе реформ принципами общественного контроля.

В действительности реформы использовались для концентрации политической власти в руках президентской семьи. Сын президента Максим Бакиев, назначенный руководителем ведомства по развитию, инвестициям и инновациям, был известен подозрениями в причастности к крупномасштабной тайной экономической деятельности в Кыргызстане и за его пределами. Это ведомство фактически дублировало функции существующих государственных органов и министерств. Более того, у него была сомнительная корпоративная структура и механизмы подотчетности, и он был выведен из-под контроля со стороны правительства и законодательной власти. Государственные средства, полученные этим агентством, находились в ведении частной компании MGN Consulting, в отношении главы которой впоследствии был выдан ордер на арест за крупномасштабное мошенничество в Италии.

Таким образом, в дополнение к замене опытных государственных служащих людьми, лояльными президенту, административная система подвергалась усилению патронажных сетей, непоследовательным и частым изменениям в законодательстве, политической нестабильности и повсеместной коррупции.

В совокупности это привело к обществу недовольству и народным восстаниям, которые вынудили Бакиева уйти от власти в апреле 2010 года. В настоящее время новое правительство борется с этим тяжелым наследием. Ключевыми задачами являются обеспечение стабильности и создание условий для формирования легитимного управления и функциональной экономики.

В целом ранние реформы, особенно направленные на преобразование экономических и политических институтов, начались в Кыргызстане с очень многообещающей ноты. Однако после первоначальных успехов в проведении политических и макроэкономических реформ качество управления начало ухудшаться, о чем свидетельствовали широко распространенный общественный цинизм, разочарование в правительстве и усиление коррупции.

Руководство страны, в котором доминировала роль президента, не проявляло постоянной и подлинной заинтересованности в совершенствовании институтов государственного сектора посредством реформ. В среднем одно министерство должно было подготовить и представить в аппарат президента до 80 отчетов о реализации тех или иных реформ [3]. Вывод органов местной государственной администрации из-под местного самоуправления также ограничил бы контроль со стороны центральной власти. Введение большей подотчетности и прозрачности выявило бы недостатки политиков. Таким образом, реальные положительные улучшения в институтах государственного сектора были очень ограниченными.

Во всяком случае, реформы государственного сектора в основном использовались для продвижения политических и экономических интересов тех немногих наверху, которые знали, как управлять системой. Оба президента не хотели отказываться от контроля над другими ветвями и уровнями власти. Произошло как раз обратное: оба президента сосредоточили власть в своих руках и в руках своих семейных и дружеских

сетей под предлогом реформ государственного сектора. То же самое имело место и на горизонтальных уровнях: президенты узурпировали функции как законодательного органа, так и кабинета министров, создавая параллельные структуры, неподконтрольные законодательному органу и правительству. подотчетные президенту (на республиканском, областном и районном уровнях) представители власти не только обеспечивали личное влияние президентов на местах, но и подрывали авторитет органов местного са-

моуправления. Дублирование функций приводило не только к неэффективности, но также породило плохую подотчетность и коррупцию. Вдобавок к этой искаженной формальной структуре власти и громоздким и дублирующим организационным механизмам обе исполнительные власти широко полагались на неформальные структуры, начиная от советов пожилых людей и заканчивая тайными экономическими группами, для расширения своей власти.

Список литературы:

1. Указ Президента Кыргызской республики «Национальная стратегия сокращения бедности на 2003 – 2005 годы» от 8 мая 2003 г. № 269 // Министерство юстиции Кыргызской республики: офиц. сайт. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/56585> (дата обращения: 16.03.2023).
2. Указ Президента Кыргызской республики «Стратегия развития страны на 2007 – 2010 годы» от 16 мая 2007 г. № 249 // Министерство юстиции Кыргызской республики: офиц. сайт. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/62531> (дата обращения: 16.03.2023).
3. Муканова, Н. А. Оценка новых реформ государственного управления в Кыргызской Республике / Н.А. Муканова // *Mixes, Matches and Mistakes*. – Будапешт, 2008. – С. 197 – 297.
4. Jenkins, K. The Kyrgyz Revolution: One Step Ahead or Two Steps back? / K. Jenkins // *Central Asia – Caucasus Analyst*. – 2005. – 21 September.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 323.283

*Е.О. Смирнова, Е.С. Яценко**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В.В. Курков*

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема использования различных информационных ресурсов и технологий в целях осуществления тех или иных террористических действий, направленных на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в различных странах. Распространение «фейковых новостей», появление новых методов информационного воздействия, а также развитие технологий, позволяющих нанести ущерб информационной инфраструктуре государства, представляют собой примеры информационного терроризма. В связи с этим авторы научной статьи предпринимают попытку осмыслить данное понятие, а также на основании эмпирических данных определить способы противодействия информационному терроризму как новой угрозе национальной безопасности России.

Ключевые слова: национальная безопасность, информационный терроризм, информационная война, гибридная война, Интернет, «фейк-ньюс», кибертерроризм.

*Е.О. Smirnova, E.S. Yatsenko**Supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor V.V. Kurkov. Kurkov*

INFORMATION TERRORISM AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

At present, the problem of using various information resources and technologies in order to carry out certain terrorist actions aimed at destabilizing the domestic political situation in various countries is of particular relevance. The spread of "fake news", the emergence of new methods of information influence, as well as the development of technologies that can damage the information infrastructure of the state, are examples of information terrorism. In this regard, the authors of this scientific article make an attempt to comprehend this concept, as well as, on the basis of empirical data, to determine ways to counter information terrorism as a new threat to Russia's national security.

Key words: national security, information terrorism, information war, hybrid war, Internet, fake news, cyber terrorism.

Развитие современных типов интернет-коммуникации стало причиной формирования новой потенциальной угрозы национальной безопасности современной России – информационного терроризма. Однако сама по себе информация, а также различные методы ее использования, которые в том числе могут быть применимы в целях дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в конкретном государстве, существовали на протяжении всей истории человеческой цивилизации.

В частности, в древнем трактате «Манавадхармашастра», или так называемых «Законах Ману», предписывалась необходимость склонить воинские подразделения противника к бегству, внося в них раскол в том числе посредством информационно-психологического воздействия. Данный принцип ведения как наступательных, так и

оборонительных войн в дальнейшем был взят на вооружение многими военными стратегами как в период Античности, так и Средневековья, а затем и Нового времени, что подтверждает его универсальность и потенциальную эффективность [5, с. 51].

Отдельного внимания заслуживает китайская философия военного искусства, которая также предписывала использовать информацию в целях достижения итоговой победы над противником. Так, древнекитайский военный деятель Сунь-Цзы, живший в V веке до н.э., в своем «Трактате о военном искусстве» отметил следующее: «Получить сотню побед в боях – это не конец искусства. Покорить соперника без боя – вот венец искусства» [7, с. 94].

Однако для того, чтобы достичь вершин этого искусства, необходимо освоить

методы психологического манипулирования с использованием информации. Она может содержать в себе сведения о каких-либо событиях, которые уже случились или должны произойти, о количестве войск противника или о том, какие трудности он испытывает. Распространение подобной информации может стать причиной народных волнений и пораженческих настроений, что в конечном итоге позволит либо ослабить неприятеля, либо сделать его полностью недееспособным. Таким образом, информацию необходимо понимать не только как благо современной цивилизации, но и как оружие, способное эффективно и практически бескровно решать задачи, связанные с достижением тех или иных геополитических целей.

Вместе с тем наступление XXI в., а также сопутствующее развитие интернет-коммуникаций позволило значительным образом повысить эффективность распространения потенциально деструктивной для государственных институтов информации. В научный оборот также вошло понятие т.н. «цветных революций», которые ориентированы на использование преимущественно ненасильственных методов борьбы против действующей политической власти [10]. Однако сама подготовка цветных революций всегда связана с длительной информационной кампанией, которая осуществляется посредством различных информационных ресурсов, СМИ, социальных сетей и т.д. События в Украине, Грузии, Молдавии, Киргизии, а также на Ближнем Востоке в ходе т.н. «Арабской весны» позволяют нам говорить о том, что «цветные революции» стали по-настоящему массовым явлением, представляющим собой реальную угрозу национальной безопасности современной России.

Вместе с тем к концу 2000-х гг. была обозначена новая тенденция, связанная с более активным использованием социальных сетей и интернет-ресурсов в качестве каналов для распространения деструктивной информации, направленной на конструирование массового политического протеста. На примере событий в Молдавии в 2009 г., русскоязычный политолог Е. Морозов предложил новый научный концепт, который был призван расширить теоретические представления о природе современных «цветных революций». Он обнаружил, что в ходе протестов, возникших на почве возможной фальсификации результатов выборов в Парламент Рес-

публики Молдовы, массово использовались социальные сети, такие как «Твиттер». Данная социальная сеть стала удобной площадкой для коммуникации между протестующими, что было необходимо для координации протеста и повышения степени его эффективности. На основе полученных эмпирических данных Е. Морозов развил концепцию «твиттер-революции». Под ней необходимо понимать «протесты, демарши, революции, регулирование которых происходит через популярные социальные сети, в том числе и Твиттер» [11, с. 205].

Однако «цветные революции» являются скорее следствием длительных информационных атак, ключевой целью которых является постепенное расшатывание основ конституционного строя государства, а также создание конфликтной ситуации внутри общества. В то же время совокупность подобных атак, а также тех действий, которые направлены на манипулирование информацией в деструктивных целях, по своей сути представляет собой информационный терроризм. Его осуществление может быть в том числе направлено на создание всеобщей атмосферы страха и незащищенности перед внешней угрозой [4]. Таким образом, в современных геополитических и информационных реалиях лицо терроризма видоизменяется. Если раньше он практически всегда имел религиозные, социальные или культурные причины, то в настоящее время терроризм представляет собой универсальное оружие, использование которого становится частью стратегии гибридных и информационных войн.

Информационная специфика современного терроризма в том числе подтверждается статистическими данными. В частности, в период за 2019 г. в России из всей совокупности в 2 024 337 преступлений порядка 14,5% составили преступления, связанные с использованием информационных технологий [3]. За аналогичный период в 2018 г. общий процент подобных преступлений составлял 8%. Таким образом, мы видим устойчивую положительную динамику роста количества преступлений, совершенных в сфере информационных технологий. При этом к 2021 г. количество подобных преступлений утроилось по сравнению с 2018 г. [8].

Использование информационных технологий и ресурсов в террористических целях представляет собой значительную угрозу

современному обществу. В связи с этим в России были приняты два стратегических документа, которые содержат в себе информацию о необходимых мероприятиях, связанных с противодействием внешним угрозам информационной безопасности. Речь идет о Доктрине информационной безопасности, принятой в 2016 г., а также о Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, обновленная редакция которой была утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г.

Доктрина информационной безопасности РФ предписывает совершенствовать системы информационного противодействия, а также своевременно обнаруживать и нейтрализовывать информационные угрозы [2]. Содержание Доктрины имеет в большей степени «оборонительный характер» и подчеркивает стремление России к осуществлению комплекса мероприятий, направленных на развитие отечественных информационных технологий, повышение конкурентоспособности российских компаний, работающих в сфере информационных технологий и информационной безопасности. Также данная доктрина актуализирует необходимость совершенствования российского и международного законодательства в части регулирования информационных потоков, сферы интернет-технологий и противодействия информационному терроризму.

Наконец, в данном стратегическом документе содержатся положения, фиксирующие необходимость «нейтрализации внешнего информационно-психологического воздействия, направленного на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества» (Часть IV, пункт 21(д)), а также «нейтрализации информационно-психологического воздействия для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета, политической и социальной стабильности, насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности Российской Федерации» (Часть IV, пункт 23(а)) [2].

Особую актуальность приведенные выше положения приобрели в период начала СВО на Украине, когда в социальных сетях и в Интернете массовый характер приобрели призывы к выходу Республики Крым, а также городов Симферополь и Севастополь из со-

става Российской Федерации. Подобные призывы, согласно текущему законодательству РФ, представляют собой пример информационного терроризма, направленного на разрушение российской государственности.

Также необходимо отметить, что информационный терроризм может быть связан не только с распространением деструктивной информации, но и с применением определенных программных методов воздействия на ключевые информационные структуры государства. Например, речь может идти об использовании специальных вирусов, попадание которых в информационную систему любой государственной структуры может привести к краже личных данных. Также формой информационного терроризма являются DoS-атаки, призванные вывести определенный интернет-сервис из строя. В частности, в период электронного голосования по поправкам к Конституции в 2020 г. было зафиксировано несколько попыток осуществить DoS-атаку на сервис электронного голосования.

В научной литературе подобная форма терроризма также нередко обозначается как кибертерроризм. Он рассматривается как одно из направлений классического терроризма, однако предполагает использование компьютерных и информационных технологий и методов [6, с. 166].

Далее обратимся к рассмотрению текста Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021 г [1]. Данный документ представляет собой общее виденье концепции безопасности нашей страны, поддержание которой зависит, в том числе, от состояния информационной безопасности.

Основной целью обеспечения информационной безопасности России на современном этапе является постепенное выстраивание ее суверенитета в информационной среде. Для этого, как предписывается в IV параграфе данной Стратегии, необходимо повышать защищенность российской информационной инфраструктуры, развивать систему прогнозирования и предупреждения внешних угроз, предотвращение деструктивного информационно-технического воздействия на российские информационные ресурсы и т.д.

Актуальность подобных положений настоящей Стратегии обусловлена в том числе появлением и развитием новых методов и

средств осуществления информационного терроризма и информационных атак. В частности, с расширением количества источников информации возрастает количество т.н. «фейковых новостей».

Как отмечает отечественный специалист С.Ю. Матасарь, под «фейковыми» новостями необходимо понимать «ложную новостную историю или визуальный материал, затрагивающий общественно важные темы, созданный для массового распространения онлайн с целью увеличения трафика или дискредитации общественного движения, публичной персоны, политической кампании и т.д.» [9, с. 312]. Как следует из данного определения, ключевая особенность фейковых новостей заключается в их ложном характере. Однако современный интернет переполнен различной информацией, отражающей динамику тех или иных событий, в результате у пользователей мировой сети практически не остается времени на то, чтобы обдумать и оценить тот или иной материал. Вместе с тем при его прочтении возникает определенная реакция, которая может побудить человека к определенным действиям или сформирует у него выгодное внешнему манипулятору отношение к тем или иным событиям.

Например, в 2022 г. широкую известность получили события в селе Буча Киевской области. В сети Интернет были распространены материалы, согласно которым после вывода российских подразделений из данного населенного пункта осталось множество свидетельств военных преступлений. Однако Министерство обороны Российской Федерации опровергло данные заявления. Также российские специалисты не были допущены к расследованию тех событий, в результате чего можно сделать вывод о том, что они имели «фейковый» характер. Однако появление данной новости стало причиной начала оживленной дискуссии в российском обществе, а также несколько деморализовало его. Появление подобных фейковых новостей также является формой информационного терроризма и представляет серьезную угрозу национальной безопасности нашей страны.

Также в настоящее время активно используются т.н. интернет-боты, как часть общей стратегии информационного терроризма. Данные боты представляют собой программу, целью которой является создание ложного образа реальной личности, которая

ведет активность в сети Интернет, а также распространение той или иной деструктивной информации и ее продвижение. Данные интернет-боты призваны создать отдельную виртуальную реальность, в которой то или иное мнение, вне зависимости от того, насколько массовую поддержку оно имеет, продвигается как таковое. Также в настоящее время тестируются специальные боты, разработанные в рамках японского проекта «JX Press Corp». Они могут самостоятельно заниматься поиском необходимой информации, а также подготовкой и публикацией материалов, выделенных в соответствии с заданными параметрами [12]. Массовое использование подобных ботов может стать причиной того, что информационные потоки в сети Интернет полностью выйдут из-под какого-либо внешнего контроля и модерирования. В результате интернет-пользователь окажется один на один с той информацией, которая потенциально может нанести ему непоправимый ущерб.

В связи с этим в контексте обеспечения национальной безопасности России необходимо разработать специальные компьютерные алгоритмы, которые будут в реальном времени анализировать ту или иную информацию в интернете, а также определять степень ее достоверности и в случае необходимости удалять. В данном контексте необходимо также обратить внимание на то, как развиваются современные нейросети, способные в кратчайшие сроки проанализировать значительные массивы данных. Их использование в перспективе может стать эффективной мерой защиты от информационного терроризма.

Вместе с тем необходимо суммировать представленные материалы и отметить, что деструктивный потенциал внешнего информационного воздействия возрастает параллельно с развитием информационных и интернет-технологий. Наша жизнь становится всецело зависимой от них, в результате чего необходимой становится выработка определенных превентивных мер, реализация которых поможет в борьбе с информационным терроризмом.

В первую очередь, необходимо обратить внимание на необходимость экономической поддержки отечественных производителей информационных технологий и сервисов. Учитывая то, что мы чаще пользуемся зарубежной цифровой продукцией, это спо-

собствует более высокому уровню информационной уязвимости нашего общества.

Также на уровне с финансовой грамотностью необходимо следить за цифровой грамотностью населения. В перспективе это поможет снизить деструктивный потенциал информационных атак.

Отдельного внимания заслуживает развитие специального программного софта, который позволит выстроить эффективную защиту от хакерских и кибератак.

Наконец, полностью защититься от непроверенной и деструктивной информации в условиях современного Интернета практиче-

ски невозможно. В связи с этим на уровне общеобразовательных, средне-специальных и высших учебных заведений необходимо реализовать образовательную программу, направленную на формирование у граждан критического мышления.

Таким образом, несмотря на то, что информационный терроризм представляет собой реальную угрозу национальной безопасности России, существуют потенциальные способы и методы снижения его деструктивного влияния на общество, а также информационную инфраструктуру страны.

Список литературы:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г № 400 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 18.03.2023).
2. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 50, ст. 7074.
3. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики информационных технологий. Состояние преступности в России. Декабрь 2019 г. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 18.03.2023).
4. Бушин, Е. В. Современные тенденции развития информационных технологий в борьбе с информационным терроризмом в Российской Федерации / Е. В. Бушин // Молодой ученый. – 2020. – № 20 (310). – С. 257 – 259.
5. Волковский, Н.Л. История информационных войн: т. 1 (с древнейших времен по XIX век) / Н.Л. Волковский. – СПб.: Полигон, 2003. – 502 с.
6. Жуков, А.З. Терроризм как одна из основных угроз информационной безопасности государства в современных условиях / А.З. Жуков // Избранные вопросы науки XXI века. Сборник научных статей. Ч. II. – М.: Изд-во «Перо», 2019. – С. 165 – 167.
7. Конрад, Н.И. Трактаты о военном искусстве / Сунь-Цзы / Н.И. Конрад. – М.: АСТ: Астрель, – 2011. – 606 с.
8. МВД: в первой половине 2022 года впервые снизилось количество преступлений, совершенных с помощью ИТ. URL: <https://habr.com/ru/news/t/680246/> (дата обращения: 28.03.2023).
9. Матасарь, С.Ю. Фейк-ньюс – новая правда информационной эры / С.Ю. Матасарь // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 312 – 315.
10. Нарочницкая, Н.А. Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека / Н.А. Нарочницкая. – СПб.: Алетейя, 2008. – 208 с.
11. Эганян, А. К. Феномен «твиттер-революции» в политическом пространстве / А. К. Эганян // Молодой ученый. – 2021. – № 52 (394). – С. 205 – 207.
12. Webb, A. Trend Report For Journalism, Media & Technology / A. Webb // The Future Today Institute. – 2019. – p. 31. URL: <https://futuretodayinstitute.com/2019-journalism-mediatech-trends/> (дата обращения: 28.03.2023).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 32.019.51

*В.В. Сорочан, Д.А. Ткач***РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ**

Тема безопасности государства и его граждан во все времена привлекала внимание общественности, в том числе мировой. В контексте геополитических трансформаций тема информационной безопасности обсуждается практически на всех совещаниях и встречах с участием представителей профильных министерств и ведомств, в том числе активных пользователей Интернета и гаджетов. Авторами предпринята попытка проанализировать не только саму проблему информационной безопасности в контексте эволюции информационно-коммуникационных технологий, но и проследить за тенденциями, связанными с изменениями в законодательстве, вовлеченности специальных служб, участия исследователей и ученых в прогнозировании будущего в условиях повсеместного распространения Интернета и современных средств передачи информации. Особое внимание авторы уделяют практике разработки и внедрения на законодательном уровне норм, регулирующих деятельность профильных институтов, внедрения новых программ и контроль за их распространением, влияние внешних факторов на безопасность использования новых технологий и техник в области политики и международных отношений и т.д.

В рамках заявленной темы, авторы связывают информационную безопасность с национальной безопасностью, что подтверждается рядом примеров и выдержек из нормативно-правовых актов. Отдельно авторы остановились на анализе Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации, утвержденной в декабре 2022 года.

Ключевые слова: информационная безопасность, СМИ, национальная безопасность, информационное пространство, глобализация, геополитические трансформации, концепция.

*V.V. Sorochan, D.A. Tkach****DEVELOPMENT OF INFORMATION SECURITY CULTURE IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CHANGES***

The topic of the security of the State and its citizens has always attracted the attention of society, including the world. In the context of geopolitical transformations, the topic of information security is discussed at almost all meetings and meetings with the participation of representatives of relevant ministries and departments, including active users of the Internet and gadgets. The authors attempt to analyze not only the problem of information security itself in the context of the evolution of information and communication technologies, but also to follow trends related to changes in legislation, the involvement of special services, the participation of researchers and scientists in predicting the future in the context of the ubiquity of the Internet and modern means of information transmission. The authors pay special attention to the practice of developing and implementing at the legislative level norms regulating the activities of specialized institutions, the introduction of new programs and control over their dissemination, the influence of external factors on the safety of using new technologies and techniques in the field of politics and international relations, etc.

Within the framework of the stated topic, the authors associate information security with national security, which is confirmed by a number of examples and excerpts from regulatory legal acts. Separately, the authors focused on the analysis of the Concept of formation and development of the culture of information security of citizens of the Russian Federation, approved in December 2022.

Key words: information security, media, national security, information space, globalisation, geopolitical transformations, concept.

Эволюция международных отношений в начале XXI века наглядно демонстрирует тот факт, что продвижение процесса глоба-

лизации, признаваемого важнейшей характеристикой современности, и параллельное развитие многоаспектного взаимодействия

между народами и странами в области политических, экономических, научных и культурных взаимоотношений, может принести, как благотворные элементы, так и определенные нежелательные последствия, в том числе и для Российской Федерации [2], являющейся частью мировой геополитической системы. Конечно, система международных отношений эволюционировала с утверждением национального государства не только как политического актора, но и как субъекта международного права. Сформировались новые принципы, лежащие в основе современного миропорядка, в том числе поддержание и обеспечение национальной и международной безопасности.

В тоже время обособление государства в качестве референтного объекта безопасности основано на веских причинах: государство является наиболее значимой единицей в международной системе, а как форма организации оно представляет собой универсальный стандарт политической легитимности, имея задачу определения национальных интересов и сплочения общества для их реализации, поскольку «национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [1].

В 2022 г. Правительство РФ утвердило Концепцию формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации [2]. Это была реакция России на действия внешних акторов, имеющих геополитические и геостратегические интересы в российских регионах. Однако конкретные механизмы выявления гибридных угроз, таких как фальшивые новости, пропаганда и дезинформация, и разработки инструментов защиты, реагирующих на быстрые изменения в технологиях, до сих пор не разработаны. Новые медиа, как отмечают эксперты, создают благоприятную среду для создания и распространения различных форм нетерпимости, включая пропаганду, манипулирование общественным мнением и разжигание неприязни. Таким образом,

в рамках обеспечения информационной безопасности Российская Федерация будет заниматься как разработкой соответствующей нормативной базы, так и созданием эффективных инструментов мониторинга и контроля в данной области, учитывая тот факт, что реализация политики безопасности становится все более несовершенной, поскольку обусловлена политическими и геополитическими факторами. России также необходимо эффективно взаимодействовать в рамках механизмов и форматов международного сотрудничества в общих интересах соседних стран, поскольку сегодня ни информационная безопасность, ни, тем более, национальная безопасность не могут быть обеспечены самостоятельно ни одним государством. Тем более, что в информационном обществе коммуникация становится все более распространенной.

Общество последних десятилетий прошлого века, основанное на «внедрении национальной информационной системы», эволюционировало в сторону информационного общества, которое все больше накладывает свой отпечаток на систему международных отношений, характеризуясь широким применением коммуникационных и информационных технологий. Еще в 1970-х гг. американский социолог Элвин Тоффлер в своей книге «Шок будущего» [7] говорил о влиянии технологических инноваций в социальном, политическом, экономическом и культурном контексте, описывая его как дезориентацию членов общества. Десятилетие спустя, в 1980 году, тот же автор в своей книге «Третья волна» [8], настоящем манифесте технологической цивилизации, предсказал наступление информационной эпохи и Интернета, которая в значительной степени зависит от творчества и характеризуется рядом значительных изменений, как в обществе, так и в каждом человеке, поскольку в технологическую эпоху ключевым фактором является знание, а не грубая сила, как в индустриальном обществе. Предсказания Тоффлера сбылись. XXI век – это цифровой век, век знаний, в котором использование информационных ресурсов позволило разрушить пространственные барьеры. Технологической основой нового общества является конвергенция трех секторов: информационных технологий, коммуникационных технологий и производства цифрового контента. Технологический прогресс обеспечил появление но-

вых услуг и приложений, сочетающих звук, изображение и текст и использующих все средства связи (телефон, факс, телевидение и компьютер) [6].

Однако с появлением Интернета с его огромными преимуществами, позволяющими вовлечь как можно больше людей в сферу электронной информации, мы переходим к информационному обществу – новой эре в истории цивилизации. Некоторые авторы сходятся во мнении, что эпохи, через которые прошло и проходит человечество, следующие: век камня; век железа; век сельского хозяйства; век промышленности; век технологий; век знаний. Информационный век, по нашему мнению, включает в себя век технологий и век знаний, где знания предстают как «информация, имеющая смысл» и которая «действует» [3]. Если еще недавно речь шла только о реформировании политической сферы в попытке сохранить хотя бы глобальную целостность эколого-финансовой системы, то теперь события в мире все больше влияют на (гео)политическое ядро и ядро глобальной экономики. В этом контексте можно выделить несколько значимых проблем развития информационного общества:

– слияние социально-манипулятивной деятельности с кибертехнологиями для ведения информационной войны, что приводит к нестабильности в обществе, но без перерастания в вооруженный конфликт;

– отказ (гео)политических акторов от медиаканалов с региональным или транснациональным охватом в пользу стратегий доминирования в пространстве за счет увеличения количества ядер информационных процессов, направленных на минимизацию эффектов пропаганды и массового манипулирования;

– тенденция (гео)политических акторов к «регионализации» информационного пространства путем создания новых информационных каналов, менее популярных, но географически более удачно расположенных и технологически лучше оснащенных, чтобы их можно было легко контролировать. На наш взгляд, эта тенденция будет доминировать в современном информационном пространстве;

– активное использование цифровых коммуникаций для проведения информационных операций против избирательных, политических или экономических конкурентов. Такие операции опасны тем, что могут стать

источником информационных войн, направленных на уничтожение аналогичных технологий, доступных конкурирующим странам.

В основе информационного общества, его структуры и динамики лежит производство информации, а не материальных благ, что отличает его от предшественников. Это общество свободной человеческой деятельности, которое больше не требует, чтобы люди постоянно находились на работе, отмечал Тоффлер. Принцип свободной деятельности становится катализатором общественного развития. Борьба за мировое господство все чаще рассматривается как борьба за монополию на информацию, которая стала самым прибыльным геополитическим ресурсом в мире, способным:

- влиять на экономику и общество;
- перестраивать отношения между государствами и нациями;
- переопределять стратегические интересы государств для достижения регионального доминирования и «места под солнцем»;
- манипулировать поведением наций и межгосударственными отношениями.

По этим причинам, на наш взгляд, к работе по обеспечению информационной безопасности страны следует подходить в контексте глобализации международных отношений и формирования глобального информационного пространства, в котором СМИ принадлежит решающая роль, как в отражении процессов глобализации, так и в достижении геополитических целей [5].

Земное пространство усеяно многочисленными коммуникационными сетями. Они превратили земной шар не только в объект, но и в субъект политических и социальных отношений. Человечество впервые осознало геополитическое пространство, которое с помощью новых технологий превратилось в глобальное.

Глобальное геополитическое пространство – это высокотехнологичная область, где пересекаются большинство значимых тенденций мировой (гео)политики, где Интернет становится ключевой инфраструктурой, вокруг которой строится глобальное информационное общество. В этом пространстве постоянно возникают противоречия и информационные противостояния, темп и интенсивность которых определяют геополитические акторы калибра: США, ЕС, Россия и Китай. Эти и другие геополитические игроки используют самые сложные информацион-

ные технологии для достижения своих целей. Технологии оказывают двойное влияние на национальную безопасность. С одной стороны, они способствуют демократизации, значительно снижая интенсивность конфликтов. С другой стороны, информационные технологии являются плодородной почвой для развития онлайн форм преступности и терроризма, удобным способом инициирования асимметричных угроз и оказания (гео)политического влияния, что может спровоцировать новые конфронтации.

Уклад современной жизни определяется растущим влиянием информации и глобализации. Эта реальность приведет к:

- «безграничной» передаче/приему информации в национальных общественных пространствах, что станет ядром развития глобального гражданского общества;

- доминированию киберпространства в глобальной коммуникационной структуре по политическим, социально-экономическим, военным, научно-техническим и экологическим, коммерческим, образовательным и культурно-спортивным причинам;

- развитию трансграничной коммуникации через спутниковую связь, влекущую за собой формирование глобального аудиовизуального и мультимедийного пространства;

- глобализации рынка СМИ как части глобального информационного пространства, которая превращает печатные материалы региональных периодических изданий в «глобальное благо».

Геостратегическая борьба, столкновение интересов политических, экономических и финансовых, континентальных и трансконтинентальных структур происходит преимущественно в информационном пространстве. По мере все большей глобализации, прежде всего по своему содержанию, информационное пространство также становится глобальной областью. В этом пространстве информационное противостояние порой бывает более ожесточенным, коварным и жестоким, чем на поле боя. Несмотря на то, что информационный терроризм и информационная преступность представляют большую опасность для человечества, большой урон могут нанести межгосударственные противостояния с применением информационного оружия. Однако концепция информационной войны появилась не на пустом месте, а после детального анализа реальности, характерной для глобального геополитического простран-

ства. Еще более разрушительной является гибридная война, когда некоторые крупные государства стремятся доминировать над более мелкими, реализуя геополитические и геоэкономические стратегии с одновременным применением различных средств массовой информации и информационно-психологических технологий для одурманивания и манипулирования общественным мнением.

С расширением Интернета и «безграничных» СМИ проблема цензуры информационного контента становится сложной. Для исключения обвинений в «нарушении свободы СМИ» в стране, иностранной пропаганде необходимо противодействовать не только ограничительными методами, а в том числе и развивая медиакомпетентность населения [2]. В то же время уязвимость Интернета становится серьезной проблемой для общества. Никто в мире не собирается отказываться от Интернета, зависимость от информации растет. Есть страны, которые полностью зависят от информации, предоставляемой компонентами киберпространства. Блокирование его на несколько часов может привести к хаосу в этой стране, что в значительной степени повлияет на глобальную информационную систему.

Понятие «информационная безопасность», в зависимости от контекста, имеет различные оттенки. Оно различается по законодательству и применению в разных странах, но, по сути представляет собой состояние сохранности информационных ресурсов, имеющихся в распоряжении страны, с двумя составляющими: информационно-технологическая безопасность (информационных ресурсов) и информационно-психологическая безопасность (личности, общества и государства), последняя включает СМИ как арену, на которой строится политическая «игра» на национальном и, в некоторой степени, международном уровне. Она стала одним из основных факторов культурных трансформаций.

Именно дебаты в публичном пространстве о понятии информационной безопасности послужили толчком для решения этой многоаспектной проблемы, что привело к кристаллизации идеи разработки и издания 22 декабря 2022 года Правительством РФ Распоряжения об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Россий-

ской Федерации. В документе указано, что «... ввиду отсутствия в Российской Федерации системного подхода к повышению грамотности граждан Российской Федерации по вопросам информационной безопасности особую актуальность принимает вопрос формирования и развития культуры информационной безопасности» [2]. В нем также рассматриваются национальные интересы в области информационной безопасности, в том числе:

« – необходимость с самого раннего возраста прививать гражданам Российской Федерации знания по всему спектру вопросов информационной безопасности, таких как распознавание фишинговых сайтов и писем, телефонного мошенничества, создание надежных паролей, распознавание недостоверной информации и другого вредоносного контента;

– ответственность государства за соблюдение законных интересов граждан Российской Федерации в информационной сфере;

– необходимость проведения работы органами государственной власти по совершенствованию законодательства Российской Федерации, позволяющего на регулярной основе осуществлять реализацию мероприятий по повышению грамотности по вопросам информационной безопасности, в том числе для лиц, замещающих должности государственной гражданской и муниципальной службы Российской Федерации;

– проведение адаптированной под разные категории граждан Российской Федера-

ции информационной кампании как основного способа повышения культуры информационной безопасности;

– снижение актуальности угроз информационной безопасности, а также повышение эффективности противодействия их реализации;

– создание дополнительных точек взаимодействия с каждой отдельной категорией граждан Российской Федерации в целях эффективного донесения до них информации о важности соблюдения правил личной информационной безопасности посредством выбора неформальных каналов коммуникации и актуальных интересов» [2].

В современных условиях Интернета и СМИ, не знающих границ, информация становится инструментом влияния на все процессы, происходящие в обществе, создавая возможности для развития обмена информацией и мнениями между гражданами, находящимися на любом континенте [4]. Действуя без запаха пороха, информационное оружие, частью которого являются СМИ, может активно использоваться и в мирное время. В этом контексте медиа-продукт должен иметь доступ на рынок не на основании страны происхождения, а на основании соответствия стандартам профессиональной этики и журналистской объективности. Только таким образом стратегия информационной безопасности в сфере СМИ может заявить о себе как о важном компоненте национальной безопасности. Обобщая, отметим, что защита национальных интересов является одной из основных функций любого государства.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 02.04.2023).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.12.2022 №4088-р «Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 02.04.2023).

3. Гаврилюк, Н. П. Социум цифровой эпохи – вызовы, риски или новые возможности? / Н. П. Гаврилюк, В. В. Сорочан. // Этносоциум и межнациональная культура. – 2022. – № 12 (174). – С. 98 – 108.

4. Гаврилюк, Н. П. Информационно-образовательные технологии как средство повышения эффективности образовательного процесса при подготовке будущих учителей истории / Н. П. Гаврилюк, В. В. Сорочан // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 6 (97). – С. 271 – 274.

5. Лавриненко, Д.О. Методика повышения уровня производительности запросов к базам данных / Д.О. Лавриненко, В. В. Сорочан. // Вестник Калужского университета. – 2021. – № 1. – С. 94 – 95.

6. Ларченков, А.Э. Возможности применения модуля искусственного интеллекта для оптимизации деятельности отдела кадров / А. Э. Ларченков, В. В. Сорочан. // Вестник Калужского университета. – 2021. – № 1. – С. 81 – 83.

7. Тоффлер, Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: «Издательство АСТ». – 2002. – 557 с.

8. Toffler Alvin. The Third Wave, 1980. Тоффлер, Элвин. Третья волна. Перевод на русский язык: А. Мирер, И. Москвина-Тарханова, В. Кулагина-Ярцева, Л. Бурмистрова, К. Бурмистров, Е. Комарова, А. Микиша, Е. Руднева, Н. Хмелик. – М., 2004. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 27.01.2011. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4821> (дата обращения: 05.04.2023)

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

ПРАВО

УДК 343.631

А.В. Ильяхи, П.Д. Голышева

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КЛЕВЕТУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

В данной статье анализируются изменения в уголовном законодательстве, касающиеся ответственности за клевету в период с 1922 по 2020 годы. Анализируются актуальные проблемы доказывания указанного преступления, а также излагаются авторские выводы о нынешнем положении административной и уголовной правовой доктрины.

Ключевые слова: клевета, уголовная ответственность, Уголовный кодекс РСФСР, ложные сведения, репутация, честь и достоинство, Уголовный кодекс Российской Федерации, квалификация, доказывание.

A.V. Ilyash, P.D. Golysheva

CRIMINAL LIABILITY FOR LIBEL: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

This article analyses the changes in the criminal legislation concerning the responsibility for libel in the period from 1922 to 2020. Actual problems of proving the mentioned crime are analysed, as well as the author's conclusions about the current state of administrative and criminal legal doctrine are stated.

Key words: libel, criminal liability, Criminal Code of the RSFSR, false information, reputation, honour and dignity, Criminal Code of the Russian Federation, qualification, proving.

Права и свободы человека и гражданина, а также его честь и достоинство в Российской Федерации охраняются государством. «Ничто не может быть основанием для его умаления», – гласит статья 21 основного закона страны – Конституции РФ [1].

Любое посягательство на вышеуказанные категории является преступлением, а равно – наказуемым деянием. Одним из таковых, по своей сути, является клевета – распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство человека [2].

Впервые в отечественной правовой доктрине уголовную ответственность за анализируемое преступление установил Уголовный кодекс РСФСР 1922 года (далее – УК РСФСР 1922 г.). Согласно статьям 174 и 175, клевета имела 2 формы: «простую» – оглашение заведомо ложного и позорящего другое лицо обстоятельства и «квалифицирующую» – то же деяние в печатном, или иным образом размноженном произведении [3]. При этом, стоит отметить, что УК РСФСР 1922 г. использовал тождественное, но не равное действующему законодательству понятие: «карается» вместо «наказывается», что подчеркивает репрессивный характер ранее советского законодательства. Санкцией за «простую» форму клеветы являлось лише-

ние свободы или принудительные работы на срок до 6 месяцев, а за «квалифицирующую» – лишение свободы на срок до 1 года.

В период с 1925 г. по 1926 г. в кодификацию уголовного законодательства были внесены настолько значимые изменения, что речь уже шла не о новой редакции, а о принятии нового акта – Уголовного кодекса РСФСР 1926 года.

Реформа затронула и анализируемую норму – она была перенесена в статью 161, а понятие «обстоятельств» заменено на «измышлений». При этом, можно говорить о либерализации уголовного законодательства, так как наказание в виде лишения свободы в обеих частях заменено на исправительно-трудовые работы и штраф [4].

После смерти «вождя народов» и послевоенного восстановления экономики в 1950-х гг. утверждается социализм и начинается либерализация и гуманизация как общественной жизни государства, так и законодательства, в том числе уголовного. 25 декабря 1958 г. в советском государстве принимаются Основы уголовного законодательства и союзных республик. Это означало, что все республиканские кодификации должны быть приведены в соответствие. В продолжение

реформ 27 октября 1960 г. в силу вступает новый Уголовный кодекс РСФСР [5].

Статья 130 «Клевета» была изменена следующим образом: введена ответственность в отношении лица, ранее судимого за аналогичное деяние, а также новая форма преступления – клевета, соединенная с обвинением в совершении государственного или иного тяжкого преступления, которая наказывалась лишением свободы на срок до 5 лет. Были введены и новые виды санкции – штраф до двадцати минимальных месячных размеров оплаты труда, возложение обязанности загладить вред, общественное порицание и лишение права занимать определенные должности.

С распадом СССР и образованием нового государства стала очевидна острая необходимость в принятии собственного законодательства. Так, 13 июня 1996 г. была принята первая редакция ныне действующего законодательного акта – Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Анализируя статью 129, делаем вывод о том, что в неё были внесены незначительные изменения: исключены характерные для советского законодательства виды наказания (общественное порицание) и введён новый признак клеветы – причинение вреда репутации человека.

Такое положение правовой действительности было изменено в 2011 г. принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 № 420-ФЗ, в соответствии с которым, статья 129 утратила силу [6]. В пояснительной записке к законопроекту была изложена следующая позиция законодателя: по степени общественной опасности клевета более соответствует проступку, чем преступлению, а значит соответствующие отношения должны регулироваться исключительно административным законодательством [7]. Таким образом, можно говорить о декриминализации клеветы.

В 2012 году в России проходили выборы Президента. На эту должность в ходе тайного голосования 4 марта был избран Владимир Путин. Государственные изменения затронули и область законодательства. 6 июля в Государственную Думу рядом депутатов был внесён законопроект, предусматривавший введение уголовной ответственности за

клевету. Из пояснительной записки следует, что основным мотивом его принятия является желание законодателя усилить ответственность в части нарушения конституционных прав гражданина. Авторы приходят к выводу, что мер административного характера недостаточно для полной и всесторонней защиты человека от посягательств на его честь и достоинство: «закрепленные санкции в части первой статьи 5.60 «Клевета» КоАП РФ в виде штрафа для граждан в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей представляются неэффективными» [8].

28 июля проект вступает в силу в качестве Федерального закона №141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] и устанавливает повышенные санкции (например, штраф до 5 млн руб. и обязательные работы до 480 часов) и новые квалифицирующие признаки (например, использование служебного положения, ложное сообщение о заболевании, представляющем опасность для окружающих, ложное обвинение в совершении преступления сексуального характера, тяжкого или особо тяжкого преступления). Таким образом, в уголовном законодательстве произошел процесс, вернувший правовую действительность в состояние до 2011 года, - криминализация клеветы.

При этом, в законодательстве всё ещё отсутствовало наказание за клевету в виде лишения свободы. 30 декабря 2020 г. в силу вступает Федеральный закон №538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», который вводит новый квалифицирующий признак преступления – распространение сведений в сети «Интернет» и соответствующую санкцию в виде лишения свободы на срок до 5 лет [10], таким образом, ужесточив ответственность за указанное деяние. Из пояснительной записки законопроекта следует, что такое решение законодателя было обосновано отсутствием ответственности за совершение подобного преступления в сети «Интернет», не являющейся средством массовой информации, и ростом преступности в указанной сфере [11].

Анализируемые изменения уголовного законодательства в период с 1922 по 2020 год указывают, прежде всего, на неоднозначность и сложность квалификации указанного преступления. Ответ на вопрос о признании

сведений как порочащих честь и достоинство дан в пункте 7 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.02.2005 №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [12]. Таковыми, в частности, являются «сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, незитичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица».

О сложности квалификации и расследования указанного преступления говорит и статистика. Из доклада Председателя Верховного суда следует, что за 2020 год судами рассмотрены 899 дел по статье 128.1 УК РФ, из которых: осуждены 56 лиц (6%), оправдано 351 лицо (39%), а прекращены дела в отношении 491 лица (55%). Такие сведения Вя-

чеслав Лебедев объясняет тем, что «для потерпевших, не наделенных публичными полномочиями и в большинстве своем не являющихся профессиональными юристами, доказывание этих обстоятельств является крайне затруднительным» [13]. При этом, процент оправдательных приговоров по клевете больше, чем по уголовным делам в сумме (за 2020 год – 0,21%, за 2022 год – 0,33%) [14].

В продолжение темы о сложной доказуемости клеветы обратимся к судебной практике. Анализируя ряд оправдательных приговоров по соответствующим заявлениям, можно говорить о том, что чаще всего они выносятся из-за отсутствия состава преступления в деянии, то есть судья не усматривает в распространённых сведениях порочащий характер.

Исходя из всего вышесказанного, следует особенно подчеркнуть, что наличие как административной, так и уголовной ответственности за клевету является абсолютно и единственно верным решением законодателя. Именно такое положение даёт правоприменителю необходимую и особо важную возможность для манёвра в вопросе выбора санкции за совершённое деяние.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. – 2020. – 4 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 08.06.2023).
3. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 08.06.2023).
4. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 08.06.2023).
5. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037819> (Дата обращения: 08.06.2023).
6. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 N 420-ФЗ // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864/ (дата обращения: 08.06.2023).
7. Пояснительная записка к законопроекту №559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/559740-5> (дата обращения: 08.06.2023).
8. Пояснительная записка к законопроекту №106999-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/106999-6> (дата обращения: 08.06.2023).

9. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.07.2012 N 141-ФЗ // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133284/ (Дата обращения: 08.06.2023).

10. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 30.12.2020 N 538-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372713/ (Дата обращения: 08.06.2023).

11. Пояснительная записка к законопроекту №589658-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/589658-7> (Дата обращения: 08.06.2023).

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017 (Дата обращения: 08.06.2023).

13. Доклад Председателя Верховного суда Российской Федерации Вячеслава Лебедева // Российская газета. – 2021. – 12 апреля. URL: <https://rg.ru/2021/04/12/sudy-opravdali-pochti-40-procentov-obviniaemyh-v-klevete.html> (дата обращения: 08.06.2023).

14. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2022 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/statistics/32115/> (Дата обращения: 08.06.2023).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 342.52

*Е.А. Магомедова, М.А. Муравель***ЗАКРЕПЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье проводится сравнительный анализ правового закрепления в региональном законодательстве института правового мониторинга. Авторы характеризуют как форму и название нормативных правовых актов, так и их содержательное наполнение. Делается вывод о необходимости унификации законодательства субъектов Российской Федерации в части правовой регламентации правового мониторинга и предлагается с этой целью принять соответствующий федеральный закон, который станет основой правового регулирования данного вида юридической деятельности в регионах.

Ключевые слова: правовой мониторинг, мониторинг правоприменения, юридическая деятельность, законодательство субъектов Российской Федерации, правотворчество.

*Е.А. Magomedova, M.A. Muravel***MONITORING IN THE LEGISLATION OF THE SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article provides a comparative analysis of the legal consolidation of the institute of legal monitoring in the regional legislation. The authors characterize both the form and name of regulatory legal acts, as well as their content. It is concluded that it is necessary to unify the legislation of the subjects of the Russian Federation in terms of legal regulation of legal monitoring and it is proposed to adopt an appropriate federal law for this purpose, which will become the basis for legal regulation of this type of legal activity in the regions.

Key words: legal monitoring, law enforcement monitoring, legal activity, legislation of the subjects of the Russian Federation, law-making.

Современный этап развития правовой системы России характеризуется появлением новых правовых феноменов. По нашему мнению, к таковым вполне можно отнести институт правового мониторинга. Следует отметить, что теория и практика данного института формировались практически параллельно, а истоки этого правового явления уходят в начало нынешнего века. В современной доктрине права практически сформировалась теория правового мониторинга как самостоятельное направление юридической науки. Кроме того, в полной мере обоснована позиция о том, что правовой мониторинг – это самостоятельная разновидность юридической деятельности. Практика осуществления правового мониторинга довольно успешна и конструктивна, чему, на наш взгляд, в определенной степени способствует её правовая основа. Вместе с тем можно констатировать, что дальнейшие научные исследования данного правового феномена содержат в себе определенный потенциал для повышения качества правового мониторинга.

В современной доктрине права предложен целый ряд дефиниций данного вида юридической деятельности. По мнению Тихомировой Л.В. и Тихомирова М. Ю. правовой мониторинг – это система наблюдений, оценок, прогноза состояния и динамики правовых процессов; информационно-оценочный институт, движущийся по всем стадиям функционирования управления [11, с. 502]. Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е. считают, что правовой мониторинг – это система информационных наблюдений, дающая возможность анализировать и оценить результаты нормотворческого процесса, качество нормативных правовых актов и эффективность их действия [9, с. 235].

Наиболее полным, аргументированным и всесторонним, мы считаем определение, данное Москальковой Т. Н. и Черниковым В. В. Данные авторы считают, что правовым мониторингом называется специальная деятельность государственных органов, состоящая в анализе состояния нормативного материала, регулирующего ту или иную сферу

общественной жизни, обобщении практики применения нормативных правовых актов и выработке предложений по способам и направлениям совершенствования правового регулирования социальной реальности [10, с. 55].

В теории правового мониторинга довольно серьезно внимание уделено вопросам классификации данного вида юридической деятельности. По мнению большинства ученых, фокус научных интересов которых сосредоточен в данной академической плоскости, к разновидностям правового мониторинга относят мониторинг правового поля, мониторинг правового пространства, мониторинг права законодательной инициативы, мониторинг нормативных правовых актов, мониторинг законодательства, мониторинг правоприменения. Представляется важным обозначить, что для качественного осуществления правового мониторинга необходимо формирование его правовой основы. Следует отметить, что правовую первооснову мониторинга правоприменения заложил Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации». Данный нормативный правовой акт определяет мониторинг правоприменения как «комплексную и плановую деятельность, осуществляемую федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) правовых актов различного уровня и различной юридической силы» [1].

Вместе с тем, принимая во внимание тему заявленной статьи и федеративную природу Российского государства, считаем целесообразным проанализировать нормативные правовые акты субъектов Федерации, составляющие правовые основы правового мониторинга в регионах. В качестве приема сравнительного анализа считаем возможным использовать формат аналитической справки, которая будет содержать в себе ключевые аспекты конкретного нормативного правового акта. Анализ доступных авторам региональных нормативных правовых актов, составляющих правовые основы правового мониторинга, позволяет сделать вывод, что единообразной практики юридико-

технического оформления региональных актов не сложилось. Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации различаются как по юридической силе, так и по формату правового закрепления данного вида юридической деятельности. Кроме того, необходимо акцентировать внимание на том, что региональные правотворцы используют различные подходы в части наименования нормативных правовых актов. Как правило, используются две основные модели: в название нормативного правового акта либо выносятся общее понятие «правовой мониторинг», либо частное – «мониторинг правоприменения».

Так, Закон Калужской области от 28.03.2013 № 407-ОЗ «О мониторинге правоприменения нормативных правовых актов Калужской области» определяет мониторинг правоприменения как комплексную и плановую деятельность, осуществляемую органами государственной власти Калужской области в пределах своих полномочий по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов Калужской области [2]. К достоинствам данного нормативного правового акта следует отнести закрепление в нем принципов, на которых базируется мониторинг правоприменения, а именно: плановость; непрерывность; целенаправленность, системность и комплексность; полнота, всесторонность и объективность; гласность. Данный подход представляется достаточно конструктивным, поскольку закладывает основные идейные начала в качестве содержательных требований к данному виду юридической деятельности. Субъектами-инициаторами проведения мониторинга выступают депутаты Законодательного Собрания Калужской области, постоянные комитеты Законодательного Собрания Калужской области, постоянные комиссии Законодательного Собрания Калужской области, фракции в Законодательном Собрании Калужской области, Председатель Законодательного Собрания Калужской области, Губернатор Калужской области, Правительство Калужской области, исполнительные органы Калужской области.

Поскольку правовой мониторинг в целом и мониторинг правоприменения в частности призваны модернизировать действующее законодательства, вполне обоснованным

и рациональным представляется закрепление в Законе Калужской области критериев оценки эффективности применения правового акта. В качестве таковых обозначены: актуальность нормативного правового акта Калужской области; соответствие акта федеральному законодательству и законодательству Калужской области; реальность исполнения норм, в том числе их финансовая обеспеченность; результативность принятия нормативного акта; организационная, кадровая обеспеченность реализации нормативного акта; предложения по повышению эффективности реализации нормативного правового акта.

В формате проводимого исследования правовой материи представляет интерес Закон Московской области от 04.05.2012 № 46/2012-ОЗ «О правовом мониторинге в Московской области». Следует обратить внимание на то, что законодатель Московской области более широко определил предмет данного Закона и в название вынес понятие «Правовой мониторинг». Кроме того, отдельная статья посвящена закреплению понятийного ряда правового мониторинга. Так, например, во второй статье указанного правового акта содержится перечень используемых понятий:

А) «мониторинг нормативных правовых актов Московской области – осуществляемая на постоянной основе деятельность субъектов правового мониторинга по сбору, обобщению и анализу информации о законах и иных нормативных правовых актах Московской области на предмет их соответствия федеральному законодательству и законодательству Московской области с целью устранения выявленных нарушений;

Б) мониторинг правоприменения – комплексная и плановая деятельность субъектов правового мониторинга по сбору, обобщению, анализу и оценке информации о практике применения нормативных правовых актов Московской области, проводимая с использованием информации, сообщений и документов, поступивших из государственных органов и органов государственной власти Российской Федерации, государственных органов Московской области и органов государственной власти Московской области, органов местного самоуправления муниципальных образований Московской области, организаций, от граждан и из иных источников в целях повышения качества законода-

тельства и эффективности правотворческой деятельности органов государственной власти Московской области, государственных органов Московской области;

В) правовой мониторинг (далее также – мониторинг) – деятельность органов государственной власти Московской области, государственных органов Московской области по осуществлению мониторинга нормативных правовых актов Московской области и мониторинга их правоприменения» [3].

Выделение в отдельную статью перечня понятий, а также полное указание и пояснение мониторинга различного характера позволяет уполномоченным на проведение органам государственной власти, а также гражданам и иным органам и организациям, гораздо лучше определять и проводить правовой мониторинг нормативных правовых актов субъекта.

В качестве положительного аспекта следует отметить, что Закон представляет довольно широкий перечень субъектов-участников правового мониторинга: Московская областная Дума (является субъектом, уполномоченным на проведение правового мониторинга); Правительство Московской области (является субъектом, уполномоченным на проведение правового мониторинга); центральные исполнительные органы государственной власти Московской области (является субъектом, уполномоченным на проведение правового мониторинга); государственные органы Московской области; Контрольно-счетная палата Московской области; органы местного самоуправления муниципальных образований Московской области; Совет муниципальных образований Московской области; Уполномоченный по правам человека в Московской области; Избирательная комиссия Московской области; Общественная палата Московской области; представители организаций и граждане, привлеченные субъектами правового мониторинга к участию в реализации мероприятий по проведению мониторинга.

Однако, используя сравнительный контекст с аналогичным Законом Калужской области, стоит отметить, что Закон Московской области не определяет базовые правила, методику проведения правового мониторинга, что ведёт к тому, что субъекты правового мониторинга не могут единообразно проводить мониторинг, из-за чего может страдать качество итогового результата.

Довольно схематичный характер носит правовой формат мониторинга правоприменения в Постановлении губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 08.09.2011 № 136 «О проведении мониторинга правоприменения в Ханты-Мансийской автономном округе – Югре». Не определяют ни понятие мониторинга правоприменения, ни базовые принципы. Отсутствует, как и в Законе Московской области, методика проведения мониторинга.

Спектр субъектов мониторинга правоприменения является довольно узким. К ним отнесены исполнительные органы автономного округа, Аппарат Губернатора, Правительство автономного округа [4].

Вместе с тем довольно позитивным представляется прием юридической техники, который закрепляет систему требований к докладу о результатах проведенного мониторинга правоприменения нормативных правовых актов автономного округа. Он должен содержать информацию о результатах мониторинга правоприменения и предложения о мерах по совершенствованию законодательных и иных нормативных правовых актов автономного округа путем принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) законодательных и иных нормативных правовых актов автономного округа; по повышению эффективности правоприменения; по повышению эффективности противодействия коррупции.

Следующим рассматриваемым нормативным правовым актом является Постановление губернатора Челябинской области от 07.10.2011 № 365 «О мониторинге правоприменения нормативных правовых актов Челябинской области, принятых Губернатором Челябинской области и Правительством Челябинской области». Постановление раскрывает мониторинг как «комплексную и плановую деятельность, осуществляемую органами исполнительной власти Челябинской области в пределах своих полномочий по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия, изменения или признания утратившими силу постановления Губернатора Челябинской области и Правительства Челябинской области» [7]. В рассматриваемом нормативном правовом акте указано, что компетентные органы в рамках своих полномочий по результатам мониторинга принимают меры по устранению выявленных недостатков в нормотвор-

ческой или правоприменительной деятельности. Анализ данного регионального нормативного правового акта позволяет сделать вывод, что предмет его правового регулирования достаточно узкий и замыкается только на нормативные правовые акты Правительства Челябинской области и Губернатора Челябинской области.

В Указе Губернатора Архангельской области от 16.11.2010 № 197-у «Об утверждении регламента организации и проведения мониторинга нормативных правовых актов Архангельской области» довольно полно и структурировано расписывается методика осуществления мониторинга правовых актов, чего не хватало многим нормативным правовым актом выше. Мониторинг нормативных правовых актов Архангельской области понимается как осуществляемая на постоянной основе систематическая деятельность исполнительных органов, структурных подразделений администрации Губернатора и Правительства и правового департамента по сбору, анализу и обобщению информации о качестве нормативных правовых актов Архангельской области, практике их применения [8]. Основной целью проведения мониторинга является совершенствование нормативных правовых актов и повышение эффективности деятельности исполнительных органов результате повышения качества правотворческой деятельности органов государственной власти Архангельской области. Впервые из всех рассматриваемых нормативных правовых актов к принципам добавляется такой пункт, как профессионализм лиц, осуществляющих мониторинг. Это означает, что лицо или орган, проводящий мониторинг, должны обладать соответствующими знаниями и компетенциями, необходимыми для наиболее качественного, полного и эффективного проведения мониторинга нормативных правовых актов.

Также в рассматриваемом Указе определяется сфера ответственности должностных лиц и органов государственной власти за те или иные действия (бездействия). Так, например, руководители исполнительных органов и структурных подразделений администрации Губернатора и Правительства несут ответственность за необеспечение полноты регулирования общественных отношений и наличие пробелов в нормативных правовых актах Архангельской области в сфере ведения соответствующего исполнительного

органа и структурного подразделения администрации Губернатора и Правительства; за искажение смысла положений нормативного правового акта Архангельской области при его применении; за неиспользование права при применении нормативного правового акта Архангельской области; за наличие коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах Архангельской области в сфере ведения соответствующего исполнительного органа и структурного подразделения администрации Губернатора и Правительства; за нарушение единообразия практики применения нормативных правовых актов Архангельской области и другое.

После осуществления мониторинга и представления его результатов Губернатор и его заместитель должны утвердить перечень поручения и план по реализации законов различного уровня. В приложения к Указу находятся бланки «Перечня поручений по совершенствованию нормативных правовых актов Архангельской области по итогам мониторинга» за конкретный период, а также «Комплексный план по реализации» федерального конституционного закона, федерального закона и иных. Такое внимание к процессуальным документам показывает, что в Архангельской области продемонстрировано самое ответственное отношение к правовому закреплению мониторинга нормативных правовых актов.

Постановление Правительства Новосибирской области от 13.11.2013 № 483-п «Об утверждении Порядка проведения мониторинга правоприменения в Новосибирской области» не поясняет практически ничего из того, что поясняли и определяли нормативные правовые акты выше. В Постановлении довольно коротко поясняется, что такое мониторинг правоприменения, а также закреплено, что он проводится в целях совершенствования законодательства России и Новосибирской области [6]. К сожалению, большая часть положений этого нормативного правового акта дублирует нормы федеральных актов, что, на наш взгляд, нельзя признать конструктивным приемом юридической техники.

В Постановлении Правительства Ярославской области от 15.10.2012 года № 1127-п «О мониторинге правоприменения в Ярославской области» под мониторингом понимается комплексная и плановая деятельность по сбору, обобщению, анализу и оценке ин-

формации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов. Аппарат правительства выделил три основные задачи, стоящие перед мониторингом правоприменения, а именно совершенствование нормативных правовых актов и процесса нормотворчества, выявление не применяемых на практике положений нормативных правовых актов, противоречий, пробелов, дублирования в правовом регулировании, реализация антикоррупционной политики, устранение противоречий между нормативными правовыми актами равной юридической силы [5]. В целях совершенствования правовой системы осуществляются региональными органами исполнительной власти следующие мероприятия: проведение мониторинга в соответствии с планом мониторинга, в том числе инкорпорация правовых актов СССР и РСФСР или их отдельных положений в законодательство РФ (или) признание указанных актов недействующими; организация работы по приведению нормативных правовых актов Ярославской области в соответствие с нормами действующего федерального и регионального законодательства; организация работы по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. В Постановлении указаны мероприятия и порядок осуществления процедуры по инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в законодательство РФ (или же вообще признания их недействительными).

Таким образом, по материалу данной статьи можно сделать вывод о том, что, несмотря на важное значение правового мониторинга для совершенствования действующего законодательства, нормативные правовые акты субъектов РФ, закрепляющие правовой формат данного вида юридической деятельности, весьма различны по форме и содержанию. Выборочный анализ соответствующих нормативных правовых актов показал, что не всегда региональные правотворцы системно и обстоятельно закрепляют ключевые аспекты осуществления правового мониторинга. В связи с чем представляется целесообразным принятие федерального закона о правовом мониторинге в России, в котором самостоятельный раздел будет посвящен вопросам правового регулирования правового мониторинга в субъектах РФ. На основе этого закона региональные законодатели должны будут принять законы субъек-

тов РФ, в которых будет содержаться полный спектр требований ко всем аспектам осуществления данного вида юридической деятельности в регионах. Именно данный подход позволит поднять на качественно более

высокий уровень правовой мониторинг и, как следствие, повысить эффективность действующего российского законодательства.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114147/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 10.06.2023).
2. Закон Калужской области от 28.03.2013 № 407-03 «О мониторинге правоприменения нормативных правовых актов Калужской области» (действующая редакция) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/15937394/> (дата обращения: 10.06.2023).
3. Закон Московской области от 04.05.2012 № 46/2012-03 «О правовом мониторинге в Московской области» (действующая редакция) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/36737556/> (дата обращения: 10.06.2023).
4. Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 08.09.2011 № 136 «О проведении мониторинга правоприменения в Ханты-Мансийской автономном округе — Югре» (действующая редакция) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/18931086/> (дата обращения: 10.06.2023).
5. Постановление Правительства Ярославской области от 15.10.2012 года № 1127-п «О мониторинге правоприменения в Ярославской области» (действующая редакция) Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/24575548/> (дата обращения: 10.06.2023).
6. Постановление Правительства Новосибирской области от 13.11.2013 № 483-п «Об утверждении Порядка проведения мониторинга правоприменения в Новосибирской области» (действующая редакция) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/7234050/> (дата обращения: 10.06.2023).
7. Постановление Губернатора Челябинской области от 07.10.2011 № 365 «О мониторинге правоприменения нормативных правовых актов Челябинской области, принятых Губернатором Челябинской области и Правительством Челябинской области» (действующая редакция) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/19815177/> (дата обращения: 10.06.2023).
8. Указ Губернатора Архангельской области от 16.11.2010 № 2 197-у «Об утверждении регламента организации и проведения мониторинга нормативных правовых актов Архангельской области» (действующая редакция) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/25140513/> (дата обращения: 10.06.2023).
9. Горохов, Д.Б., Спектор, Е.И., Глазкова, М.Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Материалы по правовым проблемам преодоления коррупции / Ю.А. Тихомиров, Д.Б. Горохов, Е.И. Спектор и др. — М.: ИЗиСП при Правительстве РФ, 2008. — 249 с.
10. Москалькова, Т.Н., Черников, В.В. Нормотворчество: научно-практическое пособие / Т.Н. Москалькова, В.В. Черников. — М.: Проспект, 2015. — 448 с.
11. Тихомирова, Л.В., Тихомиров, М.Ю. Юридическая энциклопедия. Изд. 5 е, доп. и перераб. / под ред. М.Ю. Тихомирова. — М.: Юринформцентр, 2001. — 927 с.

.Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аввакумова Елизавета Евгеньевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: avvakumovaee@studklg.ru

Андрьянова Виктория Алексеевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: andriyanovava@studklg.ru

Белова Ирина Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: belovaib@tksu.ru

Вериго Дарья Юрьевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: verigody@studklg.ru

Гаврилюк Наталия Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: gavriliuk_nata@bk.ru

Гандера Сергей Иванович – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.01 Педагогическое образование, профиль «История». E-mail: ganderasi@studklg.ru

Гольшиева Полина Дмитриевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция, профиль «Юриспруденция». E-mail: golyshevapd@studklg.ru

Гуреев Ярослав Витальевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 46.04.01 История, магистерская программа «Региональная история межнациональных отношений». E-mail: gureevyv@studklg.ru

Дерюгина Дария Юрьевна – преподаватель кафедры истории Института истории и права, аспирант кафедры философии, культурологии и социологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: deryuginady@studklg.ru

Дорохина Маргарита Николаевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа «Историческое регионоведение». E-mail: dorokhinamn@studklg.ru

Евсеева Елизавета Владимировна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «История и иностранный язык». E-mail: evseevaev@studklg.ru

Иванов Виталий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: ivanovvian@tksu.ru

Иванов Сергей Витальевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «История и обществознание». E-mail: ivanovsvit@studklg.ru

Ильяш Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: ilyashav@tksu.ru

Карпенко Артем Алексеевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: karpenkoaral@studklg.ru

Кометчиков Игорь Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: kometchikoviv@tksu.ru

Куделинская Анастасия Романовна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: kudelinskayaar@studklg.ru

Кукушкин Владимир Михайлович – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: kukushkinvm@studklg.ru

Курков Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: kurkovvv@tksu.ru

Магомедова Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: magomedovaea@tksu.ru

Меньшова Арина Олеговна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: menshovaa@studklg.ru

Моисеев Алексей Сергеевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: moiseevas@studklg.ru

Мосина Эльмира Сергеевна – студентка Института педагогики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «Педагогика и методика начального образования и информатика». E-mail: MosinaES@studklg.ru

Муравель Максим Андреевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция, профиль «Юриспруденция». E-mail: muravelma@studklg.ru

Мухина Марина Владимировна – аспирантка кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 46.06.01 Исторические науки и археология, профиль «Отечественная история». E-mail: moiseevas@studklg.ru

Панасюк Виктор Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: panasyukvv@tksu.ru

Пашкова Анастасия Андреевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: pashkovaaa@studklg.ru

Смирнова Евгения Олеговна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: smirnovaeo@studklg.ru

Сорочан Виталий Викторович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информатики и информационных технологий Инженерно-технологического института Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. E-mail: sorochanvv@tksu.ru

Старцева Юлия Сергеевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «История и иностранный язык». E-mail: startsevaylsr@studklg.ru

Тарасова Любовь Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: tarasovalv@tksu.ru

Ткач Дарья Александровна – студентка Института педагогики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профиль «Педагогика и методика начального образования и информатика». E-mail: TkachDA@studklg.ru

Штепа Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Яценко Елена Сергеевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: yatsenkoes@studklg.ru

